

Германский Фонд
Международного Правового
Сотрудничества

Gefördert durch:
Bundesministerium
der Justiz und
für Verbraucherschutz
aufgrund eines Beschlusses
des Deutschen Bundestages

Республиканский Центр
Правовой Помощи

АҚПАРАТТЫҚ ҚОҒАМДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ ЖӘНЕ СОТ БИЛІГІ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ЖӘНЕ ЗАҢНАМА МӘСЕЛЕЛЕРІ

Адам құқықтары жөніндегі III Еуразиялық форумның материалдар жинағы
(2021 ж. 10 желтоқсан, Нұр-Сұлтан қ.)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник материалов III Евразийского форума по правам человека
(10 декабря 2021 г., г. Нур-Султан)

HUMAN RIGHTS AND JUDICIAL POWER IN THE INFORMATION SOCIETY: ISSUES OF THEORY, PRACTICE AND LEGISLATION

Collection of materials of the III Eurasian Forum on Human Rights
(December 10, 2021, Nur-Sultan)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ЖОҒАРҒЫ СОТЫНЫҢ ЖАНЫНДАҒЫ
СОТ ТӨРЕЛІП АКАДЕМИЯСЫ

Германский Фонд
Международного Правового
Сотрудничества

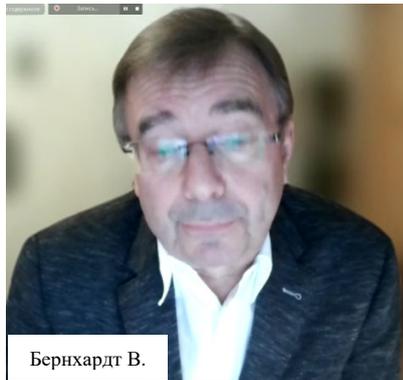

Gefördert durch:
Bundesministerium
der Justiz und
für Verbraucherschutz
aufgrund eines Beschlusses
des Deutschen Bundestages

Республиканский Центр
Правовой Помощи

Нұр-Сұлтан қ./Нур-Султан/Nur-Sultan,
2021

Gulnara Gachrudinova	Oleksandr Ishchenko, NSJ Ukr...	Академия правосудия ВС РК	Бурбаев Тулутали Каиржанович	Асанов Ж.К.
Wilfried Bernhardt	Monika Iwersen	Олегиш Василий Иванович	Гаджиев Ханлар Иршадович	Алипанов Арстан Нокешевич, профессор ЕНУ
Olga Terlyakova	Оксана Исаенкова	onig utku	Бурдина Елена Владимировна	Zafar Amirov
Нургуль Сальчиева	Jochen Sachse, Support	PPT	Nataliya Petrova (interpreter)	Aikhan Шоменов
Raushan Jussupova	Talгат Alimgozhin interpreter переводчик	Carolyn Hammer (OSCE/ODIHR)	Utkir Kholikov	Алмаз Абдувалиев

38 неназначенных участников

Асанов Ж.К.

Иверсен М.

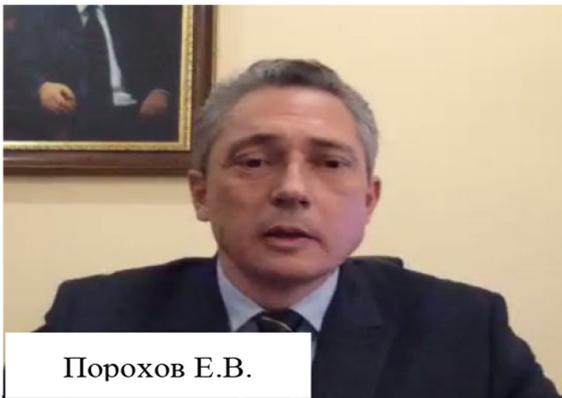
Абдолла С.Ж.

Бикебаев А.Ж.

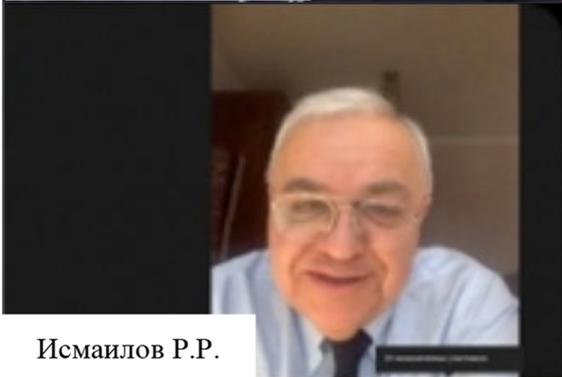
Гаджиев Х.И.

Порохов Е.В.

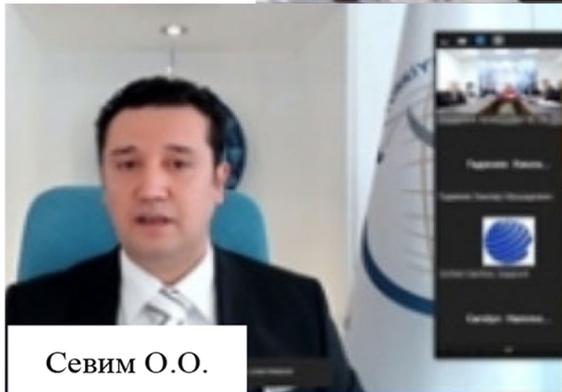
Степанов О.А.

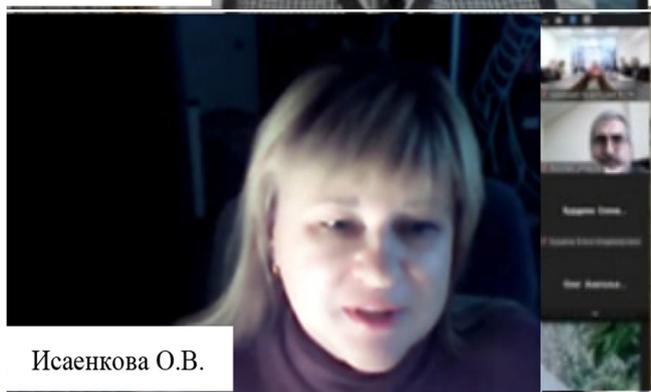
Исмаилов Р.Р.

Ищенко А.П.

Севим О.О.

Исаенкова О.В.

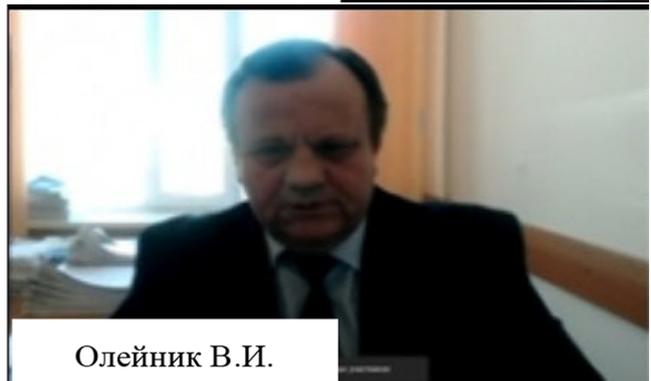
Дедов Д.И.

Поворова Е.А.

Грибов Н.Д.

Олейник В.И.

Бурдина Е.В.

Сидоренко А.И.

Хаммер К.

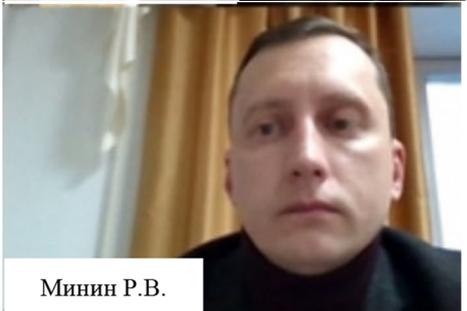
Багыллы С.Т.

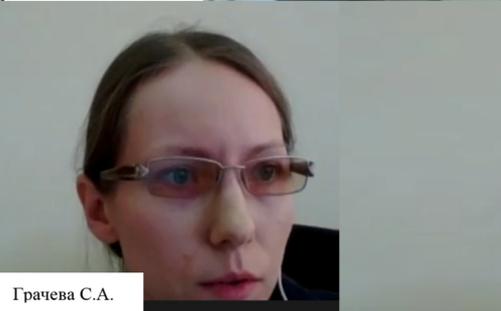
Сухова Н.В.

Асхауер К.

Минин Р.В.

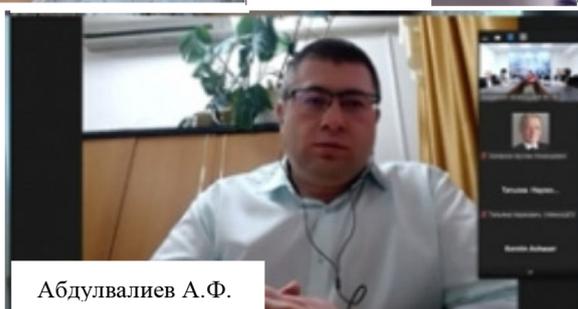
Грачева С.А.

Сальпиева Н.Ш.

Солдаткина О.Л.

Абдулвалиев А.Ф.

**АҚПАРАТТЫҚ ҚОҒАМДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ
ЖӘНЕ СОТ БИЛІГІ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ЖӘНЕ
ЗАҢНАМА МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Адам құқықтары жөніндегі
III Еуразиялық форумның материалдар жинағы
(2021 ж. 10 желтоқсан, Нұр-Сұлтан қ.)

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В
ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ, ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Сборник материалов
III Евразийского форума по правам человека
(10 декабря 2021 г., г. Нур-Султан)

**HUMAN RIGHTS AND JUDICIAL POWER IN THE
INFORMATION SOCIETY: ISSUES OF THEORY,
PRACTICE AND LEGISLATION**

Collection of materials of the
III Eurasian Forum on Human Rights
(December 10, 2021, Nur-Sultan)

ӘОЖ 340
КБЖ 67
А37

Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының ректоры **З.Х. Баймолдинаның** редакциясымен
Под редакцией кандидата юридических наук, ректора Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан **З.Х. Баймолдиной**
Edited by candidate of legal sciences, rector of the Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan **Z.H. Baymoldina**

Редакциялық алқа — Редакционная коллегия — Editorial Board

Т.З. Аймағанбетов, А.А. Биебаева, Е.О. Егембердиев, К.К. Мусин, Т.С. Нурышева
T.Z. Aimagambetov, A.A. Biebaeva, E.O. Egemberdiev, K.K. Musin, T.S. Nurysheva

A37 **Ақпараттық қоғамдағы адам құқықтары және сот билігі: теория, практика және заңнама мәселелері:** Адам құқықтары жөніндегі III Еуразиялық форумның материалдар жинағы (Нұр-Сұлтан қ., 2021 ж. 10 желтоқсан) / З.Х. Баймолдинаның редакциясымен. - Нұр-Сұлтан: «Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі Академиясы» РММ баспасы, 2022. - 226 б.

Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства: Сборник материалов III Евразийского форума по правам человека (г. Нур-Султан, 10 декабря 2021 г.) / Под ред. З.Х. Баймолдиной. - Нур-Султан: Издательство РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан», 2022. - 226 с.

Human rights and judicial power in the information society: issues of theory, practice and legislation: Collection of materials of the III Eurasian Forum on Human Rights (Nur-Sultan, December 10, 2021) / Edited by Z.H. Baymoldina; Nur-Sultan: Publishing house of the RGA "Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan", 2022. - 226 p.

ISBN 978-601-068-384-6

Жинаққа IRZ Германия халықаралық құқықтық ынтымақтастық қорының, Қазақстан Республикасы Судьялар Одағы және Республикалық құқықтық көмек орталығының қолдауымен Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі Академиясы 2021 жылғы 10 желтоқсанда ұйымдастырған адам құқықтары жөніндегі «Ақпараттық қоғамдағы адам құқықтары және сот билігі: теория, практика және заңнама мәселелері» атты III Еуразиялық форумға қатысушылардың баяндамаларының материалдары енгізілді. Форумға Әзірбайжан, Беларусь, Германия, Қырғызстан, Польша, Ресей, Түркия, Украина және Қазақстанның өкілдері қатысты.

Заң университеттері мен факультеттерінің оқытушыларына, магистранттарына, докторанттарына, сондай-ақ адам құқықтары проблематикасына қызығушылық танытқандарға арналған.

В сборник включены материалы докладов участников III Евразийского форума по правам человека «Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства», организованного Академией правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан 10 декабря 2021 года при поддержке Германского фонда международного правового сотрудничества IRZ, Союза судей Республики Казахстан и Республиканского Центра Правовой Помощи. В Форуме приняли участие представители Азербайджана, Беларуси, Германии, Киргизии, Польши, России, Турции, Украины и Казахстана.

Предназначено преподавателям, магистрантам, докторантам юридических ВУЗов и факультетов, а также всем, интересующимся проблематикой прав человека.

The collection includes materials of reports of participants of the III Eurasian Forum on Human Rights "Human Rights and the Judiciary in the Information Society: issues of theory, practice and legislation" (hereinafter referred to as the Forum), organized by the Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan on December 10, 2021 with the support of the German Foundation for International Legal Cooperation IRZ, the Union of Judges of the Republic of Kazakhstan and the Republican Center for Legal Assistance. The Forum was attended by representatives of Azerbaijan, Belarus, Germany, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Poland, Russia, Turkey, Ukraine and Kazakhstan.

It is intended for teachers, undergraduates, doctoral students of law schools and faculties, as well as anyone interested in human rights issues.

© Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі Академиясы/
Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан/ The Academy of
Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan 2022.

Барлық материалдар авторлық басылымда жарияланған. Авторлар материалдардың мазмұнына жауап береді. Все материалы публикуются в авторской редакции. За содержание материалов ответственность несут их авторы. All materials are published in the author's edition. The authors are responsible for the content of the materials.

Вступительное слово к открытию Форума

Баймолдина Зауреш Хамитовна,
к.ю.н., профессор, ректор
Академии правосудия при
Верховном Суде
Республики Казахстан

Уважаемые участники, добро пожаловать на III Евразийский форум по правам человека, посвященный Всемирному Дню Прав Человека.

Форум стал традиционным и проводится в этом году третий раз. Главная цель Форума – обмен опытом и достижениями, демонстрация имеющегося потенциала для решения вопросов, касающихся судебной защиты прав и свобод человека в условиях информационного общества.

Организатором Форума является Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан, соорганизаторами Форума являются Германский фонд международного правового сотрудничества IRZ, Союз судей Республики Казахстан и Республиканский Центр Правовой Помощи.

Тема Форума «Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства» обусловлена тем, что цифровое развитие является одним из приоритетных направлений судебной реформы, которое позволит сформировать «правосудие XXI века».

Искусственный интеллект открывает возможности для расширения доступа к правосудию и повышению качества его отправления при разумном и осознанном его внедрении.

Полагаем, что применение современных технологий придаст новый импульс базовым принципам судопроизводства, наполнит их новым содержанием и новыми гарантиями. Речь идет о принципах независимости судей, законности, доступности правосудия, рассмотрения дел в разумные сроки, открытости и гласности.

На Форуме участвуют эксперты, ученые из Азербайджана, Беларуси, Германии, Казахстана, Киргизии, Польши, России, Турции и Украины.

Надеемся, что сегодня состоится конструктивный диалог и обмен опытом и мнениями по теме Форума!

I. Выступления с приветственными словами

Асанов Жакип Кажманович,
Председатель Верховного Суда
Республики Казахстан

Уважаемые участники форума!
Дамы и господа!

Рад приветствовать вас от имени Верховного Суда Казахстана и себя лично.

III Евразийский форум по правам человека символично проводится в преддверии празднования нашей страной 30-летия Независимости.

За это время Казахстан прошел свой путь построения правового государства. Высшими его ценностями мы объявили человека, его жизнь, права и свободы.

Их защита и обеспечение исполнения законов являются основным предназначением судебной власти.

Для этого в стране создана полноценная правовая основа, закрепившая основные принципы верховенства права.

Главной остается независимость судей.

Здесь бросались в глаза две проблемы.

Первая. Это внешняя зависимость.

И вторая – внутренняя зависимость.

Что касается внешней зависимости, то известно, что сейчас бюджет судов определяется Правительством, затем утверждается Парламентом.

Верховный Суд каждый год просит в Министерстве финансов деньги на свои нужды.

Местные суды обращаются в акиматы для аренды и ремонта своих зданий.

В будущем году это изменится.

Вчера Сенат принял очень важный закон.

Бюджет судов будет определяться в размере не менее 6,5% от расходов, которые идут на содержание всех государственных органов.

Судебная власть ни от кого не будет зависеть финансово.

Что касается внутренней зависимости судей - это зависимость от председателей судов.

Во-первых, через закон упразднили президиумы, которые формировались самими председателями.

Именно президиум решал: материалы в отношении рядовых судей передавать или не передавать в Судебное жюри.

Теперь передачу материалов в Судебное жюри решают все судьи областных судов на пленарном заседании путем тайного голосования.

Во-вторых, ограничили срок пребывания председателей на этой должности. Теперь они не вправе занимать ее более двух раз.

Раньше председатели не сменялись по 20-30 лет.

Их также лишили всякой возможности вмешиваться в автоматическое распределение дел.

При этом мы отменили рейтинг судов, который толкал председателей на гонку за показателями.

И третье. Судебное жюри, а также Комиссия по резерву, от которых зависела карьера судей, переданы от Верховного Суда в Высший Судебный Совет.

Их составы теперь не зависят от Председателя Верховного Суда.

С 1 июля этого года у нас заработала административная юстиция.

Она дала старт новому судопроизводству.

Прежде всего, это вызов всей системе государственного управления.

Приведу лишь несколько цифр.

За 5 месяцев государственные органы проиграли по каждому второму спору против них (49%).

Раньше они выигрывали почти в 9 случаях из 10. Порой, даже не приходя в суд.

Причина – административная юстиция установила совершенно новый порядок разрешения таких споров, введя принцип «презумпции виновности» госоргана.

Пользуясь случаем, хочу обратиться к госпоже Монике Иверсен, Чрезвычайному и Полномочному Послу Федеративной Республики Германия, и выразить благодарность за неоценимую помощь, которую оказывает Германия и компания «GIZ».

«GIZ» и непосредственно ее руководитель Йорг Пуделька провели огромную работу по продвижению адмюстиции в Казахстане и внесли значительный вклад в разработку нашего АППК.

Наше сотрудничество приносит плоды и в других направлениях правовой и судебной реформы.

Еще раз скажу: большое спасибо!

Сегодня суды обеспечены современными информационно-коммуникационными технологиями.

Благодаря цифровизации и модернизации информационных систем в период пандемии ни один наш суд ни на один день не был закрыт.

В прошлом году Казахстан впервые попал в периодический отчет Комиссии Совета Европы по эффективности правосудия (СЕРЕJ).

И сразу же получили высокий балл – 4-е место по эффективности применения судами IT-технологий. Более высокие баллы только у трех стран из 48 участвующих: Латвии, Эстонии, Португалии.

Мы не собираемся на этом успокоиться.

На подходе внедрение робота – «Smart-помощник судьи», который готовит проекты судебных актов. Это бесспорные дела и они не требуют судебного усмотрения.

IT-сервис подготовит проект решения. Судья проверит и скрепит его своей подписью.

Сюда войдут запреты на выезд, судебные приказы, УДО, санкции и другие. По нашим подсчетам это порядка 30% от всех судебных актов в год по стране.

Для единообразия судебной практики делаем IT-программу «Цифровая аналитика».

Этот сервис позволяет сделать прогноз по судебному спору и понять шансы на успех, т. е. оценить каждой стороне: стоит ли идти в суд или нет.

Планируем запустить его с 1 января 2022 года.

Сделаем его доступным для всех.

Эти продукты дадут эффект, который ощутят и простые люди, и бизнес, и инвесторы.

Мы стремимся приблизить наше правосудие к лучшим мировым стандартам.

Но, не менее важно сегодня формировать в обществе современное правовое мышление, повышать правовую грамотность населения.

Суд не решает все проблемы. Редко когда обе стороны довольны итогом процесса. Поэтому в качестве одного из приоритетов мы видим развитие альтернативных способов разрешения споров. Тут нет проигравших. Одни плюсы. Снижается конфликтность в обществе. Сохраняются партнерские, дружеские, родственные отношения.

4 года назад мы запустили пилотный проект по примирению. Взяли за основу опыт гражданских судов Сингапура. Пилот показал: можно достичь примирения до 30% споров.

Как итог, в прошлом году внесены поправки в ГПК.

Теперь иск сначала поступает судье, у которого одна задача – примирить. Если нет, то дело смотрит другой судья. Но и он тоже должен найти консенсус.

Если до 2019 года из 9 гражданских споров примирение наступало лишь по одному делу, то сейчас миром завершается каждое третье дело. То есть поиск компромисса – это уже норма.

Возможность решить спор без суда – значит, решить его без проигравших! И это лучший вариант выхода из любого конфликта.

Уважаемые участники форума!

В обеспечении защиты прав и свобод человека нет второстепенных задач. Укрепление судебной защиты – наша обязанность и ответственность.

Мы будем рады обмену опытом.

Желаю успехов форуму, а всем участникам и гостям – интересных и плодотворных дискуссий!

Благодарю за внимание!

Абдолла Сакен Жусипахметович,
к.ю.н., Председатель Союза
судей Республики Казахстан

Уважаемые участники форума!

В текущем году с участием Президента Республики Казахстан состоялся VIII Съезд судей страны, на котором обсуждены результаты судебной реформы и намечены новые задачи.

Глава государства отметил, что «нужно обратить самое серьезное внимание на условия, в которых работают наши судьи».

За последние годы государством и обществом были приняты действенные меры по укреплению судебной системы, повышению ее эффективности и открытости.

В рамках реализации Плана нации - 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Первого Президента Республики Казахстан, Елбасы Нурсултана Абишевича Назарбаева Центральный совет Союза судей Казахстана принимает активное участие в разработке законопроектов, направленных на укрепление судебной власти, статуса судей, повышению персональной ответственности судей за качество отправления правосудия.

Союз судей Казахстана является полноправным членом Международной Ассоциации судей.

Отрадно отметить, что Казахстан – одна из стран на постсоветском пространстве, где Кодекс судейской этики получил положительное заключение Венецианской комиссии. Центральным Советом в текущем году разработан и утвержден постатейный комментарий к Кодексу судейской этики. Действующим этическим кодексом заложены высокие стандарты поведения судей, поскольку от профессионализма, морально-нравственного облика судьи зависит достижение главной цели происходящих в судебной системе преобразований - повышения доверия к суду.

Конечно, каждый судья должен придерживаться морально-этических норм общества, этического кодекса судьи, особенно сейчас, когда личность судьи рассматривается обществом не только с точки зрения его профессиональной компетентности, но и его личных моральных качеств.

Пандемия, охватившая весь мир, вынудила перестроить работу судов, практически полностью, судебные заседания были переведены в онлайн-формат в целях защиты здоровья граждан.

Развитие информационных технологий позволило судам стать еще более открытыми и, в то же время, уязвимыми. В последнее время в средствах массовой информации участились случаи необоснованной критики судов и отдельных судей. Это явление получило название «скандализация правосудия», когда те или иные участники судебного процесса однобоко, субъективно представляют общественности суть конкретного дела, с целью создать определенный резонанс вокруг этого дела и тем самым оказать давление на судью. Имеются факты открытой информационной травли судьи в социальных сетях. Все это, безусловно, подрывает имидж судов среди

населения. На сегодняшний день единственным способом защиты судьи своей чести и достоинства является обращение в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства. Однако, этого недостаточно.

В этой связи внесено предложение о законодательном закреплении ответственности за давление на суд и судью через СМИ и социальные сети (за «скандализацию правосудия»), предусмотрев новые составы административных и уголовных правонарушений.

Это необходимо для защиты независимости и статуса судьи. «Скандализация правосудия» это своего рода правовой экстремизм, опасность которого заключается в расшатывании основ правопорядка и законности.

Реформирование судебной системы Казахстана ведется в целях повышение уровня справедливой судебной защиты прав граждан и укрепление доверия к суду со стороны казахстанского общества.

Не сомневаюсь, что сегодня состоится конструктивный диалог по всем обозначенным в программе вопросам.

Желаю всем успеха и плодотворной работы!

Monika Iwersen,
Extraordinary and Plenipotentiary
Ambassador of the Federal
Republic of Germany

Dear participants,

Today we celebrate Human Rights Day. We celebrate the adoption of the Universal Declaration of Human Rights on December 10 1948. In the 70 years since then I believe that the world has made substantial progress. We now have a robust system to protect human rights, especially through the United Nations: the High Commissioner for Human Rights, the monitoring committees and of course the Human Rights Council in Geneva. I would like to use this opportunity to congratulate Kazakhstan on its election to the UN Human Rights Council for the period 2022-24.

A lot has been achieved, but we are also facing many new challenges: globalization, digitalization, migration, climate change and of course the COVID pandemic, as well as systemic competition with challenges to the universal applicability of human rights itself - all these challenges pose a threat to human rights. So working on the protection of Human Rights is and remains a constant work in progress.

A lot has been achieved, but we are also facing many new challenges: globalization, digitalization, migration, climate change and of course the COVID pandemic, as well as systemic competition with challenges to the universal applicability of human rights itself - all these challenges pose a threat to human rights. So working on the protection of Human Rights is and remains a constant work in progress.

Human Rights are also a cornerstone of our foreign policy. The new German government has committed to strengthening the protection of human rights and human rights defenders. We want to cooperate with our partners abroad to promote human rights implementation. And I am certain that next year, when our two countries will be celebrating 30 years of diplomatic relations and with Kazakhstan's membership in the Human Rights Council, we will have good occasions to further strengthen our cooperation in this field as well.

Allow me to mention a couple of examples of cooperation where in my view we can advance our mutual interests.

One field of cooperation are President Tokayev's reform efforts. We are convinced that strengthening the rule of law and further modernizing the legal system will support the further development of the country and will continue to strengthen its international standing. Germany stands ready to support this process at any time. We strongly value the good cooperation with the Supreme Court in particular. It is also worth noting that GIZ and IRZ are providing significant support for the implementation of the latest administrative law reform in Kazakhstan. And I am grateful for the continued efforts undertaken by the Kazakh government to inform the diplomatic community, particularly EU member states, about policies and actions in the field of human rights on a continuous basis.

Climate change is also increasingly threatening human rights, by putting stress on livelihoods, food security and vital natural resources such as water. Kazakhstan is

the most important partner of German business in Central Asia. The decarbonization of our economies, which both Germany and Kazakhstan have set as their goal, offers particular new opportunities for sustainable and inclusive economic growth. With sustainable investments and modern technology, German and European companies can make an important contribution to achieving the climate neutrality targeted by Kazakhstan for 2060 and thus protect and preserve our environment.

Kazakhstan also plays a central role in Germany's "Green Central Asia" initiative. With this initiative we want to support cross-border cooperation on climate change, mediation of its effects and conflict prevention in Central Asia.

Kazakhstan is also an important actor in addressing the consequences of current developments in Afghanistan, where human rights are at severe risk and where a major humanitarian crisis is unfolding. By providing a transit corridor for particular groups of Afghans at risk, and delivering humanitarian assistance to Afghanistan, and by making this a focus also of its dialogue with international partners, Kazakhstan has admirably shown leadership in this difficult situation. We highly value Kazakhstan as a partner in this matter.

The digital revolution and new technologies are moving humanity as a whole forward - but they also pose risks. Hate speech that leads to violence. Artificial intelligence that can exacerbate discrimination. But there must not be internet censorship. Protecting critical discussion and freedom of speech, human dignity and privacy in the digital age is therefore a huge challenge. It will be interesting to hear the expert contributions on this topic later on.

The digital revolution and new technologies are moving humanity as a whole forward - but they also pose risks. Hate speech that leads to violence. Artificial intelligence that can exacerbate discrimination. But there must not be internet censorship. Protecting critical discussion and freedom of speech, human dignity and privacy in the digital age is therefore a huge challenge. It will be interesting to hear the expert contributions on this topic later on.

We highly value the fact that Germany and Kazakhstan have established such a strong cooperation on legal reforms. Let me express my particular gratitude to the Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan and the German Foundation for international legal cooperation for organizing this forum on human rights with so many distinguished experts from Kazakhstan and Germany. And let's look for further opportunities to broaden our cooperation.

For now, I wish you a very successful conference.

II. Доступность правосудия и электронные технологии: национальный и зарубежный опыт

проф. д-р Вильфрид Бернхардт,
внештатный профессор
интернет-права
Лейпцигского университета,
управляющий директор фирмы
«Бернхардт Ай-Ти Менеджмент
Консалтинг»

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ – ГРЯДЕТ ЛИ РОБОТ-СУДЬЯ?

I.) Ситуация: от судебной системы требуется более эффективная работа перед лицом частной конкуренции

В наши времена все более усложняющейся правовой системы суды сталкиваются с серьезной проблемой – они едва ли способны сейчас эффективно перерабатывать огромное количество существующих правовых норм, информации, аргументов и делать это быстро. Ситуация еще более усложняется из-за финансовых ограничений – слишком мало судей из-за сокращений бюджета. Но от судебной системы по-прежнему ожидают очень многого. В частности, предполагается, что судебная система будет использовать современные информационные технологии так же, как это делают институты гражданского общества. В мире, где граждане могут организовать свою жизнь в несколько нажатий на клавишу компьютерной мыши, правосудие не может оставаться в оковах старых аналоговых моделей поведения.

Помимо этого, судебная система должна опасаться конкуренции со стороны крупных платформ юридических услуг, на которых все чаще оперативно предлагаются правовые консультации, относящиеся, например, к правовым спорам о компенсации убытков из-за задержек в движении транспорта, о размере арендной платы за жилье или расторжении трудовых договоров, с применением для этих работ искусственного интеллекта (ИИ), под которым я подразумеваю информационные технологические системы, работающие автономно и способные к самообучению. Эти платформы работают быстро, но поскольку они не находятся в ведении судебных органов, то существует риск, что они не работают действительно беспристрастно. Это может привести к такому толкованию законов, которое не соответствует исходной интенции законодателей. Все это действительно превращается в проблему, когда независимая ветвь власти в государстве – судебная система – вытесняется платформами, находящимися в руках частных предпринимателей. Однако демократические конституции намеренно не вверяют решение судебных споров частным компаниям. Это связано с тем, что в частных правовых транзакциях компании частного сектора и граждане часто не обладают одинаковыми возможностями влияния и не занимают равных по силе

позиций; частные правовые платформы не всегда могут выправить этот дисбаланс. Поэтому существование независимой судебной системы, призванной защищать слабых от сильных, обосновано и необходимо даже в эпоху цифровой трансформации.

Однако может возникнуть и другая ситуация: крупные платформы, управляемые частными лицами, не всегда сами принимают решения по судебным делам. В Германии деятельность таких платформ по проверке правовых притязаний разрешена Законом о юридических услугах только в том случае, если они функционируют в качестве поставщиков услуг по взысканию долгов в рамках принудительного исполнения требований. Либо такие платформы могут предложить пользователям только первоначальную оценку правовой ситуации, а затем пользователи будут отстаивать свои права в судебном порядке, отталкиваясь от этой оценки. Как следствие, использование платформ может породить огромные объемы новых дел. Агентства по взысканию долгов направляют в суды автоматически сформированные искусственным интеллектом иски против людей по факту задолженности. Применение инструментов ИИ приводит к значительному потоку дел в суды, что побуждает и суды также приступить к использованию сходных инструментов для управления этим потоком заявлений и автоматической оценки полученных дел.

И, наконец, давление растет также из-за конкуренции со стороны частных арбитражных судов и лиц, оказывающих услуги по медиации, онлайн-платформ для разрешения споров и автоматизированного принятия решений, которые могут выносить решения гораздо быстрее, чем суды благодаря интенсивному использованию искусственного интеллекта.

II.) Категории

Можно выделить три основные области применения ИИ в области правосудия: классификация/анализ, перевод/анонимизация и взаимодействие.

A. Классификация и анализ

Классификация и анализ подразумевают структурирование поступающих документов: документы, поступающие в суд, могут быть проанализированы с помощью искусственного интеллекта и отнесены к различным отраслям права, таким как уголовное право, гражданское право и трудовое право. В уголовных делах тексты могут быть автоматически разделены на такие категории, как «допрос обвиняемых», «показания свидетелей» или «обвинение в совершении преступления». Внутри документа также можно выявить определенные атрибуты, связанные с содержанием, отфильтровать по ним ходатайства или запросы о предоставлении доказательств и отнести их к определенным фактам или юридическим спорам. Это особенно полезный инструмент в тех случаях, когда данные, поступающие вместе с документом, неструктурированы. Кроме того, в ходатайствах можно выявить связи, относящиеся к содержанию, даже если они без дополнительных усилий не могут быть сразу распознаны человеком – это особенно полезно при рассмотрении коллективных исков, когда необходимо найти общие черты и, возможно, индивидуальные различия в документах. Такие инструменты также можно использовать для анализа ходатайств, подаваемых сторонами, чтобы определить, насколько они

взаимосвязаны и где существуют различия в их содержании. Также можно использовать ИИ для извлечения аргументов из судебных исков и других ходатайств и их сравнения со сходными судебными делами.

В Германии Рабочая группа по модернизации гражданского процесса из Кельнского университета («Правовая юридическая лаборатория» под научным руководством профессора Ростальски) работает над автоматизированным анализом и статистической оценкой рассуждений при вынесении приговоров в решениях по уголовным делам (<https://legaltechcologne.de/smart-sentencing/>). Целью является создание общедоступной базы данных с функцией поиска, которая позволит, например, судье по уголовным делам найти те решения из большого количества приговоров, которые схожи делу, которое ему предстоит разобрать.

Системы на основе искусственного интеллекта, которые могут прогнозировать решения, приобретают сейчас все большее значение. Это может быть использовано тяжущимися сторонам для того, чтобы лучше формулировать свои аргументы. Возможно, эта функциональность даже может быть включена в судебные онлайн-платформы, чтобы дать потенциальным истцам возможность проверять свою правовую позицию, например, в отделах по приему исков. Теоретически это также может быть использовано судьями для лучшей подготовки решений или, совсем уже в крайних случаях, даже для применения робота-судьи. Для органов уголовного розыска технология когнитивных систем может оказаться очень полезной в работе. Можно анализировать автоматизированным способом изображения, видео- и аудиоматериалы, чтобы определить, различим ли человек, и если да, то какой, является ли он несовершеннолетним или взрослым, что потенциально актуально для уголовного права в области сексуальных преступлений и детской порнографии. 25 мая 2021 года министр юстиции земли Северный Рейн-Вестфалия представил результаты исследовательского проекта, реализованного представителями академического сообщества, практикующими судебными юристами и компанией «Microsoft», показывающие, что инструменты на основе ИИ могут классифицировать визуальные материалы по категориям «детская порнография», «порнография несовершеннолетних», «некриминальная порнографии взрослых» и другие визуальные материалы с точностью, превышающая 90%

(https://www.justiz.nrw/JM/Presse/reden/archiv/2021_01_Archiv/2021_05_25_Kuenstliche_Intelligenz/index.php, ссылка по состоянию на 19.12.2021). Хотя используемый ИИ не предназначается для замены человека в роли эксперта, ИИ может помочь быстро и эффективно на очень раннем этапе расследования отфильтровать из большого количества данных те части доказательств, которые необходимы для рассмотрения возникшего подозрения в совершении преступления и возможного принятия постановления о предварительном заключении.

В Соединенных Штатах программа под названием «COMPAS» используется учреждениями уголовного правосудия для распределения правонарушителей по категориям в соответствии с оценкой риска. По этой шкале риска рассчитывается вероятность рецидивизма. Однако использование

этой программы выявило и проблемы, на что указывает одно исследование. Например, темнокожим людям, по-видимому, в принципе присваивались более высокие баллы по шкале потенциального рецидивизма, чем белым. Прогнозы при использовании «COMPAS» оказались верными лишь на 65%, что слишком мало для того, чтобы они имели значимые правовые последствия [1]. Похоже, что иногда ИИ дискриминирует темнокожих людей, которые под влиянием выводов ИИ начинают восприниматься как вызывающие все больше подозрений. Этот риск дискриминации, присущий программированию ИИ, необходимо учитывать при внедрении ИИ в практику. С другой стороны, ИИ иногда может уменьшить личностную предвзятость судьи, усиливая объективные параметры решения суда. А иногда ИИ может помочь объективизировать решения по спорам в целом, поскольку он не воспроизводит симпатии или антипатии человека-судьи.

В. Автоматический перевод

Очень полезным может оказаться применение ИИ для письменного перевода в сфере правосудия. Особенно это актуально в Европейском Союзе, где имеются 24 различных официальных языка и часто возникает необходимость перевода иноязычных текстов на язык судебного разбирательства. Это происходит потому, что все больше правовых споров выходят за пределы национальных государств и, соответственно, за пределы языковых границ. Нейронный машинный перевод основан на моделировании нейронной сети, которая создана по образцу человеческого мозга. Нейронная система перевода учится на текстах, имеющих на обоих языках, распознает пользователей и адаптирует дальнейшие переводы в соответствии с этими требованиями.

С. Анонимизация судебных решений

ИИ также может быть использован для анонимизации судебных решений. В Германии реализуются междисциплинарные исследовательские проекты – например, в Университете Эрлангена при участии Министерства юстиции Баварии – по правовым и техническим вопросам автоматической анонимизации судебных решений

(https://cris.fau.de/converis/portal/Publication/250428305?auxfun=&lang=en_G В, ссылка по состоянию на 19.12.2021).

Поскольку, согласно коалиционному соглашению нового федерального правительства Германии, в будущем все решения немецких судов должны публиковаться в Интернете, важно, чтобы персональные данные, например, сторон спора или ответчика были анонимизированы перед публикацией. Но иногда недостаточно просто скрыть имена участников, чтобы предотвратить быструю деанонимизацию. В таких случаях ИИ может использовать контекстный анализ, чтобы определить, какую дальнейшую анонимизацию необходимо осуществить.

Д. Взаимодействие

Еще одной областью для возможного применения ИИ является взаимодействие.

В Германии рабочая группа по модернизации гражданского процесса разработала предложения для судебной системы

(<https://anwaltsblatt.anwaltverein.de/de/anwaeltinnen-anwaelte/anwaltspraxis/modernisierung-des-zivilprozesses-kommt-der-grosse-aufschlag>, ссылка по состоянию на 19.12.2021). Эти предложения направлены на введение ускоренной процедуры на основе форм, которая, как правило, должна целиком выполняться через электронные средства связи. Действие ее будет распространяться лишь на несколько судов при ограничении цены иска суммой в 5000 евро. Такая ускоренная онлайн-процедура будет также сопровождаться внедрением автоматизированных механизмов, опирающихся на ИИ. Под эгидой Федерального министерства юстиции Германии в последние месяцы в рамках проекта «Tech4Germany» был разработан онлайн-инструмент для подачи гражданских исков (<https://dev.tech4germany.org/bmjv-justizportal/> ссылка по состоянию на 19.12.2021). Это позволяет гражданам разобраться в своих правовых проблемах, оценить возможные претензии по бытовым проблемам, найти варианты действий в своем случае и, при необходимости, подать судебный иск.

Теоретически, ИИ также способен автоматически генерировать документы для принятия решений. Поскольку уже существуют инструменты, используемые, например, арбитражными трибуналами в режиме онлайн, которые автоматически вырабатывают определенные предложения по принятию решений, технически возможно полностью автоматизировать процессы. Однако в настоящее время это не планируется, по крайней мере, в Германии. Действительно, в административном процессе возможно вынесение так называемого автоматического административного постановления – но при условии отсутствия усмотрения органа власти. Однако судебное решение не может быть уподоблено административному решению. Существуют средства правовой защиты против автоматического административного акта, о чем решение принимают люди. Но кто принимает решение по автоматическим судебным решениям? Практика вынесения автоматических решений может существовать только в очень жестко структурированных процедурах, например, относящихся к выдаче приказа на производство денежных выплат или к искам с небольшой ценой, то есть при обеспечении исполнения мелких исков, если решение уже основано только на формальных критериях.

Е. Иные возможности применения ИИ в судебной системе

Также могут быть использованы чат-боты, основанные на искусственном интеллекте [1]. Таким образом, ходатайства или ответы на заявления могут быть зарегистрированы в структурированном порядке через информационные системы, что частично или полностью снимает эту нагрузку с юридических фирм. Ходатайства адвокатов можно было бы проверять на полноту с помощью чат-ботов.

III. Правовая оценка применения искусственного интеллекта в судебной системе

А. Общий регламент защиты персональных данных ЕС

Согласно Ст. 22 (1) Общего регламента защиты персональных данных (в случае электронной обработки персональных данных) требуется, чтобы субъект данных имел право на действия со стороны человека, решение машины не является достаточным – если только субъект данных не дал согласие на такое

автоматическое решение или если этот вопрос не регулируется иначе в национальном законодательстве.

В. Основной закон ФРГ, Хартия Европейского Союза об основных правах

Можно видеть, что некоторые принципы закреплены в конституциях государств, а также и на наднациональном уровне, например, в Хартии Европейского Союза об основных правах.

а.) Принципы, предполагающие применение ИИ

Существуют конституционные принципы, которые предполагают использование искусственного интеллекта в определенных случаях. Например, должен быть гарантирован принцип эффективной правовой защиты – Статья 19 (4) Основного закона ФРГ. Это включает в себя гарантию предоставления правовой защиты в разумные сроки, которые основываются на конкретных обстоятельствах дела.

Если суды не могут обеспечить правовую защиту в разумные сроки из-за недостаточного оборудования, то для повышения эффективности должны использоваться технические средства.

б.) Принципы, могущие препятствовать применению ИИ

Однако, с другой стороны, необходимо учитывать конституционные принципы, которые могут препятствовать использованию ИИ в отдельных случаях.

Прежде всего, должно соблюдаться право на достоинство личности (Ст. 1 п. 1 Основного закона ФРГ, Ст. 1 Хартии Европейского Союза об основных правах, Ст. 2 предложение 1 Договора о Европейском Союзе, Ст. 1 Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций от 10.12.1948). В сочетании со Статьей 2 (1) Основного закона ФРГ это дает право на защиту личности, право на информационное самоопределение, которое обрело свою форму в Статье 7 Хартии Европейского Союза об основных правах в виде права определять использование информации о своей личной жизни.

Следует обратить внимание на обязательство соблюдать принцип равенства и принцип недискриминации (Ст. 3(1) предложение 1 Основного закона ФРГ; Ст. Ст. 20, 21 Хартии Европейского Союза об основных правах, ст. 9 Договора о Европейском Союзе, Ст. 14 Европейской конвенции по правам человека, Ст. 2 Всеобщей декларации прав человека ООН). Этот принцип может оказаться нарушенным, если судьи используют для принятия решений программное обеспечение, способ программирования которого не раскрывается, и поэтому дискриминационные входные данные – как в случае с программой «COMPAS» – не видны судье. Это верно, во-первых, в тех случаях, когда автоматизированное решение может потенциально дискриминировать субъекта решения, поскольку дискриминация была заложена в программное обеспечение. Однако это также может случаться, если судья использует искусственный интеллект, принципы программирования которого ему неизвестны, и который может представить судье предложения по принятию решения, ведущие к дискриминации. Поэтому определяющим фактором являются данные, на которых основано обучение искусственного интеллекта. И здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: как получить надежные, недискриминационные данные для обучения? Если данные для обучения

машины ищутся в системе правосудия, необходимо позаботиться о защите персональных данных, например, данных участников судебного процесса. Таким образом, для программирования ИИ в лучшем случае могут быть использованы анонимизированные данные. Однако анонимизация данных для обучения ИИ может частично привести к тому, что содержательность данных для обучения не может быть удостоверена надежным образом.

Необходимо соблюдать руководящий принцип естественного судьи (согласно Ст. 92 Основного закона ФРГ) и независимого судьи. Правосудие должно быть защищено от вмешательства. Судья должен всегда сохранять контроль над собственным решением, т.е. не должен отдавать его на откуп самообучающейся машине, результат работы которой никто не может предвидеть или на который никто не может конкретно повлиять. Судья при использовании информационных технологий, помогающих ему в профессиональной сфере, должен быть в состоянии распознать, какие данные были использованы, чтобы иметь возможность принять собственное ответственное решение, а при необходимости быть в состоянии принять решение, которое будет способствовать дальнейшему развитию права [2].

Право на эффективное средство правовой защиты подразумевает право на обоснованное и индивидуальное решение, что гарантирует и улучшает доступ к правосудию для частных лиц, предприятий и практикующих юристов. Статья 13 Европейской конвенции по правам человека: «Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе (...)». Это включает в себя непрозрачность самого решения, его основание, а также то, дали ли люди согласие на использование своих данных при принятии этого решения или вообще знают о том, что решение затрагивает их.

Требование справедливого рассмотрения дела в суде (Ст. 47 п. 2 Хартии Европейского Союза об основных правах, Ст. 6 Европейской конвенции по правам человека) также дает сторонам процесса возможность влиять на ход и результат разбирательства. Это также, вероятно, будет трудно реализовать в случае самообучающегося безнадзорного ИИ.

Кроме того, право на рассмотрение дела в суде надлежащей юрисдикции требует соблюдения определенных обязанностей и четкого определения компетентного судьи или судебной коллегии до начала разбирательства. Но кто несет ответственность, когда дело решает машина? Покупатель или владелец робота, причинившего ущерб? Производитель? Сам робот?

Требование прозрачности и подотчетности вытекает из принципа верховенства закона [1; 3]. Таким образом, необходимо принимать во внимание уже обозначенные опасности дискриминации, что всегда может произойти, когда ИИ воспринимает существующую дискриминацию как исходные данные, как основание для увековечивания дискриминации в будущем. Прозрачность означает простую понятность процесса для человека и последующую объяснимость способа действий ИИ и использованных входных данных.

Часто следующее является основной проблемой при использовании искусственного интеллекта в судебной системе: судьи и прокуроры, а также тяжущиеся стороны нередко не знают данных, на основе которых был

запрограммирован искусственный интеллект. Они также не знают, как работает искусственный интеллект. Кроме того, отсутствует в надлежащем объеме документация по программированию. Все сложнее становится обеспечить прозрачность в случае с самообучающимся искусственным интеллектом. Здесь искусственный интеллект становится больше похожим на черный ящик. Отсутствие прозрачности приводит к потере доверия, а доверие так важно для судебной системы.

Далее, должен соблюдаться принцип права быть услышанным вместе с правом на ознакомление с документами, на которых основано судебное решение: например, использование ИИ может привести к тому, что право быть услышанным потеряет свое содержание, поскольку некоторые основания для принятия решения не будут известны ни сторонам спора, ни суду, так как результаты использования ИИ остаются непрозрачными.

С. Правовой акт Европейского союза по ИИ

21 апреля Комиссия ЕС представила Предложение ЕС по регламенту, устанавливающему согласованные правила в области искусственного интеллекта (COM (2021) 206 final). Предлагаемый Регламент по ИИ направлен на закрепление прав, защищенных Хартией Европейского Союза об основных правах в случае использования ИИ также и в судебной системе: право на достоинство личности (Ст. 1), уважение личной жизни и защита персональных данных (Ст. 7 и 8), запрещение дискриминации (Ст. 21) и равенство между женщинами и мужчинами (Ст. 23). В то же время предлагаемое положение направлено на обеспечение права на эффективную судебную защиту и на справедливое рассмотрение дела в суде, права защиты и соблюдения презумпции невиновности (Статьи 47 и 48).

Скорее всего, Регламент будет направлен против автоматических судебных решений (судей-роботов) с использованием искусственного интеллекта, особенно если такие судебные решения будут неподконтрольны человеку. Поэтому ожидать появления судей-роботов в обозримом будущем нереалистично.

Однако планируемый Регламент по ИИ касается не только систем автоматического принятия решений в судебной системе, но и системы ИИ для подготовки решений, принимаемых судьями. Поэтому прозрачность в отношении рисков ИИ должна быть обеспечена и в этом отношении. Судьям не следует позволять необдуманно полагаться на предложения ИИ по проектам решения; напротив, они должны использовать ИИ ответственно и иметь возможность время от времени «выключать» его. Но даже если системы ИИ только помогают судам, необходимо соблюдать осторожность, поскольку – как уже объяснялось – применение ИИ может усиливать дискриминационное предубеждение. Поэтому судьи должны ответственно относиться к этим системам. Этой цели также должны служить подготовка и непрерывное обучение судей.

D. Всеобщая декларация прав человека Объединенных Наций и Международный пакт о гражданских и политических правах

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, не является договором, и поэтому не создает

прямых юридических обязательств для стран. Поскольку страны последовательно ссылались на Декларацию на протяжении более шестидесяти лет, она превратилась в имеющую обязательную силу часть международного обычного права и привела к появлению ряда других международных соглашений, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах, которые являются юридически обязательными для ратифицировавших их стран.

Среди прочего, он предписывает, что каждое государство-участник обязуется обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты. И он предписывает обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются. Однако не очень понятно, что это означает для использования ИИ в системе правосудия.

Именно поэтому настоятельно рекомендуется, чтобы Организация Объединенных Наций изучила Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах на предмет их содержания в контексте использования ИИ в сфере правосудия.

ООН должна разработать глобально применимые стандарты и выработать рекомендации по возможным дополнительным нормам.

Эти меры призваны помочь обеспечить, чтобы ИИ мог оказывать благотворное влияние на право, но при сохранении за человеком функции управления рисками и при устранении неприемлемых рисков путем введения запрета на определенные формы ИИ или запрета использования ИИ в определенных судебных сценариях.

Список использованных источников:

1. Вахеди, Ф. Конституционные требования к автоматизации судебной системы, Dr. Kovacs 2021.
2. Бернхардт, В. и Либ, С.-М. «Электронные юридические сделки» в издании Дирк Хекманн и Анна Пашке (ред.), «jurisPK- право Интернета», 7-е издание, глава 6 (статус: 01 июня 2021).
3. Брёмер Й., Прозрачность как конституционный принцип, Mohr Siebeck 2004.

Гаджиев Ханлар Иршадович,
д.ю.н., главный научный
сотрудник
Института законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве Российской
Федерации,
Судья ЕСПЧ в 2003-2017 гг.

ФИЛОСОФИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Новое формирующееся информационное общество диктует необходимость критического анализа существующих концепций, отказа от отживших свой век идей. Одновременно мы наблюдаем общий интерес к развитию правовых доктрин, происходящий благодаря интегративному и междисциплинарному подходу, к методу сравнительной интерпретации, когда уважение к конституционной идентичности сопровождается с усилением диалога международных и национальных судов. Все изложенное происходит параллельно с объединением познавательных инструментов в исследовании такого сложного явления как судебная власть. С учетом многогранности рассматриваемого вопроса, остановлюсь только на некоторых его аспектах.

Во-первых, в истории развития правовой мысли философия судебной власти представляет собой интеграцию совокупности принципов познания, выработанных ею самой. Она возникла благодаря диалектическому процессу эволюции такого социального явления как суд, воплощая достижения различных правовых школ. Во-вторых, она находилась под влиянием эволюции самого права, которое по точному выражению Ивана Александровича Ильина, является «могучим корнем общественной, личной и духовной жизни всякого народа. Ни один философ, размышляющий о человеке, обществе, истории, не мог обойти темы права, и ни один вдумчивый теоретик права не минул стези философствования» [1]. Почти в это же время творил известный французский философ права Франсуа Жени, который сегодня нередко цитируется и среди них его наиболее важное произведение «Метод толкования и источники в позитивном частном праве», первая редакция которой появилась в 1899 году. Это стало важной вехой не только во французской юридической науке, но и для всего цивилизованного мира. Он, как бы предвосхищая свое время, выдвинул ставшим один из главных его постулатов, доктрину раскрывающую роль судьи. Его главный тезис: судьи, руководствующиеся кодексами, это не просто люди, автоматически применяющие правовые нормы с использованием правил формальной логики, а скорее активные лица, принимающие решения на основе баланса интересов, направляющие политику и эту реальность следует признать. По его мнению, общественные отношения не могут просто регулироваться на основе законодательных актов, которым присуще терять свою актуальность. При отсутствии ясных правил судья должен опираться на науку и юриспруденцию.

В то же время он не рассматривал юриспруденцию как источник права, выступая за поиски судьей правил для обоснования своего решения. Вместе с тем, заслуга Жени в определении интерпретации «как открывающей широкие возможности для судебного правотворчества, видя определенные пределы, но оставляя поле для свободного созидания [2].

Мы не случайно остановились подробно на творчестве Жени, чтобы показать, как диалектическое развитие правовой мысли передавало своевременные импульсы для будущего развития права. Анализ истории правовой мысли и трудов многих философов права показывают их вывод о роли суда как выразителя судебной власти, имеющего естественное поле для поисков и предложений наиболее эффективных иррациональных методов разработки современных правовых концепций, отвечающих новой эпохе. Во-первых, цифровые технологии подсказывают судам как самостоятельной власти модернизировать не просто технологическую составляющую судебных разбирательств, но и пути создания нового метода, который был бы способен не просто отражать судебскую независимость, но и обеспечить определенность, последовательность и стабильность судебной практики и ее умение поднимать и предлагать для теории права новые идеи и модели правового регулирования. Во-вторых, речь идет не просто об образовании судебных доктрин под влиянием общих правовых доктрин и фактов рассматриваемых дел, но об оптимизации судебных функций, которые находятся в центре научных дискуссий представителями различных областей науки. Одной из таких функций является правовая аргументация, активно разрабатываемая на протяжении последнего времени представителями различных правовых школ, демонстрирующих примеры междисциплинарного подхода.

Установлено, что развитию правовых норм служит активная правовая аргументация, способствующая одновременно формированию содержания, структур и обязательств правовых порядков. Интерес к аргументации в праве позволяет уделять значительное внимание решениям по конкретным делам. Именно такое отношение демонстрирует, что аргументация является неотъемлемой частью правопорядка, а не чем-то высшим по отношению к нему. Можно признать, что право реализуется в основном благодаря аргументативной и интерпретативной деятельности, которые являются в то же время определяющими элементами права. Правовая аргументация позволяет заново взглянуть и при необходимости пересмотреть отдельные ключевые правовые понятия, концепции. Таким образом, аргументация, играя главную роль как в судебной практике, так и в развитии права, влияет на содержание и форму правовой системы, способствует реализации ценных правовых идей, осуществлять эволюционный переход современного правоприменения к новой парадигме права как с аналитической, так и с нормативной точек зрения. Следовательно, современный подход к реализации судебных функций, рост эффективности формирующихся судами доктрин, как и другие существенные сдвиги в подходах на практике могут повлиять на адекватные ответы судебной власти на новые вызовы, при условии, если произойдет критическая переоценка многих очень важных, но требующих трансформации принципов, традиционно обеспечивающих демократический характер судопроизводства. Рост числа

конституционных судов в послевоенной Европе послужил сильному сдвигу в реализации судейских функций, хотя и прежде не чуждых правовым культурам, но незадействованных в конкретных исторических условиях. В связи с этим актуален вопрос о едином подходе судов независимо от того, относятся ли они к общей или конституционной юрисдикции, к используемым стандартам судебного контроля при сохранении автономности каждой.

Концепции свободы и безопасности являются центральными столпами для государства, руководствующегося верховенством права. Однако они находятся в противоречии друг с другом, поскольку законодательная и исполнительная ветви власти обычно стремятся придавать большее значение целям безопасности, чем гарантиям свободы. Судебная власть играет важную роль в определении соответствия целям конституции. Защита свободы и безопасности представляет собой особую проблему для судов в тех случаях, когда фактические обстоятельства претерпевают существенные изменения, но право не дает на них адекватные ответы. Последние события, связанные с пандемией COVID-19, когда органы исполнительной власти различных уровней наделяются правом принятия нормативных актов, ограничивающих фундаментальные права, преследуя цели защиты здоровья и жизни людей, требуют от судов обычной юрисдикции часто обращаться к проверке соответствия мер Основному закону страны. Следовательно, использование единых стандартов судебного контроля не просто требование времени, но и адекватный ответ эффективной судебной власти, претендующей на активную роль в информационном обществе.

В условиях довольно широкого использования современных технологий с целью наблюдения и сбора информации создаются условия, когда подрывается сама суть неприкосновенности личной жизни. Актуальным в связи с этим остается вопрос, какие меры необходимы для поддержания веры людей в существование эффективных средств правовой защиты частной жизни. Таким естественным инструментом, своего рода изобретенной человечеством технологией является суд, не просто наделенный реальной властью контроля за действиями публичной власти, но и отличающийся активной правотворческой функцией. Ее реализация подтверждает корректность формулы, согласно которой право – не фиксированная и застывшая система ценностей, а находящаяся постоянно в динамичном развитии благодаря правотворчеству судей.

Вероятно, в новых технологических условиях можно менее критически воспринимать давно обсуждаемый в юридической литературе тезис о публичной активности суда, поскольку в новых реально складывающихся обстоятельствах именно такая роль способна обеспечить равенство сторон судопроизводства. Идея об активной роли суда прозвучала и в недавно опубликованной статье в Российской газете Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Он верно отмечает, что новые права, введенные с интенсивным развитием биотехнологий и процессы роботизации, автоматизации и информатизации общественного производства окажут особо значимое воздействие на права человека. Перед Конституционным Судом и судейским сообществом стоит задача защиты

выраженного в Конституции духа права, заключающегося в равенстве и справедливости [3]. Высказанные идеи справедливы и при анализе использования новых технологий в процессе расследования связанного с наблюдением, прослушиванием, то есть сбором и обработкой доказательств, которые подняли в юридической литературе вопросы о том, как в конкретных условиях обеспечить равенство сторон, когда защита не имеет достаточных средств и возможности для подготовки к судебному разбирательству.

Раскрытие документов для сторон – важный институт и судебные системы континентальной школы всегда имели проблемы с этим ввиду большего уклона в сторону обвинительной модели юстиции. Стороны в процессе с учетом достижений в области цифровых технологий не будут обладать одинаковыми ресурсами и те же фундаментальные принципы правового равенства сторон и состязательности требуют переосмысления.

Рассматривая судебную власть как отдельную ветвь, признавая достижения в исследовании проблем самостоятельной и независимой власти, следует в то же время подчеркнуть, что сама философия этой власти зиждется на философии судей, которые отражают все сдвиги в общественном сознании, влияющих на отправление правосудия и проявление судейского правотворчества. Справедливо отмечено, что судья всегда ответственен за управление судебным разбирательством и это одна из самых важных его функций. Причем он должен вести дело без промедления. Время не неограниченное понятие. Право на справедливое судебное разбирательство не противоречит подлежащему судебному контролю за использованием времени. Эра активного управления процессом служит преградой против расточительства в эпоху ограниченных ресурсов.

Судебную философию можно определить и как систему взглядов относительно того, как судьи должны интерпретировать абстрактные конституционные принципы, зависящие от убеждения судей или их понимания роли судов в политической системе государства. Они зависят также от восприятия реалий и взглядов о будущем в условиях меняющихся социальных ценностей, а также понимания того, что неопределенность права не является просто неожиданной и несчастной случайностью, а имеет огромное социальное значение и такие же последствия, стимулом движения для ее преодоления.

Еще об одном явлении, которое мы наблюдаем: движение от обычной традиционной модели уголовной юстиции, в которой преобладал приоритет индивидуального подхода в достижении истины и справедливости, уступает перспективной модели, включающей якобы эффективный, но безличный и дистанцированный подход. «Актуальное правосудие», как его именуют, основано на «управлении рисками» или «актуальном подходе к регулированию ходом процесса при осуществлении правосудия. Сказанное требует изучения сдвигов в управлении, в правосознании и их отражении на правоприменении.

С учетом роста проблем, с которыми вынужденно сталкивается судебная власть, судьи могут считать необходимым согласиться с широкими дискреционными полномочиями органов исполнительной власти, принимающих немало законодательных актов. Естественного уважения заслуживают и решения демократически избранных властей законодательного

уровня. Между тем, проявляя должное уважение, судебная власть не может подорвать свою роль в обеспечении той же безопасности, но с учетом характера функций органа, который систематически уравнивает интересы общества и личности, поддерживая справедливый баланс. Это не просто исполнение своей миссии как естественного защитника прав и свобод, но и оправдание законных ожиданий и той веры, которую люди связывают с судебной властью. Доктрина разумных ожиданий конфиденциальности играет важную роль в праве многих государств в контексте защиты фундаментальных прав. Эволюция названной доктрины происходила благодаря своевременным законодательным мерам, а также решениям судов, динамично интерпретирующих нормы, регулирующие отношения в области использования новых технологий. В связи с этим хотелось бы вспомнить знаковое постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 1978 года *Klass and Others v. Germany* [4]. В нем Суд признал, что в ответ на реальные угрозы государства вправе иметь возможность эффективно противодействовать им, в том числе путем принятия законов, предоставляющих полномочия по тайному наблюдению, включая почту и телекоммуникации, которые необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, предотвращения беспорядков и преступлений. Задача судов – найти надлежащий баланс между защитой институтов государства в общих интересах и защитой прав личности. Права человека не могут и не должны быть оторваны от практического повседневного функционирования общества и именно поэтому они лучше всего защищены национальными судами. Следовательно, роль судебной власти в информационном обществе во взаимодействии с другими ветвями власти и поддержании справедливого равновесия, активно защищая права и свободы человека.

Список использованных источников:

1. Ильин И.А. Философия права: западноевропейская и русская традиция. Собр.соч. Т.1. М., 1993, с. 224.
2. F.Geny. *Judicial Freedom of Decision: Its Necessity and Method in Science of Legal Method – Select Essays by Various Authors 2*, Boston Book, Company, 1917.
3. Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона. Российская газета, 07.10.2021.
Практика Европейского Суда по правам человека:
4. *Klass and Others v. Germany*, № 5029/77, постановление от 6 сентября 1978 г., *Malone v. The United Kingdom*, № 8691/79, от 2 августа 1984 г.

Ищенко Александр Петрович,
к.ю.н., заместитель начальника
отдела Национальной школы
судей Украины

ЭЛЕКТРОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УКРАИНЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Уважаемые участники Форума, коллеги, рад приветствовать Вас!

Для Национальной школы судей Украины честь принять участие в Третьем Евразийском форуме «Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства».

Национальная школа судей Украины является государственным учреждением со специальным статусом в системе правосудия, обеспечивающим подготовку высококвалифицированных кадров для системы правосудия и осуществляющим научно-исследовательскую деятельность.

В полномочиях Национальной школы судей Украины:

- осуществление специальной (начальной) подготовки кандидатов на должность судьи;
- подготовка и периодическое обучение судей;
- повышение квалификации судей, временно отстранённых от осуществления правосудия;
- подготовка и повышение квалификации работников аппаратов судов;
- осуществление научных исследований по вопросам совершенствования судоустройства, статуса судей, судопроизводства, научно-методическое обеспечение судов и органов судейского управления (Высшего совета правосудия и Высшей квалификационной комиссии судей).

Центральный офис Национальной школы судей Украины находится в Киеве. Операционная деятельность также осуществляется через 5 региональных отделений, которые охватывают все территорию Украины. 3 региональных отделения в Донецке, Симферополе и Севастополе временно не функционируют.

Проведение учебных мероприятий для судей осуществляется на основании Национальных стандартов судейского образования, в соответствии со Стратегией развития судейского образования в Украине на 2021–2025 года [1] и с учетом Киевских рекомендаций о содержании и методологии судейского образования по вопросам применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, практики Европейского суда по правам человека [2].

Обучение судей осуществляется путем проведения тренингов, семинаров-практикумов и применения других интерактивных методов обучения, направленных на развитие судейских навыков и умений.

Основными принципами образовательной деятельности Национальной школы судей Украины являются:

- формирование активных судейских навыков, умений и осведомленности судьи о социальном контексте осуществления правосудия;
- применение интерактивных, практически ориентированных методов образования;

- проведение дистанционных курсов, образование онлайн (особенно во времена карантина);

- внедрение курсов по правовым проблемам, судейской этике, практике Европейского суда по правам человека, электронного судопроизводства, психологической адаптации к профессии судьи.

По состоянию на 2021 год преподавательский потенциал Национальной школы судей составляет около 500 сертифицированных судей-тренеров.

В соответствии со ст. 124 Конституции Украины [3] юрисдикция судов распространяется на любой юридический спор и любое уголовное обвинение.

Статья 129 Конституции Украины определяет основные принципы судопроизводства, в частности принцип гласности судебного процесса и его полного фиксирования техническими средствами.

В развитие конституционных положений Закон Украины «О судоустройстве и статусе судей» в статье 11 раскрывает содержание принципа гласности и открытости судебного процесса [4].

Судебные решения, судебные заседания и информация касательно дел, которые рассматриваются судами, открыта. Каждый имеет право свободного доступа к судебным решениям.

Информация о судопроизводстве по делу является открытой и безотлагательно размещается на веб-портале судебной власти Украины.

По общему правилу в судебном заседании могут присутствовать любые лица. Присутствующие в зале заседания лица могут проводить фото-, видео- и аудиозапись с использованием портативной аппаратуры без отдельного разрешения судьи (не нарушая осуществление судопроизводства и реализации процессуальных прав участниками).

Трансляция судебного заседания осуществляется только с разрешения суда. Если все участники по делу принимают участие в судебном заседании в режиме видеоконференции, в обязательном порядке осуществляется трансляция судебного заседания в сети Интернет.

Для цифровизации правосудия в судах и органах судейского управления Украины внедряется Единая судебная информационно-телекоммуникационная система.

Функциональные возможности Единой судебной информационно-телекоммуникационной системы предусматривают:

- обеспечение электронного судопроизводства;
- централизованное защищенное хранение процессуальных и иных документов в единой базе;
- аналитическую и статистическую обработку информации;
- хранение дел и документов в электронном архиве;
- обмен электронными документами;
- проведение видеоконференций в режиме реального времени;
- удаленный доступ пользователей к системе;
- формирование судейских досье;
- автоматизированное определение судьи по делу (автораспределение дел);
- отбор присяжных;
- аудио- и видеофиксацию судебных заседаний;

- ведение Единого государственного реестра судебных решений;
- возможность взаимодействия с информационно-телекоммуникационными системами органов правопорядка и Министерства юстиции, в частности, с Единым реестром досудебных расследований и Единым государственным реестром исполнительных производств.

Обмен документами и осуществление любых действий в Единой судебной информационно-телекоммуникационной системе осуществляется с использованием электронной цифровой подписи.

Регистрация участников в системе производится бесплатно на основании заявления лица и в соответствии с Положением о Единой судебной информационно-телекоммуникационной системе, которое утверждено Высшим советом правосудия.

Суды, органы судейского управления проводят рассмотрение дел по материалам в электронной форме. Процессуальные и иные документы при необходимости переводятся в электронную форму и прилагаются к электронному делу.

С 5 октября 2021 года в Единой судебной информационно-телекоммуникационной системе функционируют подсистемы (модули) «Электронный кабинет», «Электронный суд» и подсистема видеоконференцсвязи.

Согласно процессуальному законодательству Украины все адвокаты, нотариусы, частные исполнители, арбитражные управляющие, судебные эксперты, государственные органы, органы местного самоуправления и субъекты хозяйствования государственного и коммунального секторов экономики обязаны зарегистрироваться в Единой судебной информационно-телекоммуникационной системе.

Все вышесказанное применимо к концепции электронного суда в Украине.

Параллельно с процессом цифровизации правосудия в Украине происходит также внедрение технологий онлайн суда. Последний в корне отличается от классического судопроизводства как по процедуре рассмотрения дел, доказательной базе, так и по предметной юрисдикции. Механизмы онлайн суда пока тестируются в пилотном порядке.

Отчетливо намечается тенденция широкого внедрения в судебную и парасудебную практику технологий чат-ботов, Blockchain, Big Data. В частности, в Украине в последние годы успешно применяются «ЕвроСуд-бот» и технология с элементами искусственного интеллекта «Суд на ладони» для анализа объемного массива данных Единого государственного реестра судебных решений.

Надеюсь, что представленная мной информация была полезной и послужит предметом для дальнейшего обмена опытом между участниками Форума.

Уверен, что синергия научного сотрудничества между Национальной школой судей Украины и Академией правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан будет способствовать совершенствованию как судейского образования в наших странах, так и внедрению новых инструментов защиты прав человека, в частности электронного судопроизводства.

Желаю всем участникам Форума сил, энергии и интересных дискуссий!

Благодарю за Ваше внимание!

Список использованных источников:

1. Стратегия развития судейского образования в Украине на 2021–2025 гг. Сайт Национальной школы судей Украины. URL: http://www.nsj.gov.ua/files/1608632048%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%95%D0%93%D0%86%D0%AF_18.12_%D0%9D%D0%9C%D0%A0.pdf (дата обращения 20.12.2021)
2. Киевские рекомендации о содержании и методологии судейского образования по вопросам применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, практики Европейского суда по правам человека. Сайт Национальной школы судей Украины. URL: <http://www.nsj.gov.ua/files/1579601605kyiv%20recommendations%20UKR%20rev.pdf> (дата обращения 20.12.2021)
3. Конституция Украины. Веб-портал Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения 20.12.2021)
4. О судоустройстве и статусе судей: Закон Украины. Веб-портал Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1402-19#Text> (дата обращения 20.12.2021)

Исмаилов Ровшан Рагимович,
судья Конституционного Суда
Азербайджанской Республики

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Появление искусственного интеллекта, под которым обычно понимается небиологическое, автономное существо, обладающее способностью принимать самостоятельные решения, существенно изменило жизнь общества в различных его проявлениях. Целые направления жизнедеятельности человечества, такие как транспорт, здравоохранение, образование и многие другие подверглись революционным изменениям благодаря использованию возможностей искусственного интеллекта.

Судебная деятельность не может быть исключением и находится в стороне от этих процессов. Председатель Верховного суда США Джон Робертс еще несколько лет назад на вопрос о том, наступит ли день, когда искусственный интеллект будет помогать судье при разрешении дел, ответил, что этот день уже наступил [1].

Следует отметить, что использование искусственного интеллекта в судебной деятельности имеет различные положительные последствия. Так, искусственный интеллект способствует значительному уменьшению негативного воздействия таких факторов как, усталость и эмоциональная нестабильность. В этой связи интересны результаты исследований израильских ученых, проведенных по поводу вынесения судьями решений об условно-досрочном освобождении осужденных. Исследование показало, что судьи чаще удовлетворяют ходатайства об освобождении в начале рабочего дня. В частности, один из судей, удовлетворяя ходатайства примерно в 65% случаях в

начале дня, ближе к наступлению обеденного перерыва отклонял подавляющее большинство оставшихся ходатайств [2].

Использование искусственного интеллекта также может выявить и наглядно показать существующие в обществе предрассудки в отношении той или иной социальной группы. Так, одна из программ, предсказывая вероятность совершения осужденными повторных преступлений, выдала результат, имеющий дискриминационное значение по отношению к афроамериканцам [3].

Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности также может быть позитивным шагом в вопросах, связанных с минимизацией коррупционных рисков.

Однако, несмотря на возможное положительное воздействие искусственного интеллекта на качество отправления правосудия, такое использование подвергается существенной критике. Одним из наиболее распространенных доводов против его применения в судебной деятельности является утверждение о том, что толкование неизбежно сопряжено с оценением таких категорий как честь, достоинство, справедливость, добросовестность, оцифровать которые не представляется возможным. [4; 5]. Не давая оценку данным утверждениям, хочу отметить, что полемика по этому вопросу, в конечном счете, приводит к возобновлению споров о соотношении права и морали, о роли позитивизма и естественно-правовой теории в правовом толковании.

Однако основное внимание хотелось бы уделить вопросу о конституционной легитимности использования искусственного интеллекта. В действующих конституциях ряда стран, наряду с принципом отправления правосудия только судами, [6; 7] закреплены основополагающие требования, предъявляемые к судьям. Так, согласно части I статьи 126 Конституции Азербайджанской Республики, «судьями могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательным правом, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 5 лет» [8].

Из смысла этой нормы следует, что судьями могут быть люди (граждане), отвечающие определенным критериям (возраст, специальное образование, стаж работы по специальности). Все указанные критерии являются необходимыми условиями, и отсутствие хотя бы одного из них является препятствием для замещения должности судьи. Соответственно, в рассмотренной конституционной норме речь не идет об искусственном интеллекте.

Кроме того, вышеуказанные положения об отправлении правосудия только судом означает, что только суд (судьи) вправе выносить юридически значимые решения, имеющие обязательную силу – судебные акты. Учитывая указанное, попытаемся выяснить, какая роль может быть отведена искусственному интеллекту в условиях действующего конституционного регулирования, предполагающего запрет на делегирование судебных полномочий.

Во-первых, искусственный интеллект может выполнять функцию консультанта, которому поручено обеспечить судью правовыми материалами, необходимыми для разрешения конкретного судебного дела. Такого рода деятельность, чаще всего, наиболее отчетливо проявляется в деятельности

конституционных и верховных судов, когда судьи для разрешения дела должны учитывать не только законодательство, но и доктринальные источники, а также судебную практику, в том числе международных и зарубежных судов. Запрос на поиск информации может быть, как простым (например, найти конкретную научную статью или судебное решение), так и сложным (например, найти всю необходимую литературу для разрешения конкретного судебного дела и расположить источники по степени их релевантности). Указанный в качестве примера сложный запрос предполагает ознакомление искусственного интеллекта с обстоятельствами дела, содержание же запроса предполагает, что его результат будет соответствующим образом структурирован, оказывая, таким образом, определенное воздействие на ход дальнейшей толковательной деятельности, осуществляемой судьей-человеком. Кроме того, предоставление информации искусственным интеллектом, скорее всего, делает невозможным обсуждение с исполнителем запроса, каким образом он пришел к соответствующим результатам своего поиска, и почему тот или иной источник является более релевантным. Налицо проблемы транспарентности в деятельности искусственного интеллекта и невозможности контроля за процессом обработки им информации, которые отмечаются в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах [9].

Как представляется, поиск и исследование материалов, осуществленных искусственным интеллектом, и дальнейшая судебная толковательная деятельность взаимосвязаны. Во всяком случае, сложный запрос, включающий основные обстоятельства дела, может фактически «вынудить» искусственный интеллект дать результаты, которые существенным образом повлияют, если не предопределят структуру будущего судебного решения. Поэтому можно с определенной долей уверенности говорить, что такая форма участия искусственного интеллекта в осуществлении правосудия может быть сопряжена со скрытым делегированием полномочия по непосредственному отправлению правосудия.

Во-вторых, искусственный интеллект может выполнять функции эксперта, которая будет сводиться к предложению своего видения того, как следует разрешить дело. В деятельности конституционных судов ряда стран достаточно широко распространена практика по привлечению ученых-экспертов для дачи заключения по делу. В данном случае вовлеченность в процесс искусственного интеллекта носит открытый характер. Такое участие играет вспомогательную роль и может быть оценено как положительное, так как способно оказать существенную помощь суду, без делегирования полномочий по отправлению правосудия.

Вместе с тем, может сложиться впечатление, хотя вероятно и обманчивое, что частое обращение в судебных решениях к результатам заключения искусственного интеллекта свидетельствует о меньшей квалифицированности соответствующего судьи. В любом случае существует вероятность регулярного, без соответствующего критического осмысления, следования варианту толкования, предложенному искусственным интеллектом, в том числе, и по причинам психологического характера. Поэтому, несмотря на то, что в данном

случае участие транспарентно, вероятность фактического нелегитимного делегирования также присутствует.

В-третьих, по мнению некоторых авторов, искусственный интеллект может быть использован в судебной деятельности посредством наделения его ограниченными судебными полномочиями с фактическим, хотя и частичным, делегированием полномочий по отправлению правосудия. В данном случае судья-робот и судья-человек работают над одним и тем же судебном делом в рамках разных процессов. Искусственный интеллект наделяется функцией выносить решения, однако его оспаривание означает автоматическую отмену и необходимость рассмотрения дела по существу судьей суда первой инстанции.

Такой порядок указанными авторами предлагается применять в отношении только т.н. «легких дел», когда обстоятельства дела не требуют толкования, или существует устоявшаяся судебная практика по разрешению аналогичных споров.

Эффективность предложенного варианта вызывает определенные сомнения ввиду наличия проблемы, так называемого, «черного ящика», когда искусственный интеллект не дает мотивирования своего решения. С другой стороны, существует высокая степень вероятности того, что проигравшая сторона по делу воспользуется возможностями двухступенчатой системы рассмотрения дела, с обязательной отменой решения судьи-робота при его оспаривании. Кроме того, представляется достаточно проблематичным определить заранее, является ли дело достаточно легким. Указанная градация судебных дел, связана с принижением роли толкования по «легким делам», которые, видимо, в силу своего характера, должны рассматриваться «автоматически», путем механистического сопоставления фактических обстоятельств с регулируемыми нормами. Как нам представляется, любое правоприменение, независимо от характера и особенностей рассматриваемого дела, должно неизбежно включать в себя определенные мыслительные процессы, связанные выбором и тщательным анализом правовой нормы или группы норм, подходящих к применению для соответствующего дела.

Изложенное, как мне кажется, свидетельствует о важности дальнейшего обсуждения проблем согласования использования искусственного интеллекта в судебной деятельности с конституционным регулированием, не допускающим делегирования полномочий по осуществлению правосудия.

Список использованных источников:

1. Liptak A. Sent to Prison by a Software Program's Secret Algorithms // New York Times. 1 May 2017.
2. Danziger Sh., Levavb J., Avnaim-Pessoa L. Extraneous factors in judicial decisions. URL: www.pnas.org/content/108/17/6889.full.pdf.
3. Ehrenfreund M. The machines that could rid courtrooms of racism // The Washington Post. 18 August 2016.
4. Shay L., Hartzog W., Nelson J., Conti G. Do robots dream of electric law? An experiment in the law as algorithm // Robot Law. Edward Elgar Publishing, 2016. P. 274-305.

5. Surden H. Computable Contracts // U.C. Davis Law Review. 2012. Vol. 46. P. 629-700.
6. Конституция Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029.
7. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100524,0&rnd=0.6504076028563515#04361232265894852>.
8. Конституция Азербайджанской Республики. URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/constitution>.
9. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года). URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>.

Бурдина Елена Владимировна,
д.ю.н., доцент, заведующий
кафедрой организации
судебной и правоохранительной
деятельности
Российского государственного
университета правосудия

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОГО ДОСТУПА К СУДУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Взаимодействие двух одновременно наложившихся обстоятельств: внедрения сквозных цифровых технологий во все виды государственной деятельности и ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, обусловило эффекты синергизма, стремительности судебных преобразований как ответ на современные вызовы перед угрозой приостановления правосудной деятельности в пандемию по COVID-19.

Накопленные эмпирические данные и опыт осуществления судебной деятельности в сложных условиях 2019-2021 гг. привели к пониманию того, что в организации и деятельности судов необходимы не точечные ситуативные изменения (что было сделано во всех странах), а системные трансформации всех сегментов судебной власти. Такие мероприятия объективно скорректируют тип и модели организации судебной власти как ветви государственной власти, способы коммуникаций суда с гражданами и представителями бизнеса на основе информационных ресурсов, формы и способы судебного разбирательства [1].

Технологическая модификация судебной сферы, сопряженная с созданием новых качеств судебной системы, предопределяет повышенный спрос на научные исследования. Значение науки в переломные этапы, связанные с техническим прогрессом, многократно возрастает. Потребность в мировоззренческой, прогностической функции науки велика и осознается все более явно. Вместе

с тем характерной чертой современного периода является заметное отставание юридической науки от потребностей практики и фактических изменений судебной действительности. На фоне практических мероприятий, связанных с внедрением IT-технологий, наблюдается значительное опережение прикладных выводов и отставание в разработке фундаментальных научных теорий. В юридической литературе справедливо отмечается, что правовое регулирование «информатизации и цифровизации правосудия пока явно отстает от стремительного развития информатики и информационных технологий» [2].

Создание лучших образцов национального процессуального и материального законодательства всегда опиралось на разработанную целостную систему научных знаний. Так, благодаря работам советских ученых-юристов в законодательную практику России и многих стран, ранее составлявших социалистическую правовую семью, была внедрена «оригинальная концепция гражданского процесса, отличающаяся от всех иных, существовавших в прошлом и настоящем» [3], чем была заложена добротная основа организации и деятельности судебной власти вплоть до настоящего времени.

В нынешних условиях существует потребность в разработке и приращении нового знания, оформляющего научную картину судебной деятельности, а также потребность в некоей ревизии уже накопленного научного багажа, коррекции и уточнении имеющихся понятийно-терминологических рядов, отражающих смыслы и достижения науки о судебной деятельности и являющихся ее инструментарием. Имеющиеся научные теории могут уже не соответствовать новым парадигмам, поскольку научные революции влекут некумулятивный характер изменения научного знания.

Стремительное развитие экономики и общества под влиянием Четвертой промышленной революции предопределяет революционный характер перемен в судебной сфере и науке о судебной деятельности. Отличительной характеристикой ее как науки начала XXI в. становится не только комплексный и междисциплинарный характер, но и зависимость познавательных приоритетов от задач государственного и цивилизационного развития, от политико-экономических установок на формирование информационного общества, электронного, а далее цифрового государства. По этой причине ревизия накопленных научных знаний о судебной деятельности и формирование новых теорий должна осуществляться через призму более общих концепций, провозглашенных в качестве политико-экономических целей государства на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Конкретные вопросы правового регулирования использования технологий в процессуальной сфере объективно требуют ответа с позиции общетеоретического понимания права на судебную защиту, что невозможно вне научного познания и выявленных закономерностей и прогнозов.

Реформирование опытным путем, без научных проработок также возможно, но имеет риски неполноты и бессистемности. Представляется, что такое положение не лучшим образом скажется на правовом регулировании организации и деятельности судов. Оправданными в нынешних условиях являются государственная поддержка и стимулирование научных разработок.

В рамках настоящей статьи остановимся на одном из вопросов цифровой судебной реальности – проблеме дистанционного доступа к суду посредством цифровых технологий. Поводами для анализа явились обсуждение и принятие федерального закона, определяющего порядок участия в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве в дистанционном формате [4], а также запуск в эксплуатацию до конца 2022 г. цифровой судебной платформы «Правосудие онлайн» [5].

Целью настоящей статьи является обоснование представления о цифровом доступе к суду в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве и аргументирование наиболее оптимальной правовой конструкции, закрепляющей право участника процесса на участие в судебном разбирательстве дистанционно по его ходатайству.

Приоритетной практической проблемой является создание надлежащей системы правового регулирования при дистанционных цифровых форматах доступа к суду и участия в судебном разбирательстве, на что указывается, в частности, в Рекомендации Европейской комиссии по эффективности правосудия от 16 июня 2021 г. [6].

Элементом права на защиту является право доступа к суду в том смысле, что заинтересованное лицо должно иметь возможность добиться рассмотрения своего дела в суде и ему не должны помешать чрезмерные правовые или практические препятствия [7]. Европейский Суд по правам человека, толкуя статью 6 п. 1 Европейской конвенции, признает «право на суд», где право доступа, понимаемое как возможность инициировать судебное производство по гражданским делам, составляет лишь один из аспектов [8].

Общеправовой принцип защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровой трансформации предопределяет создание новых порядков реализации процессуальных прав граждан, включая право на дистанционное участие в судебном разбирательстве, позволяет осуществить восстановление нарушенных прав и свобод [9] и предоставляет эффективные средства защиты при любых социально-экономических обстоятельствах. Важным фактором эффективности средств защиты является фактическая доступность судов, что в условиях цифровой среды проявляется как цифровая доступность.

Представление о цифровом доступе к суду еще ожидает научного обоснования. С учетом достигнутого уровня правопонимания данного вопроса полагаем, что содержание цифрового доступа к суду многоэлементно и включает ряд прав: право на обращение к суду в электронном виде, право на дистанционное ознакомление с материалами дела, право на удаленное участие в судебном разбирательстве. Указанные цифровые процессуальные права различны как по своему содержанию, гарантиям, и (что важно!) безусловности реализации.

Цифровой доступ к суду, понимаемый как возможность каждого инициировать судебное производство по гражданским делам в электронной форме, следует рассматривать в качестве эффективного средства защиты, позволяющего при наличии любых препятствий физического, социально-экономического, географического и им подобного характера, реализовывать право на судебную защиту.

Право на обращение к суду в электронной форме не вызывает возражений и, следуя позиции ЕСПЧ, должно быть признано элементом права на судебную защиту, как проистекающее из его природы. А государство должно иметь обязанности создавать условия для обращения к суду с целью инициировать возбуждение дела в электронном виде.

С позиции иного подхода следует оценивать право на удаленное участие в судебном разбирательстве посредством видеоконференцсвязи или веб-конференции. Предстоит ответить на вопрос: является ли право на дистанционное, виртуальное участие в судебном разбирательстве имманентно присущим праву на судебную защиту, необходимым элементом права на суд? Должен ли суд в обязательном порядке его обеспечить? Можно ли допустить неограниченную возможность граждан предстать перед судом в цифровой среде при наличии технической возможности?

Полагаем, что указанное цифровое право не может быть признано абсолютным.

Право на дистанционное участие в судебном разбирательстве нуждается в государственном процессуальном регулировании при соблюдении балансов и разумной пропорциональности между используемыми участниками процесса средствами и целями правосудия.

Проведение судебного разбирательства в дистанционном формате следует признать дискреционным полномочием судьи при четкой и определенной позиции законодателя в отношении границ судебского усмотрения. Проведение разбирательства дела в виртуальном формате в закрытом судебном заседании должно быть признано недопустимым.

Согласно принятых Государственной Думой изменений, вносимых в процессуальные кодексы, они дополняются новыми статьями: ст. 153.2 АПК, ст. 155.2 ГПК, ст. 142.1 КАС, закрепляющими порядок участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференций. Согласно указанных положений лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного, гражданского и административного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими соответствующего ходатайства и при наличии в соответствующем суде (арбитражном суде или суде общей юрисдикции) технической возможности осуществления веб-конференции.

Предусмотрено, что суд, рассматривающий дело, может отказать в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции. Возможность отказа допускается в случаях, если:

- 1) отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции;
- 2) разбирательство дела осуществляется в закрытом судебном заседании.

В связи с указанными основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства о проведении виртуального судебного заседания представляется необходимым высказать отдельные сомнения, связанные с достаточностью подобного регулирования.

При введении в эксплуатацию судебной цифровой платформы (суперсервиса) «Правосудие онлайн» и завершении построения судебной системы в природной (физической) и цифровой (виртуальной) среде отказ по техническим причинам следует расценивать как отказ в правосудии, поскольку техническая возможность будет обеспечена. Удаленное участие в судебных заседаниях должно допускаться по ходатайству заинтересованной стороны. Осуществление онлайн правосудия следует рассматривать как тождественный в сравнении с традиционной формой рассмотрения и разрешения дела способ судебного разбирательства, как такое же судебное заседание, со всеми необходимыми процедурами, которое доступно лицам в зале судебного заседания, но только без физического присутствия в помещениях суда.

При решении вопроса о допустимости дистанционного участия следует принимать во внимание не только наличие для этого технической возможности и соответствующего ходатайства.

Суд, осуществляя свое усмотрение, должен, прежде всего, исходить из приоритетного значения естественного суда, под которым в данном случае понимается судебное разбирательство, осуществляемое в естественной природной среде – физическом, а не цифровом, виртуальном пространстве. Поскольку именно эта среда дает больше возможностей реализации таких конституционных начал правосудия как устность, непосредственность, а также основополагающей цели - справедливого разрешения дела.

При этом суд, осуществляя свое усмотрение, должен принимать во внимание следующие факторы:

- географические расстояния;
- факторы санитарно-эпидемиологического характера;
- сложности физического доступа;
- влияние видеоконференции на способность суда делать выводы, включая определение достоверности показаний свидетелей;
- важность в обстоятельствах дела наблюдения за поведением свидетеля;
- возможность присутствия стороны, свидетеля или законного представителя стороны по причине немоги, болезни или по любой другой причине;
- баланс удобства между стороной, желающей воспользоваться видеоконференцией, и стороной или сторонами, выступающими против;
- любое другое важное обстоятельство [10].

Пределы дискреции судьи, на наш взгляд, должны зависеть и от вида судебной инстанции: рассмотрение дела по существу – по первой инстанции, где исследуется фактическая сторона дела, происходит оценка доказательств, или проверочные инстанции, где оценка доказательств не проводится. Полагаем, что в проверочных инстанциях возможности судейского усмотрения должны быть минимальными.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации, внедрения технологий в судебную деятельность, в том числе судебных платформ, изменяется содержание многих судебных институтов, общетеоретическую основу которых составляет право на судебную защиту. Их комплексное осмысление позволит разработать научно-теоретическую основу для системного и полного правового регулирования судоустройственных, процессуальных, делопроизводственных

аспектов системы правосудия на новом витке общественного развития, включая право цифрового доступа к суду.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00672.

Список использованных источников:

1. Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е.В. Бурдиной; С.В. Зуева. – М.: РГУП, 2021. 344 с.
2. Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 26.12.2021).
3. Аргунов В.В. Отечественная наука гражданского процессуального права в 50–80-е гг. XX в. в трудах ученых Московского университета и ее влияние на современную доктрину и законодательство // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 6. С. 37-66.
4. Законопроект № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе)». Текст Федерального закона принят Государственной Думой 21.12.2021, одобрен Советом Федерации 24.12.2021, направлен Президенту Российской Федерации 24.12.2021. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 28.12.2021).
5. Минцифры скорректировало план по внедрению суперсервиса «Правосудие онлайн». URL: <https://pravosudieonline.ru/minczifry-skorrektirovaloplan-po-vnedreniyu-superservisa-pravosudie-onlajn/> (дата обращения: 28.12.2021).
6. Рекомендации по видеоконференцсвязи в судебном процессе. Документ принят СЕПЕJ на 36-м пленарном заседании (16-17 июня 2021 г.). URL: <https://rm.coe.int/cepej-2021-4-guidelines-videoconference-en/1680a2c2f4> (дата обращения: 28.12.2021).
7. Ильютченко Н.В. Влияние судебной реформы на доступность правосудия // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: матер. междун. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Кубанского гос. унив. / отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2020. С. 114-119.
8. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.1 / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Норма, 2000. 856 с.
9. Галиев М.С. Право на защиту как общеправовой принцип права в эпоху цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 60-62.
10. Knoetze I. Courtroom of the future – virtual courts, e-courtrooms, videoconferencing and online dispute resolution // DEREBUS. 2014. № 200. URL: <http://www.saflii.org/za/journals/DEREBUS/2014/200.html> (дата обращения: 07.11.2021).

Степанов Олег Анатольевич,
д.ю.н., профессор, главный
научный сотрудник центра
судебного права Института
законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве Российской
Федерации

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАКТИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Развитие технологий все в большей мере затрагивает профессиональную юридическую деятельность в целом и в сферу судопроизводства, постольку поскольку задачи, выполняемые юристами в судопроизводстве, являются весьма трудоемкими. Поэтому существует риск ошибок и неточностей в их работе, негативные последствия которых вполне могут минимизироваться за счет применения искусственного интеллекта (ИИ).

Особенности внедрения в судебную деятельность искусственного интеллекта в качестве инструмента совершенствования судопроизводства активно анализируется в зарубежных странах.

В настоящее время созданы системы ИИ, обеспечивающие поддержку принятия решений человеком или представляющие собой инструменты принятия решений, то есть такие системы, которые дополняют человеческие навыки с помощью компьютерных средств и помогают лицам, принимающим решения, улучшить их качество за счет автоматизации процессов их выработки.

Прозрачность, объективность и сокращение сроков на принятие решений, получение достоверной информации с помощью искусственного интеллекта предполагают возможность его рассмотрения как инструмента обеспечения качественной и эффективной судебной защиты прав граждан, с учетом все более возрастающей нагрузки на судей.

Возложение на искусственный интеллект, как на помощника (партнера) судьи, отдельных функций при отправлении правосудия призвано не только разгрузить судью от выполнения однообразной работы, но и повысить контроль за его деятельностью, а также повысить уровень экспертно-аналитического, лингвистического и организационного сопровождения судопроизводства [1].

Так обращают на себя внимание результаты использования в Шанхае и в ряде других территорий Китая системы, позволяющей судьям на основе информации о наказании, содержащейся в уголовных делах, разобраться в вопросах доказанности обвинения и предлагает оптимальные вид и размер наказания. При этом ИИ распознает речь, выявляет противоречия в показаниях, а также письменных доказательствах и предупреждает об этом судью. Алгоритм анализирует сведения о личности подсудимого и, сравнивая их с данными, содержащимися в других приговорах, предлагает такое наказание, которое судьи чаще всего назначают при аналогичных обстоятельствах. Это позволяет унифицировать правосудие [2].

Вместе с тем при исследовании взаимодействия судьи с ИИ при рассмотрении сложных дел важным представляется изучение особенностей коммуникации искусственного интеллекта как инструмента обеспечения правосудия с человеком [3].

Исключая возможную предвзятость либо невнимательность человека искусственный интеллект способен обеспечить вынесение разумного, и законного решения, руководствуясь неопровержимой логикой аргументов и фактов, связанных с делом, а не эмоциями и интересами, присущими человеку.

Использование искусственного интеллекта призвано способствовать повороту к «кодифицированной справедливости», т.е. к парадигме судебного разбирательства, которая предпочитает стандартизацию судебного усмотрения на основе корреляции между огромными объемами данных без построения объяснительной или причинной модели [4].

Вместе с тем в обозримой перспективе невозможно полностью заменить человека-судью искусственным интеллектом, который обладает такими ментальными свойствами, как совесть, справедливость, милосердие.

Список использованных источников:

1. Морхат П.М. «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы». Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Российская государственная академия интеллектуальной собственности. М., 2018. С. 25-27.
2. Ли К.-Ф. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М., 2019. С. 119-120.
3. Vuocz, Thomas J. 2018. «Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary». Retskraft – Copenhagen Journal of Legal Studies 2 (1): 41–59.
4. Re R.M., Solow-Niederman A. Developing artificially intelligent justice // Stanford technology law review. – 2019. – N 242. – P. 242-289.

Солдаткина Оксана

Леонидовна,

к.ю.н., доцент кафедры
информационного права
и цифровых технологий
Саратовской государственной
юридической академии

СКВОЗНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ¹

Пандемия и связанные с ней ограничительные мероприятия имела существенные последствия для организации различных форм социальной коммуникации. В частности, все виды юридически значимых собраний вынуждены были переместиться в виртуальное пространство. Судебные

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-1611 J

заседания не стали исключением. Цифровая среда же выдвигает свои требования к организации процесса, в том числе, с точки зрения информационной безопасности, что обусловило усиленный поиск новых технологических решений.

С послания Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. [1] Президента РФ В. Путина в юридический лексикон вошло понятие «сквозные информационные технологии», определяемые как ключевые научно-технические направления, которые оказывают наиболее существенное влияние на развитие рынков (большие данные, искусственный интеллект, системы распределенного реестра и т.д.) [2]. В ныне не действующей программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июня 2017 г. № 1632-р [3], был приведен не исчерпывающий перечень основных сквозных цифровых технологий, а именно: большие данные; искусственный интеллект; системы распределенного реестра; технологии беспроводной и другие. В пришедшей на смену национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [4] перечня сквозных технологий нет, однако косвенно можно установить, что к сквозным технологиям относятся: искусственный интеллект, робототехника, большие данные, систем распределенного реестра и другие. Многие из таких технологий могли бы быть применены и в судебном процессе, с другой стороны, излишнее увлечение совершенствованием технологических решений без должного нормативного сопровождения может привести к обратному эффекту, отвлекая от главной цели – эффективности организации судебного процесса [5]. Поэтому при внедрении той или иной технологии в любой сфере важна оценка соотношения положительного потенциала и рисков, а для судебного процесса – еще и степень развития правового регулирования.

В целом стоит заметить, что регулирование сквозных технологий касается создания технических стандартов ее реализации, этических принципов и принципов надлежащего управления. Последнее тем более важно, поскольку без него обеспечить технологии стабильное и заслуживающее доверия применение невозможно [6].

Охарактеризуем некоторые сквозные технологии (имеющие наибольший потенциал для судебного процесса) с позиции развития их правового регулирования и практической пользы от их применения.

Большие данные (big data) — это совокупность технологий, которые анализируют, систематически извлекают информацию или иным образом работают с наборами данных, которые слишком велики и (или) сложны для обработки традиционным прикладным программным обеспечением. Спектр возможностей их применения при организации судебного процесса велик, так как все системы поддержки принятия решений и прогнозирования работают сегодня именно на этой технологии. Главной опасностью при использовании технологии больших данных с точки зрения их использования в судебном процессе составляет нарушения режима информации ограниченного доступа, в частности, персональных данных.

Правовое регулирование больших данных за рубежом меняется в зависимости от юрисдикции:

- американская модель охраны данных расценивает конфиденциальность как товар, и возлагает ответственность за их безопасность на самого потребителя;

- европейская модель (директива GDPR) не выделяет большие пользовательские данные в отдельную категорию, включая их в расширенное понятие «персональных данных»;

- китайская модель, основанная на введении режима национального благоприятствования, ориентирована на защиту информации национальных компаний [7].

В России законодатель еще не определился относительно варианта включения больших пользовательских данных в перечень информации ограниченного доступа. Проблемы предстоит решить следующие:

1. Определение границ изучения личности, тем более в сфере использования данных.

2. Установление регулирования использования больших данных с точки зрения персональных данных по одному из двух вариантов:

- разработка особого регулирования для больших пользовательских данных (сложно с организационно-правовой точки зрения, более эффективно с точки зрения особой природы больших данных и их ценности);

- более подробное и четкое определение структуры персональных данных (проще с точки зрения законодательной работы, т.к. уточнение не обязательно прописывать в федеральном законе, но точечное модифицирование существующего регулирования может оказаться неэффективным с точки зрения цифровой среды) [8].

3. Вопросы терминологического аппарата: под большими данными понимается сама информация, или технология сбора и обработки информации, или информация и технология вместе взятые. Не определившись, что считать большими данными, установить их правовое регулирование невозможно.

Искусственный интеллект является, пожалуй, самой часто упоминаемой при цифровой трансформации любой сферы технологией при том, что возможность его применения в судебном процессе связана с большим количеством юридических, технологических и этических проблем.

В данной сфере нет терминологической неопределенности. По указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [9]: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». В Российской Федерации так же существует ряд норм, задающих направление развития систем искусственного интеллекта: упоминаемый ранее указ Президента РФ № 490; Концепция развития регулирования отношений в сфере

технологий искусственого интеллекта и робототехники до 2024 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р [10]). При этом пересечение с областью прав человека вызывает существенные сложности при разработке сопровождающих юридических конструкций.

В частности, правовое регулирование должно решить вопрос правосубъектности систем искусственого интеллекта, и родственньй ему вопрос ответственности за их ошибки. Конечно, эта проблема возникает не для всех систем, а только если так называемый сильный искусственоый интеллект: самообучающееся устройство, способное пройти тест Тьюринга и самостоятельно принимать решения. Здесь в целом наиболее актуален некоторый половинчатый подход, выработанный авторами одного из самых показательных нормативных документов в сфере правовой регламентации деятельности систем искусственого интеллекта (речь идет о принятой в 2017 г. Европарламентом резолюции о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники): закрепляя тезис о том, что сегодня «ответственность должна лежать на человеке, а не на работе», в документе подчеркивается, что вопросы распределения ответственности необходимо решать в зависимости от степени самостоятельности робота и в будущем для наиболее сложных автономных роботов целесообразно предусмотреть специальный правовой статус «electronic persons» (электронных лиц), которые несут ответственность за причиненный ими вред и могут иметь определенные права и обязанности. Представляется желательным имплементация аналогичного положения в российское законодательство, хотя и при этом возникает целый ряд вопросов. Например, на кого из людей возложить ответственность за действие систем: создателя алгоритма, «учителя» системы или ее пользователя.

Таким образом, помимо того, что полноценного сильного искусственого интеллекта сегодня не существует, без решения вопроса о его правосубъектности говорить о внедрении даже для принятия решения даже по так называемым бесспорным делам бесконтрольно по меньшей мере преждевременно из-за высокой цены ошибки.

Список использованных источников:

1. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (дата обращения: 15.12.2021).
2. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%BA%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8_%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 15.12.2021).
3. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 32, ст. 5138.
4. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 12.12.2021).

5. URL: <http://www.garant.ru/news/1193943/> (дата обращения: 05.12.2021).
6. Токолов А.В. Особенности правового регулирования технологии блокчейн // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 149-151.
7. URL: <https://digital.ac.gov.ru/opinions/4284/> (дата обращения: 05.12.2021).
8. Соснин К.А. Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт. URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/legal-regulation-of-big-data-foreign-and-domestic-experience> (дата обращения: 05.09.2021).
9. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 35, ст. 5593.

Грибов Николай Дмитриевич,
к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и
административного
судопроизводства
Российского государственного
университета правосудия

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТИ В ПРАВОСУДИИ

Общие положения. Стремительно развивающиеся современные технологии оказывают значительное воздействие на различные сферы общества, включая, право. Искусственный интеллект, машинное обучение, роботизация, большие данные и облачные сервисы разрешают одни проблемы, но создают другие. На сегодняшний момент судебные системы различных государств столкнулись со значительным повышением нагрузки, что обусловлено сменой процессуальной парадигмы и обеспечением доступности судов для обычных граждан. Для разрешения вопросов оптимизации и повышения эффективности судебной системы должны использоваться электронные технологии. В науке электронно-правые технологии (*Legal Tech*) делят на различные группы в зависимости от сферы применения: (1) социальные и реферальные сети, (2) автоматизация и составление документов, (3) управление делом, (4) правовые исследования, (5) прогнозная аналитика и интеллектуальный анализ судебных процессов, (6) электронное раскрытие доказательств, (7) разрешение споров онлайн, (8) технологии защиты данных [2]. Наиболее востребованной технологией на электронном рынке, лежащей в основе многих программ является искусственная нейронная сеть, так называемый слабый искусственный интеллект. Рассмотрим поподробнее механизм её функционирования.

Искусственная нейронная сеть – код, работающий по принципу человеческого мозга. В современной нейробиологии доказано, что клетки мозга включают нейроны, передающие нервные импульсы, и глиальные клетки, выполняющие дополнительные функции. В мозге в среднем около 65 миллиардов нейронов. Нейроны образуют цепи по которым передается информация, именуемые нервные сети или нейронные сети, отвечающие за функции памяти, сознания и т.п. [1]. Один нейрон может быть связан со многими другими нейронами, а общее количество нейронов и связей в сети может быть достаточно обширным [7]. Нейробиологи открыли 15 нейронных сетей и подсетей [6].

В 1943 году, основываясь на логическом исчислении идей и нервной активности, У. Маккалоком и У. Питтсом формируется математическая модель нейронной сети. В основе данной модели лежит алгоритм обратного распространения ошибки. Примером подобного алгоритма выступает ситуация в обычной школе, когда двоечник списывает у отличника правильный ответ, но делает неверные исчисления. Учительница видит, что вычисления неверные и ставит неудовлетворительно. Аналогичная ситуация и с нейросетью. В нее вбивается верный ответ, а дальше она программируется получать этот ответ через прохождение череды ошибок. Исчисления проходят через множество искусственных нейронов, где нейрон выполняет роль функции $R^n \rightarrow R$, которая преобразует несколько параметров в один вход [5]. Нейронные сети способны не только воспринимать входящую информацию, но и воспроизводить ее из памяти.

Пример использования нейросети. Рассмотрим подобное на примере из цивилистического процесса. Предположим, гражданин подает письменное исковое заявление, которое должно отвечать требованиям процессуального законодательства по форме и содержанию. В качестве иллюстрации подобное представлено на *Рисунке № 1*.

Вначале текст (*входящие данные*) обрабатывается через нейроны, отвечающие за его распознавание, которые переводят слова в цифровые символы, так называемая токенизация и векторизация (*исходящие данные*) (*Данные 1 на Рисунке № 1*). После трансформации вступают в работу иные нейроны, отвечающие за критерии соответствия документа требованиям закона (*Данные 2 на Рисунке № 1*). Каждый нейрон – одна функция. Так, за указание в тексте электронной почты отвечает отдельный нейрон, в который вбито значение 1 – адрес почты есть, 0 – адреса почты нет (*так называемые веса*). Дальше итоговый ответ отправляется на следующий нейрон, который анализирует, например, соответствие вводной части иска определенным условиям (*Данные 3 на Рисунке № 1*). Потом этот нейрон уже отправляет итоговый ответ на окончательный нейрон, который выводит конечный результат для судьи (*Итог на Рисунке № 1*).

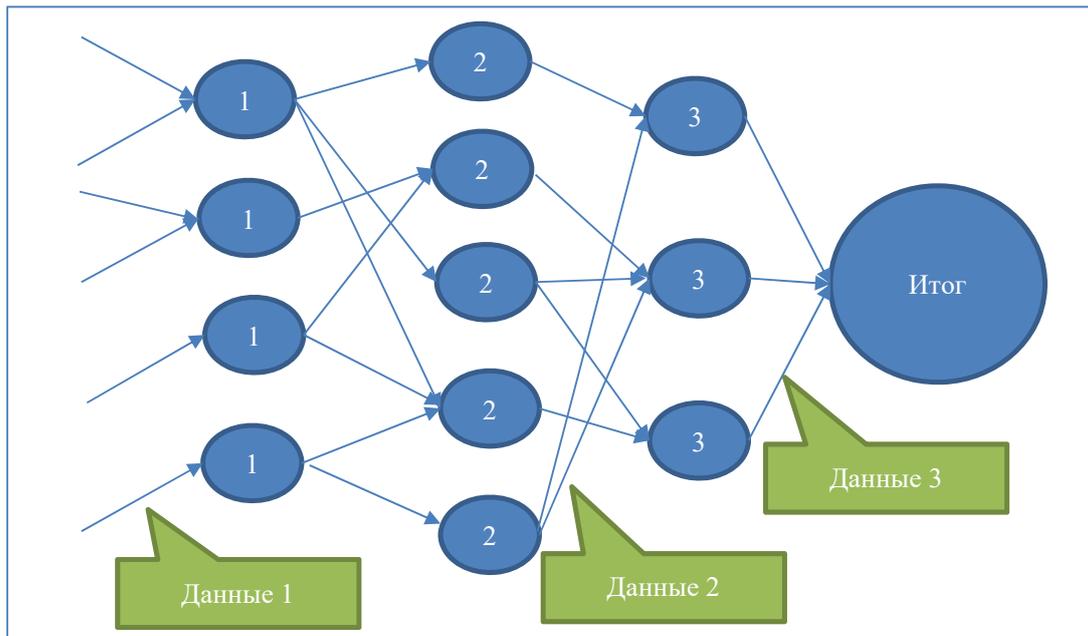

Рисунок 1

Следует отметить, что любая информация может быть искажена шумом, поэтому важное значение имеет обучение нейронной сети и снижения количества ошибочных решений посредством обучения нейронной сети. Это самая трудозатратная по времени работа.

Рассмотрим *иные способы*, где может использоваться нейросеть. В Бразилии программа (VICTOR) применяется для классификации документов, удаления из текста ненужной информации, а также для предварительного прогнозирования допущенной нижестоящим судом судебной ошибки на основании судебных актов, заложенных в нее за предыдущие годы [3]. Данная система применяется Верховным судом Бразилии и, как подчеркивают исследователи, позволяет экономить около 44 минут времени помощника судьи, связанных с анализом текста апелляционной жалобы [1]. На международном уровне используются и иные программы, связанные с прогнозированием решений на основе практики судов, где в качестве правильного ответа положено схожее решение суда. Соответственно нейросеть может выполнять функции ассистента судьи-человека по ряду вопросов делопроизводства, экономя трудовые ресурсы. Например, составляя предварительный судебный акт, который судья может править для итогового варианта. В дальнейшем слабый искусственный интеллект сможет оценивать доказательства по делу и выносить решение по вопросам факта, если дело будет типовым, то есть, со сформированным в практике предметом доказывания и бременем доказывания, а также стандартным перечнем доказательств.

Искусственная нейросеть может служить для упрощения текста процессуальных документов. Например, на данный момент не нужно копировать тексты нормативно-правых актов. Достаточно ссылок на статью и реквизитов закона. Судьи используют специализированные программы для чтения законов и практики их применения (*Гарант, Консультант Плюс и другие*). Поэтому следует лишь поставить гиперссылку или QR-код, по

которому судья сможет перейти для разрешения того или иного вопроса. Нейросеть позволит убирать «мусор» в документе, оставляя лишь нужную информацию. Примером подобного является сервис яндекса «Отжим» по суммаризации текста, вычищающий из текста канцеляриты, превращая его в более читаемый [8]. Соответственно и итоговый судебный акт также может проходить через подобный анализ, делая его содержание более понятным для обычных граждан без специального образования.

Искусственная нейросеть может использоваться для составления протокола судебного заседания через распознавание речи. Данной технологией постепенно оснащаются новые задания российских судов. Также слабый искусственный интеллект следует применять для прогнозирования и распределения судебной нагрузки на конкретного судью или для распознавания личности участника процесса, если заседание проходит через систему видео-конференц-связи.

Подводя итог обозначенному, следует отметить, что современное развитие судебной системы невозможно без использования технологий. Они позволяют экономить человеческие ресурсы путем сокращения типовой работы, оставляя время на анализ и решений действительно проблемных вопросов, возникших в конкретном споре. Главное, чтобы работа программ отвечала критерию прозрачности для всех участников правовых отношений и было понятно, какая информация в ней заложена. Итоговое решение нейронной сети всегда зависит от конечных данных.

Список использованных источников:

1. Becker D., Ferrari I. VICTOR, the Brazilian Supreme Court's Artificial Intelligence: a beauty or a beast? [Электронный ресурс] // URL: <https://sifocc.org/app/uploads/2020/06/Victor-Beauty-or-the-Beast.pdf> (дата обращения 26.11.2021).
2. Park, S.-H.; Lee, D.-G.; Park, J.-S.; Kim, J.-W. A Survey of Research on Data Analytics-Based Legal Tech. Sustainability 2021, 13, 8085. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.3390/su13148085> (дата обращения 24.11.2021).
3. Silva Nilton & Braz Fabricio & de Campos Teofilo (2018). Document type classification for Brazil's supreme court using a Convolutional Neural Network [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/328582117_Document_type_classification_for_Brazil's_supreme_court_using_a_Convolutional_Neural_Network (дата обращения 24.11.2021).
4. Дубынин В. Мозг и его потребности: от питания до признания. - М.: Альпина нон-фикшн, 2001. – 572 с.
5. Нейронные сети, перцептрон [Электронный ресурс] // URL: <https://tinyurl.com/vm8jd2wp> (дата обращения 24.11.2021).
6. Нейронные сети: как работает мозг [Электронный ресурс] // URL: <https://hbr-russia.ru/management/operatsionnoe-upravlenie/a12430/>(дата обращения 24.11.2021).
7. Нервная сеть [Электронный ресурс] // URL: <https://tinyurl.com/3zyznu8m> (дата обращения 22.11.2021).
8. URL: <https://techno.yandex.ru/interactives/yalm>

Кулжабаева Жанат Орынбековна,
к.ю.н., советник директора
Института законодательства и
правовой информации Республики
Казахстан

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ»

Использование информационных технологий вносит соответствующие изменения во все сферы жизнедеятельности человека и общества. Не является исключением, и сфера правоотношений при внедрении цифровых технологий и коммуникационных средств. Информационные технологии постепенно и целенаправленно используются в деятельности органов внутренних дел, прокуратуры, нотариальной деятельности, в судебной системе [1; 2; 3]. Все чаще юристы стали использовать в профессиональной лексике такое понятие как электронное правосудие, или e-justice (в зарубежных странах).

В настоящее время научное сообщество не определилось с единым подходом к термину «электронное правосудие». «Пока рассмотрение дела будет осуществляться человеком, а не машиной, использовать термин «электронное правосудие» можно исключительно условно, правильнее говорить о внедрении отдельных элементов электронного правосудия» категорично заявляют В.И. Решетняк и Е.С. Смагина [4]. С.Ю. Шараев подразумевает в данном понятии именно новую форму осуществления правосудия: переход от бумажной формы к цифровой: аудио- и видеозапись судебного заседания, электронный архив судебных дел и изготовление судебных актов в форме электронного документа [5]. Зарубина М.Н. и Новикова М.М., определяют данный термин как особую форму «взаимодействия между судами и участниками процесса, при этом, что немаловажно, личные контакты участников процесса не исключаются, они лишь опосредуются электронным форматом, иное бы нарушало базовые принципы правосудия» [6]. В.А. Пономаренко считает, что «Под электронным правосудием следует понимать такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства» [7]. Об одновременном применении двух понятий «электронное правосудие» и «информатизация судов» рассуждают Н.Н. Федосеева и М.А. Чайковская: [8], а С.В. Романенкова обозначает «электронное правосудие» в узком и широком смыслах [9]. В.В. Ярков и И.И. Черных рассматривают электронное правосудие как «электронную систему разрешения споров, которая может включать в себя такие элементы, как руководство процессом и судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации, судебные извещения, правовой поиск, внутренние судебные процедуры» [10; 11].

Именно к определению электронного правосудия в широком понимании данного термина придерживаются и на международном уровне. Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 (G48) электронное правосудие, как форма выражения электронной демократии, включает в себя официальные сайты судов, национальные и международные порталы, системы информирования о статусе судебного дела в онлайн-режиме, системы видеоконференций, а также методы и стандарты электронного обмена информацией [12].

Анализ зарубежного опыта развития данного направления показывает, что путь внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) происходят в различных формах. В частности, так называемый e-court или электронный суд, т.е. суд, в котором юридически значимых действий переведено в электронную форму: электронный документооборот, правосудие приобрело либо полностью, либо частично письменную электронную форму (участие в заседании через видео-конференц-связь и т.д.), уведомление лиц, участвующих в деле, о ходе рассмотрения судебного спора и его результата осуществляется дистанционно и т.п. Такие e-court суды получили широкое распространение в мировой практики: в Австралии, Республике Беларусь, Великобритании, Индии, Испании, Казахстане, Канаде, Китае, Нидерландах, Новой Зеландии, России, Сингапуре, США, Франции, в Швейцарии, в Швеции. К примеру, в Республике Беларусь высшая судебная инстанция судов общей юрисдикции выступает флагманом по развитию и внедрению различных ИКТ, призванных обеспечить расширение таких элементов правосудия как, доступность и прозрачность. В частности, после проведения масштабной судебной реформы в 2014 г. также как и в Российской Федерации, и в Республики Казахстан стал функционировать единый официальный сайт, предоставляющий доступ к различным электронным порталам, т.е. внедрение ИКТ в таком формате позволяет принять взвешенное решение, а именно, с одной, стороны сохранять уже устоявшуюся систему судопроизводства и судоустройства, а с другой – декларировать о переходе к электронному правосудию.

Имеется опыт тех стран, которые используют технологию «робот-судья», т.е. при применении ИКТ разрешение судебных споров сокращается на более короткий промежуток времени. К примеру, в Аргентине уже функционирует программное приложение способное проводить анализ представленных документов и изготавливать проекты окончательных судебных актов по некоторым категориям гражданских и административных дел. Процедура принятия такого судебного акта предусматривает обязательную его проверку и утверждение местными судьями. При этом, подавляющее большинство проектов судебных актов утверждается без внесения в них изменений. В Республике Эстония разработано программное обеспечение, которое рассматривает подавляющего большинства споров в автоматизированном формате.

Внедрение современных технологий позволило разнообразить объем и качество предоставления юридических услуг. Справочно-правовые и информационно-поисковые системы позволяют формировать и анализировать в

автоматическом режиме большой объем материалов судебной практики, нормативных правовых актов. Например, в странах дальнего зарубежья у представителей лиц, участвующих в деле, набирает популярность услуга, позволяющая предположить различные варианты результата того или иного судебного процесса. Разработанное программное обеспечение позволяет уже не только проводить вышеописанный анализ, но и обозначить дополнительные возможности быстрого выявления правовых оснований для применения той или иной правовой позиции в конкретном споре. Таким образом, правы те авторы, которые считают невозможным существование электронного правосудия в отрыве от процессов информатизации так же, как и без внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство, позволяющих совершать процессуальные действия в цифровой форме [13].

Применение компьютерной техники и информационных технологий в зарубежных странах используется для достижения такой организации процесса отправления правосудия, которая позволяет достичь нагрузки на судей в зависимости от количества рассматриваемых в суде дел, чтобы при возрастании дел определенной категории оперативно могло быть увеличено количество судов для оптимизации сроков рассмотрения дел. Кроме того, в зарубежных странах с высоким уровнем развития информационных технологий, внедрение электронных средств в судопроизводство позволяет улучшить организацию деятельности внутри суда, способно вывести его на более высокий уровень развития, создает условия для внедрения «системы управления движением дела», включающей электронную регистрацию дела, определение и структурирование информации о сторонах, определение режима прохождения дела в суде от его возбуждения до вынесения решения, контроль за продвижением дела, соблюдением процессуальных сроков и дат судебных заседаний, определение судебных расходов, подготовку судебной статистики, обеспечение эффективной связи с представителями сторон, непрерывную оценку работы системы, автоматизацию процесса управления делом, что, в конечном счете, повысит эффективность правосудия [14].

В Сингапуре для постоянно меняющихся потребностей гражданского судопроизводства используется Electronic Filing System (EFS, Электронная система подачи, разрабатывавшаяся, прежде всего, как система управления документами и оптимизации документооборота в суде. При использовании EFS электронный документ, поступивший в суд, подвергается автоматизированной проверке на соответствие предъявляемым процессуальным законом требованиям, без вмешательства персонала суда направляется на соответствующий регистр для обработки. Система автоматически разрабатывает дальнейшую маршрутизацию документов в суде, позволяет свести к минимуму физическое перемещение людей и документов в судебных подразделениях, что значительно сокращает время рассмотрения поступившего заявления или иного документа, исключает неправильное приобщение документа к делу (к которому он не относится, создает возможности для более полного использования преимуществ электронного хранения документов. Сборы, подлежащие уплате при подаче документов в суд, вычитаются

автоматически с помощью EFS. Таким образом, внедрение электронных технологий в процесс управления судом движением дела позволило:

- повысить производительность деятельности судов. Это достигается за счет оптимизации автоматизированных рабочих процессов и автоматических приемов отслеживания и мониторинга системы.

- разрешить проблему недостаточности персонала работников, с которой постоянно сталкиваются судов во всех правовых системах. Автоматизированная система документооборота позволяет сотрудникам судов быть более продуктивными.

- сократить сроки рассмотрения заявлений и поступивших в суд заявлений, что, соответственно, ускорило рассмотрение и разрешение судом гражданских дел, сократило количество неурегулированных споров.

- разрешить постоянно растущий спрос на физическое пространство. С помощью EFS документы могут храниться в электронном виде в системе, что делает ненужным наличие в зданиях судов больших архивных помещений и, к тому же, сокращает финансовые расходы на хранение документов.

- одновременный просмотр и изучение документов несколькими участниками процесса и судебными работниками.

- повысить безопасность хранения документов, обеспечить их конфиденциальность, поскольку с EFS легче реализовать ограниченный доступ к электронным досье.

- получать и анализировать статистические данные о количестве и категориях дел, которые рассмотрены в текущем периоде года. Такие данные позволяют прогнозировать и принимать меры по предупреждению потенциальной проблемы. Например, постоянный рост количества рассмотренных судами дел о разводах потребовал выделения дополнительных судей, вспомогательного персонала и ресурсов Отделов Семейного Правосудия нижестоящих судов (Family and Juvenile Justice Division of Subordinates courts), а также разработки на государственном и общественном уровнях мер по укреплению семьи [15].

При разработке основных положений реформы гражданского судопроизводства в Финляндии, вступивших в силу в 1992 г., было установлено, что основная категория дел, рассматриваемых финскими судами - это дела о взыскании долга, практически бесспорные, поскольку обязанность ответчика вернуть долг очевидна и при возникновении дела в суде не оспаривается, если исковое заявление хорошо аргументировано и представлено в суд вместе с соответствующими доказательствами. Было признано необходимым установить систему управления для такого рода категорий дел и рассмотрения их в упрощенном порядке. Для предварительного разбирательства дел в письменном виде были разработаны две системы – Система управления делом TUOMAS и Система электронной пересылки SANTRA.

В Израиле внедрена система, позволяющая судье распределять необходимые действия между участниками процесса и организовывать последовательность их выполнения. Все процессуальные действия были разбиты на категории, и каждое действие получило статус «задания»,

автоматически назначаемого лицу, ответственному за его выполнение. Благодаря этому весь процесс управления каждым делом автоматизирован с помощью уведомлений - подсказок конкретному лицу о необходимости совершить определенное действие. Вместе с тем это позволит достоверно обозначить порядок, в соответствии с которым выполняются разные задания по каждому делу, и со временем оптимизировать работу системы в сторону максимальной эффективности. Все это привязано к расписанию судьи таким образом, чтобы улучшить процесс планирования действий во благо заинтересованных лиц.

Главными целями проводимой в Англии современной реформы процессуального права, как указывает Е.В. Кудрявцева, были не столько количественная, сколько качественная перестройка британского гражданского судопроизводства, реализация концепции судебного руководства движением гражданского дела. В Правилах гражданского судопроизводства 1998 г. был введен новый институт – управление делом (case management). Этот институт, включающий в себя ряд действий, осуществляемых сторонами и судом на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, был распространен на все суды и разновидности споров, что активизировало судей, изменило содержание принципа состязательности. В последние годы, по мнению Е.В. Кудрявцевой[16], одним из самых существенных способов экономии, доступных судам, стало использование современных технологий в судопроизводстве, поэтому утверждает она, «активное управление делами включает применение технических средств (ст. 1.4(2) «к» Правил гражданского судопроизводства). Судьи все чаще идут на то, чтобы общаться с солиситорами по телефону, а не вызывать их в суд, когда речь идет о небольших процессуальных вопросах. Проводятся промежуточные слушания посредством телефонной связи. Некоторые документы, в частности проекты определений (которые часто корректируются до одобрения судом), передаются на любом электронном носителе, чтобы облегчить вынесение формального определения».

Федеральный Суд Австралии принял стратегию, названную e-court, в целях внедрения новых способов ведения дел, улучшения доступа к системе правосудия и повышения ее эффективности. Австралийская стратегия e-court включает множество новых возможностей: электронное хранение данных, «онлайн заседания», систему управления судебными делами, систему управления документами и многое другое. Согласно e-court стратегии, внедрение новой системы хранения данных и документооборота осуществляется в 4 стадии: первая позволяет получать документы и платежи посредством Интернета. На этой стадии персонал суда печатает документы, проверяет их и обрабатывает как обычные бумажные документы. Вторая стадия привнесла некоторые улучшения во весь процесс, процедура хранения данных была упрощена для свободных пользователей, больше не нужно повторно вводить идентификацию пользователей, а персонал суда стал хранить документы не только в PDF формате. На этой стадии суд получает электронные документы, но его внутренние операции все еще полностью ведутся на бумаге.

В Италии в течение ряда лет используется электронный сервис, предоставляющий возможность пользователям судебной информации получать

консультации «онлайн» по информации и документам, относящимся к гражданскому судопроизводству. Этот сервис работает при помощи системы, называемой PolisWeb. Она позволяет пользователям ЭГС получать информацию о гражданских исках, арбитражных делах, мерах гражданского правоприменения. Таким образом, юристам не нужно обращаться в канцелярию суда, чтобы получить требуемую информацию. Для большего контроля за использованием информации система управления данными ежедневно копирует данные каждого обращения в канцелярию и пересылает их в центральное хранилище, расположенное в Неаполе. Юристы – приблизительно 120 тыс. человек (общее количество юристов в Италии не превышает 200 тыс.) – могут получить доступ к электронной информации через 120 точек входа. При этом доступ предоставляется всем государственным юристам.

В Германии внедрение информационных и коммуникационных технологий в различных сферах жизнедеятельности, развитие сети «Интернет», признание ее широких коммуникационных возможностей в деловой обороте привело к тому, что немецкий законодатель, органы юстиции и оказались на «информационной магистрали» (Information Superhighway) и включились в ее работу путем введения системы электронного правового документооборота (elektronische Rechtsverkehr). Подсистемой электронного правового документооборота немецкой научной литературе принято понимать надежный, действительный с правовой точки зрения обмен электронными документами между адвокатами, гражданами, государственными учреждениями и судами. Основной целью принятия Закона от 1 апреля 2005 г. «Об использовании электронных форм коммуникации в судопроизводстве» (Justizmodernisierungsgesetz) было введение полностью электронной коммуникации и системы документооборота между участниками судопроизводства. При этом, как указывает К.Л. Брановицкий [17], речь идет не только о введении полностью электронной коммуникации между судом и участниками судопроизводства, но и о введении такой системы документооборота в самих судах. В настоящее время в Германии полностью электронная коммуникация установлена между судами, органами юстиции и иными государственными учреждениями. Также самое широкое участие в судебном электронном документообороте в настоящее время принимают адвокаты, нотариусы и налоговые консультанты. Распространены интерактивные (через сеть Интернет) адвокатские консультации. Электронная почта используется адвокатами с учетом ее невысокого уровня обеспечения конфиденциальности передаваемой информации. В настоящее время значительное распространение получили так называемые электронные почтовые ящики судов (Gerichtspostfach). Документы в суд направляются посредством специального коммуникационного протокола «OSTCI-Ntransport», который по сравнению с обычным процессом отправки документов электронной почтой имеет важные преимущества: информация передается в зашифрованном виде; электронные подписи поддерживаются на едином законодательном уровне; мгновенное получение адвокатом (или иным отправителем) подтверждения о поступлении отправленного документа в суд, которое принимается судом в качестве доказательства.

Современный этап развития информационных технологий позволяет осуществлять их успешное использование во всех сферах жизни общества, в том числе в системе судопроизводства. Государство в целях укрепления возможности защиты прав и законных интересов, как физических, так и юридических лиц, ведет активную деятельность в сфере внедрения информационных технологий в судебную систему. Анализ зарубежного опыта использования информационных технологий позволяют сделать вывод, что в современных условиях совершенствование практики применения национального законодательства связано с развитием информационно-коммуникационных технологий, их эффективным использованием в правовой сфере. Обеспечение надлежащей информатизации судов, расширение области применения информационных технологий в судебной деятельности, создание на этой базе современных и надежных программных комплексов, и систем являются определяющими составляющими в процессе достижения эффективного правосудия.

Список использованных источников:

1. Брянцева О.В. Особенности современного этапа использования информационных технологий в органах внутренних дел // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1 (90). С. 97-101.
2. Брянцева О.В. Использование информационных технологий в нотариальной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 241-246.
3. Решетняк В.И. Зарубежный опыт использования информационных технологий для организации деятельности судов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 298-302.
4. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учеб. пособие. – М.: Издательский дом «Городец», 2017. – 19 с.
5. Шараев, С.Ю. Электронное правосудие: итоги и перспективы. Интервью [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГРАНД.РУ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/company/cooperation/gov/action/regional/271319/>. – Дата доступа: 01.12.2021.
6. Зарубина, М.Н. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации / М.Н. Зарубина, М.М. Новикова // Администратор суда. – 2017. – № 1.
7. Пономаренко, В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции : монография / В.А. Пономаренко – М. : Проспект. – 2015. – 50 с.
8. Федосеева, Н.Н. Электронное правосудие в России и в мире /Н.Н. Федосеева, М.А. Чайковская // Администратор суда. – 2011. –№ 3.
9. Романенкова, С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран / С.В. Романенкова // Арбитражный и гражданский процесс. –2013. – № 4.
10. Ярков, В.В. Электронное правосудие / В.В. Ярков // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 41.48

11. Черных, И.И. Размышления об «электронном правосудии» /И.И. Черных // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: РАП, 2011. – 112 с.

12. Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии, приняты Комитетом министров 18 февраля 2009 г. на 1049-м собрании заместителей министров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dsnmp.ru/rekomendatsii-komiteta-ministrov-sov/>. – Дата доступа: 01.12.2021.

13. Зарубина, М.Н. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в цивилистическом процессе / М.Н. Зарубина, А.А. Павлов // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 205-222.

14. Прокудина Л.А., Сосил Дж.С. Система управления движением дела – фактор повышения эффективности отправления правосудия // Вестник ВАС РФ. 2003. № 10.

15. Walker J., Watson G.D. New Technologies and the Civil Litigation Process. Common Law General Report. Osgoode Hall Law School York University, Toronto (Canada) -<http://research.osgoode.yorku.ca/iapl2007>

16. Кудрявцева Е.В. Гражданское судопроизводство Англии. М., 2008.

17. Брановицкий К.Л. Судебное решение в электронной форме (правовое регулирование в ФРГ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 4.

**Грачева Светлана
Александровна,**
к.ю.н., старший научный
сотрудник Института
законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве
Российской Федерации

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ЦИФРОВОЙ ПЕРИОД: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

1. Конституционализм – явление многогранное, охватывающее не только явление конституционности как режим действия конституционных правоположений, но и процесс конституционализации правоотношений. Последнее включает помимо конституционной идентификации и юридизации новых явлений в праве, также определение влияния таких явлений на действие конституционных принципов и норм, не исключаящую последующую трансформацию их содержания (пределов действия, ограничений).

Наличие цифровой среды обозначает вызовы развитию общественных отношений, при этом на данный момент оно постепенно и трудно идентифицируется правом (правовым регулированием), однако происходящие

трансформации в юридической сфере обуславливают то, что цифровая жизнь становится объектом конституционализации.

Такие «трансформации» наиболее заметны по *нарастающему объему правового регулирования* при формировании цифрового законодательства, предметом которого является развитие «цифровой» модели социальной коммуникации, спрос на что усиливается пандемией (ориентирующей на получение «убежища на дому»), и одновременно *сравнительной новизной, малой изученностью* данного направления регулирования с позиции встроенности в сложившейся механизм действия права и законодательства.

Важным фактором конституционализации необходимо рассматривать *вызовы «прочтению» правовых ценностей* с учетом потребности их идентификации применительно к информационно-цифровой среде. В доктрине и практике все чаще отмечается эволюция традиционных прав в цифровой среде и появление новых (производных) прав [1; 2; 3]. Например, можно отметить этапность такой эволюции: от неприкосновенности частной жизни к праву на информационное самоопределение, а впоследствии к праву на защиту данных, праву на забвение (Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О); от свободы выражения мнения/убеждений к праву на коммуникацию, праву на свободу информации (Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П), впоследствии к праву на доступ к интернету (технологиям).

Между тем наблюдается *неоднородность конституционной юрисдикции* понятий и подходов относительно цифровой среды. Например, встречается признание идеи доступа к интернету, которая формулируется как гарантированное право человека и гражданина (например, по Конституции Португалии (ст. 35)) или как часть права на участие в информационном обществе (Конституция Греции (ст. 5 А), Конституция Бразилии (ст. 5/ LXXII)), так и в аспекте конституционной обязанности государства в части предоставления ключевых информационных услуг (Закон Бразилии о порядке использования Интернета от 23 апреля 2014 г.).

Также возможны формулы конституционного признания применения технологий в ракурсе установления баланса в обеспечении прав и законных интересов основных участников (субъектов) конституционно-правового общения, что являет собой определенную закономерность конституционно-правового развития. В этом плане удачно включение Конституции РФ в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ: согласно п. «м» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Внимание к происходящему во многом отражается на воззрениях о конституционализме как трансформирующегося в т.н. *цифровой конституционализм* [4; 5; 6]. Последнее в основном рассматривается явлением, образующим новую модель конституционного мышления и оценки конституционного развития, в связи с потребностью «расширения конституционной среды» в цифровых условиях, что, очевидно, диктуется

проблемой достаточности конституционных средств воздействия, гарантирования конституционно значимого вектора развития права.

При этом важный вопрос дискурса о цифровом конституционализме: является ли такое обозначение «альтернативой» действующему конституционализму или «методологическим приемом» его осмысления? Такой взгляд определен нередким рассмотрением цифровой среды едва ли ни ключевым фактором развития современного конституционализма, что, по меньшей мере, обосновывает включенность конституционной юриспруденции в его осмысление – с позиции возможностей и рисков для сложившейся системы конституционных воззрений, позволяя подходить к «новому» с различных сторон, делая прогнозные оценки.

2. Приведенные тенденции характерны и для правосудия как важного направления обеспечения механизма электронного государства и «электронной демократии» [14].

Внимание к «судебному» направлению особенно повышено с учетом приближенности суда к обеспечению государством конституционно-правозащитной функции, равно как и в силу возрастающей потребности в развитии гибкого казуального регулирования в условиях неопределенности цифрового законодательства (учитывая его массивность, недостатки сбалансированности).

Обращение к теме доступности правосудия оптимально в названных условиях, поскольку в свете содержательной специфики (определенной судебной «эволютивной» практикой ее наполнения (начиная с дела *Golder v. UK* (ECHR, 1975)) данная категория наиболее емко позволяет определить ключевую проблематику правосудия при внедрении информационно-коммуникационных технологий, влияния цифровизации на судебную защиту и развитие судебной функции.

В числе трудных вопросов развития конституционализма – диалектика сочетания доступности правосудия и доступности электронного правосудия (последнее постепенно входит не только в юридико-терминологический оборот (например, по Концепции информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019), но и все чаще относится к числу наиболее перспективных тенденцией судебного реформирования). Такую взаимосвязь можно проследить при внимании к направлениям сочетания названных категорий.

Во-первых, в процессуальном плане доступность правосудия и доступность электронного правосудия могут рассматриваться при первом приближении совпадающими понятиями, учитывая лежащее в их основе процессуальное правомочие. Так, право на доступ к правосудию получило первоначальное признание как правомочие обращения в суд, и по этому направлению схоже с доступом к электронному правосудию, основной процессуальный измеритель которого - подача обращения в электронном виде, предлагающее наличие автоматизированной информационной системы. Между тем подача обращения в электронном виде вряд ли может рассматриваться сложившимся (и в этом значении самостоятельным) правом (даже при наращивании объема информатизации «электронного обращения»), тем более

получившим универсализацию в конституционно-правовых юрисдикциях, по аналогии с правом на обращение в суд (*locus standi*), отказ от которого считается недействительным. По опыту российской юрисдикции, правомочие обращения в суд в электронном виде рассматривается опосредующим способ реализации права на обращение в суд. Тем не менее, не исключена перспектива развития названного правомочия в самостоятельное право, что возможно при оформлении представлений о его процессуальном содержании, гарантировании. Трудно не согласиться со следующим: «Для того, чтобы можно было с уверенностью говорить о наличии элементов электронного правосудия в том или ином государстве, необходимо законодательно закрепить возможность обращения в суд в электронной форме, получать повестки, судебные решения в электронном виде, осуществлять юридически значимое взаимодействие судов разных уровней внутри судебной системы и с другими государственными органами в электронном виде, а также вести дела в электронном виде и использовать систему видео-конференц-связи» [7].

При этом такое признание возможно не ранее чем наличие этапов внимания к выделению права на доступ к интернету (технологиям) по отношению к категории информационных прав, юридическому осмыслению и идентификации проблематики добровольности технологий. Интересен опыт признания права на электронный доступ к правосудию, что более четко отражает состоявшееся процессуальное значение технологий для правосудия с учетом продолжительности их внедрения. Так, продолжительный опыт внедрения технологий в осуществление правосудия, более комплексно охватывающее последнее, нежели процесс информатизации судебной системы, имеет место в странах англосаксонской правовой традиции, а также в других государствах, для которых характерно повсеместное внедрение технологий в судебную деятельность. Помимо них, такой опыт внедрения ИКТ имеет место в других странах, в числе которых: Австрия (технология *Electronic Legal Communications (ELC)* экспериментально опробовалась уже в 1989 г.), Франция (опыт электронного общения суда и участников процесса апробируется с 2003г.) [8; 9].

Во-вторых, важное направление «сочетания» проявляется при рассмотрении доступности правосудия не только с позиции круга процессуальных правомочий (по обращению в суд, движению дела), но и принципов правосудия, определяющих качество судебной защиты и восстановления прав. Правосудие при применении ИКТ (как широко характеризующее электронное правосудие) становится ключевой повесткой при обсуждении повышения эффективности реализации таких принципов, при этом акцент делается на приближенности (доступности), оперативности (разумности сроков) правосудия, процессуальной экономии. Между тем примечателен вопрос, в какой мере доступность электронного правосудия служит «эффективной меркой» судебной защиты прав (если не рассматривать ее с позиции технологической эффективности)? И в этом отношении важен анализ действия не только отдельных принципов, но и их в системной взаимосвязи друг с другом, в свете изменения их действия и реализации при применении технологий и, как результат, влияния на судебную защиту. В этом ключе обычно

внимание в цифровых условиях к уточнению реализации состязательности сторон процесса (например, при представлении электронных доказательств, соблюдении порядка судебного заседания при удаленном режиме его проведения), непосредственности и устности судебного разбирательства (в свете центральности права «быть услышанным»). Не исключены более существенные риски в случае перехода к электронной судебной защите на регулярной основе (как сочетание удаленного правосудия с письменным производством). Также стоит допустить развитие и появление принципов правосудия, детерминируемых усилением его технологической специфики, среди которых обсуждаются принцип естественного судьи и запрета на делегирование судебных полномочий «умным технологиям», принцип нейтральности правовых данных и информативности цифровых источников, допускаемых к использованию для обработки при осуществлении судебной функции.

В-третьих, необходимо учитывать методологическую направленность сочетания доступности правосудия и электронного правосудия, в свете значения анализа влияния технологий на осуществление судебного усмотрения. В числе дискутируемых факторов возможного преобразования судебного применения и толкования релевантного делу правового регулирования: роль нормативно-технологической платформы обработки судебных данных в обеспечении судебной функции; развитие практики алгоритмизации принятия судебных решений в сочетании с контекстуальным толкованием; перспектива технологической глобализации судебных данных и взаимовлияния на этой основе судебных позиций.

3. В заключение подчеркнем, что доступность правосудия – важная категория и ценность конституционализма, поэтому обсуждение ее в цифровых условиях важно, прежде всего, с названного ракурса, не исключающего новый масштаб и контекст осмысления правовых идей и стандартов, получивших конституционную универсализацию.

Значение электронного правосудия (очевидно, не сводящееся к проблеме электронного обращения в суд и судебного документооборота [10; 11; 12]) периодами бывает сколь переоценено – например, в части рассмотрения замещения человека «искусственными алгоритмами», столь и недооценено – если применение ИКТ при обращении в суд и ведении судебного дела исследуется без внимания к принципам правосудия.

Несомненно, что развитие доступного правосудия на основе применения ИКТ должно быть обосновано выбранной моделью вовлечения правосудия в механизм электронного государства, при акценте на эффективности судебной защиты прав и осуществления судебной функции, что также требует внимания к риск-ориентированному подходу при применении технологий [13].

Список использованных источников:

1. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху// Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 3. С. 122-146

2. Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве// Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3-13
3. Варламова В.А. Цифровые права – новое поколение прав человека?// Труды Института государства и права. 2019. Вып. 14. №. 4
4. Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. N 9. С. 9 - 15
5. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. N 11. С. 25 - 42
6. Celeste Ed. Digital constitutionalism: a new systematic theorization/ International Review of Law, Computers & Technology. Volume 33, 2019 -Issue 1: British and Irish Law Education and Technology Association Conference (BILETA Special Edition). Pages 76-99
7. Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России// Экономика. Право. Общество № 1 (13). 2018. С. 42-47
8. Velicogna M. Electronic Access to Justice: From Theory to Practice and Back// [Technologies, Droit et Justice](https://journals.openedition.org/droitcultures/2382). 2011-1/
<https://journals.openedition.org/droitcultures/2382>
9. Доклад экспертов по результатам заседания рабочей группы по вопросу «Электронное правосудие» в рамках Проекта регионального диалога по реформе судебной системы в странах Восточного партнерства. Тбилиси. 10.01.2017/ <https://rm.coe.int/1680700f18>
10. Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. N 3. С. 97 - 129.
11. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина по теме: "Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность"/ <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42272>
12. Солохин А.Е. Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы// Закон. 2019. № 6. С. 193 - 208
13. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», М., 2021/
http://president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_s_vobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/
14. E-democracy Handbook. European Committee on Democracy and Governance (CDDG). Strasbourg, 27 August 2020. CDDG (2020)6/ <https://rm.coe.int/11th-cddg-session-10-11-september-2020-e-democracy-handbook/16809f5a72>

Олейник Василий Иванович,
начальник юридического
управления НАО
«Карагандинский университет
имени академика Е.А. Букетова»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА В КАЗАХСТАНЕ

Прежде всего, хотел поблагодарить организаторов данного мероприятия за создание столь представительной диалоговой площадки для рассмотрения актуальных тем повестки дня, а также возможность выступить на этом форуме.

Сегодняшняя дискуссия позволит всесторонне обсудить поднятые вопросы и проблемы, внести конкретные предложения, чтобы выработать эффективные рекомендации.

В своем выступлении остановлюсь на отдельных, актуальных аспектах защиты прав и свобод человека.

Обеспечение прав человека - один из приоритетов в Республике Казахстан. С момента обретения независимости Казахстан встал на путь построения демократического, светского и правового государства, в котором главным стержнем государственной политики являются права и свободы человека. Принцип уважения прав человека заложен в Конституции Республики (30 статей определяют и защищают гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права) и является важным направлением всех стратегических и программных документов Правительства.

Казахстан стал полноправным субъектом международного права и участвует в более чем 60 многосторонних универсальных международных договорах в сфере прав человека, 8 из которых - правозащитные конвенции ООН, так называемые «международные инструменты защиты прав человека».

За короткий в исторических масштабах период суверенным Казахстаном проделана колоссальная работа по реформированию судебной, правоохранительной и пенитенциарной систем, приведение законодательства в соответствие с общепризнанными универсальными нормами международного права. В действующем законодательстве страны имплементированы нормы международных актов по правам человека, ратифицированных нашей республикой.

Основные приоритеты государственной политики изложены в программном документе Республики Казахстан «Стратегия-2050». Правительство реализует План нации «100 конкретных шагов», определяющих пять важнейших институциональных реформ, в том числе обеспечение верховенства закона.

В частности, в Плане нации «100 конкретных шагов» вторая реформа «Обеспечение верховенства закона» содержит 19 шагов (16-34 шаги) и направлена на совершенствование работы, повышение открытости и подотчетности в судебной системе, правоохранительных органах, пресечению коррупции в их рядах.

В рамках реализации данной реформы депутатами Парламента принято более 90 законов.

Как отмечал Глава государства К.К. Токаев в своем Послании народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий»: «Ни один аспект социально-экономического развития не может быть успешно реализован без верховенства закона и гарантирования безопасности наших граждан» [1].

Модернизации подверглась и судебная система, в результате чего приняты меры, направленные на расширение доступа к правосудию, повышение прозрачности и независимости судебной системы [2].

Позволю себе процитировать слова Первого Президента Республики Казахстан - Елбасы Н.А. Назарбаева из его статьи «План нации – Путь к казахстанской мечте»: «... Суть второй реформы заключается в том, чтобы независимое правосудие и вся правоохранительная система Казахстана были нацелены исключительно на обеспечение прав и свобод граждан, строгое исполнение законов и укрепление правопорядка...Прежде всего, обновленное законодательства будет способствовать повышению доверия общества к судебной системе. Именно в суде вершится справедливость. Центральный вопрос реформирования казахстанских судов - это формирование качественного судейского корпуса...» [3].

О действии этих новелл в судебной практике наглядно показал председатель Верховного Суда Республики Казахстан Асанов Ж.К. в своем сегодняшнем приветственном слове.

Прозвучали очень интересные выступления участников форума об использовании на практике электронного правосудия.

В нашей стране успешно внедряются информационные технологии, в том числе и электронное уголовное дело. В 2016 году Верховным Судом Республики разработана и внедрена информационная система «Төрелік», автоматизированы процессы во всех судах.

В органах досудебного расследования решены ключевые вопросы внедрения системы е-УД: внесены изменения в уголовно-процессуальное законодательство, обеспечены техническое оснащение, увеличение каналов связи и информационная безопасность, обучение сотрудников.

Государственной программой «Цифровой Казахстан» и Стратегическим планом развития Республики Казахстан до 2025 года от 15 февраля 2018 года, правоохранительным и судебным органам поручено обеспечить поэтапный переход уголовных дел в электронный формат.

Преимущества «электронного уголовного дела» заключаются в следующем: процессуальная экономия времени, сокращение сроков расследования и получения электронных санкций, прозрачность уголовного процесса без фальсификации, минимизация рисков фальсификации и исключение утери уголовных дел. Доступ к уголовному делу в режиме онлайн, экономия финансов, актуальная статистика и системный ведомственный контроль и прокурорский надзор.

Позволю чуть подробнее остановиться на этих положениях.

В 2015 году была создана Информационная система «Единый реестр досудебных расследований (ИС ЕРДР) и завершен переход на электронную регистрацию всех заявлений о преступлениях в единой системе без передачи материалов в судебный орган.

Внедрена автоматизация судебного процесса: осуществляются электронный взаимообмен процессуальными документами по всем судебным инстанциям; прием электронного уголовного дела и его судебное рассмотрение; доступ к материалам дела участников процесса через судебный кабинет; формирование отчетности в электронном формате.

Этапы цифровизации уголовного судопроизводства в Казахстане предусматривают: автоматизацию стадии регистрации преступлений (ИС ЕРДР); автоматизацию стадии судебного рассмотрения (ИС «Төрелік»); автоматизацию стадии досудебного расследования и прокурорского надзора.

Электронный уголовный процесс включает: регистрацию преступлений; досудебное расследование; прокурорский надзор; судебное рассмотрение.

Минимизация рисков фальсификации: наличие рисков изъятия и подлога процессуальных документов из бумажного уголовного дела, риски минимизированы, след процессуальных документов остается в системе.

Исключение рисков утери уголовных дел: наличие рисков утери бумажных уголовных дел из-за «человеческого фактора», по электронным уголовным делам риски исключены, материалы хранятся в серверных оборудованьях.

Публичный сектор ЕРДР для участников уголовного процесса: подача заявления, ходатайства, жалобы в электронном виде и просмотр статуса по ним; доступ к материалам дела: ознакомление, просмотр, получение документов в любое время посредством интернета; мониторинг процесса ведения уголовного расследования, снижение рисков фальсификации; экономия времени за счет доступности услуг в онлайн режиме; объем необходимых материалов для предоставления участникам процесса, доступных в режиме online, следовательно определяет в соответствии с УПК.

Системный ведомственный контроль и прокурорский надзор обеспечивается за счет возможностей доступа к конкретному уголовному делу в режиме online у должностных лиц, закрепленных по зональному принципу от районного до республиканского уровня.

В настоящее время завершена интеграция ИС ЕРДР (Информационной системы «Единый реестр досудебных расследований») и ИС «Төрелік». Передача материалов электронного уголовного дела в суд и обратное получение судебного акта.

Информационная безопасность, защита от несанкционированных воздействий: доступ пользователя в систему через электронно-цифровую подпись, логин/пароль и отпечаток пальца (логин и пароль, ЭЦП, био-сканер). Функционал - «Журналирование событий».

Образцы шаблонов процессуальных документов: все шаблоны процессуальных документов согласованы с правоохранительными органами. Электронное подписание процессуальных документов с помощью графического планшета (стилус).

Доступ к государственным информационным базам данных и получение персональных сведений (судебная экспертиза, нарко-психо учет, СИО ПСО и т.д.). С помощью системы информационного обмена государственных, правоохранительных и иных органов (СИО ПСО) следователь в рамках расследования может получать сведения из более чем 89 баз данных госорганов.

Следователь имеет возможность направлять электронную повестку участникам процесса с помощью функционала SMS-повестка.

Предполагается внедрение опции: интеллектуальный помощник следователя, а также внедрение функционала аудио и видео фиксация с приобщением к Е-уголовному делу, а также интеграция ИС ЕРДР с ИС «Төрелік» в части передачи аудио и видео материалов.

Участник процесса имеет право подачи электронной жалобы в порядке статьи 105 УПК РК на действия следователя, дознавателя и прокурора.

Уважаемые друзья! Ключевым фактором усиления защиты прав граждан и их безопасности являются глубокие реформы судебной и правоохранительных систем.

Деятельность органов судебной и правоохранительной систем в данной сфере представляет важность, поскольку служит гарантом восстановления нарушенных прав и свобод. В этой связи является необходимым развитие вышеуказанных органов не только посредством совершенствования законодательной базы, но и путем принятия надлежащих институциональных мер.

Важно усилить государственную политику в сфере защиты прав человека. Для повышения качества реализации прав человека нужно разработать и поэтапно внедрить национальные индикаторы оценки соблюдения прав человека [4].

Как отмечал Глава государства Касым-Жомарт Токаев в своем Послании народу Казахстана от 1 сентября 2021 года: (цитирую) «Вы знаете, что сферу защиты прав человека я всегда выделяю отдельным блоком. За два последних года мы заметно продвинулись в этом направлении. В январе текущего года я подписал Закон о ратификации Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни. Теперь нам предстоит гармонизировать нормы Уголовного кодекса с положениями Второго Факультативного протокола. Соответствующий закон, надеюсь, будет принят до конца года. Серьезные изменения происходят в правоохранительной системе. С 1 июля 2021 года функционирует административная юстиция. Данный институт по-новому выстраивает взаимоотношения государственного аппарата и граждан. Внедряются современные форматы деятельности судов, сокращаются излишние судебные процедуры. На законодательном уровне обеспечена трактовка всех противоречий и неясностей законодательства в пользу граждан и бизнеса.

С внедрением трехзвенной модели усилилась защита участников уголовного процесса. С начала текущего года предотвращено необоснованное вовлечение в уголовную орбиту более двух тысяч граждан.

Все вышеуказанные меры являются составной частью нашего стратегического курса, направленного на совершенствование политической системы и защиту прав человека» (конец цитаты) [5].

Принятыми за последние годы законами в рамках модернизации процессуальных основ правоохранительной, судебной и адвокатской деятельности обеспечен баланс между обвинением и защитой, расширены полномочия защитника. Санкционирование всех следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан, а также негласные следственные действия осуществляются судом, сокращены сроки процессуального задержания с 72 до 48 часов, а для несовершеннолетних до 24 часов.

В стране с 2013 года действует Национальный превентивный механизм, против пыток, который на 90% состоит из представителей неправительственного сектора. Создан независимый механизм по предотвращению пыток, расширена категория дел, рассматриваемых с обязательным участием суда присяжных, обеспечивается применение гуманных актов к уязвимым категориям осужденных и их дальнейшей реинтеграции в общество.

Не менее важным в обеспечении прав граждан является принятие 10 января 2018 года Закона «О фонде компенсации потерпевшим», определившим основы выплаты денежной компенсации потерпевшим от пыток.

С момента ратификации Казахстаном Конвенции против пыток в стране принят ряд действенных мер. В частности, имплементированы основные элементы международных актов в национальное законодательство, пытки выделены в отдельную статью (статья 146 УК), введена альтернативная подследственность при расследовании дел данной категории, ужесточена уголовная ответственность, внедрены институты независимого мониторинга. Приняты соответствующие поправки в уголовное законодательство о новых шагах по повышению эффективности превенции пыток. В нем введен запрет на освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших пытки, в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, а также другие. С целью профилактики пыток продолжается оснащение колоний видеокамерами. Ключевым вопросом противодействия пыткам в закрытых учреждениях является обеспечение прозрачности их работы и «права заявить» о пытках.

Одним из основных прав осужденных, закрепленных законодательно, является получение квалифицированной юридической помощи в виде консультаций, справок, составления документов правового характера, а также в иных формах в порядке, установленном законами Республики Казахстан (ст.10 УИК).

В целях укрепления семейных связей, их дальнейшей ресоциализации, осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка учреждений, в соответствии с частью 2 статьи 113 УИК разрешается краткосрочный выезд за пределы учреждения для устройства детей у родственников либо в детском доме на срок до семи суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно, а осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей -

инвалидов вне учреждения, - один краткосрочный выезд в год для свидания с ним на тот же срок.

Проблемы освободившегося из мест лишения свободы гражданина, прежде всего, психологического плана, социального и трудового устройства, правового и медицинского характера, не дают ему возможности быстро адаптироваться на свободе, стать полноценным членом общества. Возникает необходимость адаптационного переходного периода для осужденного перед полным освобождением, разработки и внедрения механизмов мотивации подучетного гражданина к правопослушному поведению, включающих его участие в реабилитационных программах и профилактических мероприятиях.

Реабилитация несовершеннолетних осужденных требует более тщательного социально-психологического сопровождения и контроля, включающего проверку условий проживания несовершеннолетнего в семье до осуждения, оценку возможности его адаптации.

В целях повышения эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказания помощи администрации учреждения созданы попечительские советы, родительские комитеты из числа родителей и других близких родственников осужденных.

В работе с несовершеннолетними осужденными принимают участие многие организации, учебные заведения, общественные объединения, религиозные конфессии и неправительственные организации.

В Казахстане действуют национальные механизмы по правам человека, которые также разрабатывают доклады и представляют рекомендации, направленные на поощрение и защиту прав человека. Системообразующим элементом которой является Комиссия по правам человека при Президенте страны и институт Уполномоченным по правам человека, приведенных в полное соответствие с Парижскими принципами, повышен его конституционный статус.

Утвержден институт Уполномоченного по правам ребенка. Назначены Уполномоченный по правам предпринимателей, Инвестиционный омбудсмен, Банковский омбудсмен и Страховой омбудсмен и т.д.

В то же время современные вызовы и амбициозные задачи, стоящие перед Казахстаном, обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования действующей системы права с учетом обеспечения преемственности основных направлений и ключевых проектов предыдущего документа [6].

Уважаемые друзья! В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года определены основные направления правовой политики государства на ближайшее десятилетие.

Стремление Казахстана приблизиться к уровню обеспеченности соблюдения прав человека и его законных интересов в странах ОЭСЭР в сфере уголовно-процессуальной деятельности требует продолжения взятого стратегического курса по дальнейшему реформированию правоохранительной и судебной систем с поэтапным внедрением трехзвенной модели уголовного процесса с разграничением полномочий между органами досудебного расследования, прокуратурой и судом, а также упрощению и сокращению форм уголовного судопроизводства.

Для его успешности требуется решить следующие задачи:

- продолжение развития принципа состязательности и равноправия сторон путем максимального обеспечения доступа граждан к правосудию, а также исключение обвинительного уклона;
- расширение и усиление полномочий стороны защиты в сборе фактических данных, имеющих значение для уголовного дела;
- усиление механизмов, направленных на обеспечение и неукоснительное соблюдение конституционных принципов презумпции невиновности и обеспечение неприкосновенности частной жизни;
- оптимизация и упрощение процедур в досудебном производстве в целях сокращения формализованных порядков принятия процессуальных решений;
- продолжение процесса внедрения информационных и цифровых технологий в уголовный процесс, в том числе цифровизация списков присяжных заседателей и другие меры.

Требует продолжения работа по модернизации судебной системы по следующим направлениям:

- дальнейшая специализация судов;
- изменение процедуры вынесения дел в кассационную инстанцию;
- объединение судов первой инстанции в городах.

Система подбора и продвижения кадров будет ориентирована на дальнейшее совершенствование с учетом цифровизации:

- процедур квалификационного экзамена для кандидатов в судьи;
- механизмов конкурсного отбора судей;
- порядка формирования кадрового резерва на судейские должности;
- расширение участия общественности в процессе тестирования кандидатов на должности судей в целях повышения уровня общественного доверия к судебной системе и т.д.[7].

Уважаемые участники форума, несомненно, применение и внедрение международных стандартов в области права на свободу от пыток, позволит добиться эффективных изменений в искоренении этого преступления, как системного явления. Это повысит доверие населения к правоохранительным органам и позволит получить поддержку в решении задач уголовного правосудия.

В завершение своего выступления, хотелось подчеркнуть, что Казахстан придает особое внимание вопросу полноценного функционирования правозащитных институтов, мы готовы к дальнейшему развитию конструктивного сотрудничества со всеми правозащитными международными организациями и это наш осознанный и последовательный курс в этом благородном деле.

Список использованных источников:

1. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» от 1 сентября 2020 года (г.Нур-Султан, 1 сентября 2020 года). [Электронный ресурс]. – С. 19. - Режим доступа // ИС «Юрист-Параграф»//. [www.http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).

2. Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 [Электронный ресурс]. – С. 3, 11, 22, 26. - Режим доступа // ИС «Юрист-Параграф» // [www.http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).

3. Статья главы Государства - Елбасы Н.А. Назарбаева «План нации - путь к казахстанской мечте». - 2016. - 6 января. [Электронный ресурс]. – С.6.- Режим доступа // www.akorda.kz.

4. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева народу Казахстана «Единство народа и системные реформы-прочная основа процветания страны» (г. Нур-Султан, 1 сентября 2021 года). [Электронный ресурс]. - С. 11-12. - Режим доступа - // ИС «Юрист-Параграф»// [www.http://online.zakon.kz](http://online.zakon.kz).

**Брянцева Ольга
Владимировна,**
к.ф-м.н., доцент кафедры
информационного права и
цифровых технологий
Саратовской государственной
юридической академии

ДОСТУПНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ И В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ²

В судопроизводстве используются различные информационные технологии. В разных странах создается единое информационное пространство в области судопроизводства. Практически во всех странах используются судебные информационные системы. В перспективе планируется переход полностью на цифровые технологии, включая искусственный интеллект, блокчейн и другие передовые технологии. В идеале электронное или цифровое правосудие должно обеспечить его доступность и открытость. Но не всегда это получается. Основные проблемы, возникающие с внедрением информационных технологий, это неготовность как общества, так и инфраструктуры для повсеместного внедрения цифровых технологий.

В России также ведутся работы по созданию единого цифрового пространства, оно включает в себя государственные автоматизированные системы для подачи исковых заявлений в электронном виде (ГАС «Правосудие» для судов общей юрисдикции и «Мой Арбитр» для арбитражных судов), дистанционное участие в судебных заседаниях, аудиопротоколирование, видеофиксацию, создается суперсервис «Правосудие онлайн», что позволит в дистанционной форме реализовать все процессуальные действия. Использование различных стандартных форм, справочников, калькуляторов государственной пошлины, систем распознавания текста,

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

автоматизация определения подсудности позволит сделать судопроизводство более доступным.

На совещании председателей верховных судов государств – членов ШОС 24 сентября 2021 года глава ВС РФ Вячеслав Лебедев рассказал о внедрении цифровых технологий в суды в условиях пандемии, в частности он отметил о положительном опыте реализации в отдельных регионах пилотных проектов по взаимодействию граждан с судами посредством многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) по принципу «одного окна». Это повышает доступность правосудия. А результаты эксперимента показали его эффективность. Предложения о нормативно-правовом закреплении такой возможности подачи и получения документов из судов через МФЦ направлено в кабинет министров [1].

Для ускоренного внедрения цифровых технологий в социальную сферу и экономику разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7, состоящая из семи проектов [2].

В федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» обозначены законы, которые необходимо принять. Среди них есть законы, которые непосредственно связаны с электронным правосудием. Это законы об унификации правил подачи документов в суд в электронной форме, о допустимости электронных доказательств и закон, регулирующий вопросы дистанционного участия в судебных заседаниях [3].

Предполагается обеспечить доступ к автоматизированным системам через портал госуслуг, создав на портале личный кабинет участника судебного процесса, и сделать использование веб-конференций станет таким же способом участия в судебном заседании, как и видео-конференц-связь. Дискутируется вопрос о системе идентификации личности – Единая система идентификации и аутентификации или Единая биометрическая система.

В декабре 2019 года Советом судей РФ одобрена новая Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы [4].

Основное, на что направлена эта концепция, – это доступность, открытость, гласность судопроизводства, что должно повысить доверие к судебной системе. Внедрение в процесс судопроизводства информационных технологий предполагает совершенствование государственных автоматизированных систем, повышение эффективности функционирования сайтов судов, способов хранения, распространения и доступа к информации. Для всего этого требуется технологическое переоснащение судов, обучение судейских работников, содержание штата технических работников. Но для этого должен быть запрос общества, общество должно понимать необходимость информатизации судопроизводства, для этого, конечно, необходима популяризация знаний для населения и не только в области права, но и в области цифровизации и информационных технологий.

Развитие электронного правосудия по своей сути должно обеспечивать информационную доступность, открытость, достоверность информации и оперативность ее предоставления. Это невозможно осуществить без

обеспечения информационной безопасности хранения данных, защиты персональных данных, невмешательства в осуществление правосудия.

Развитие электронного правосудия в России (и не только) – это веление времени. Стремительными темпами развивается электронная коммерция, которая не имеет границ, но очень часто требуется защита прав граждан. Участники правоотношений могут находиться достаточно далеко друг от друга, в разных юрисдикциях, но возникающие вопросы должны быть решены в разумное время с наименьшими материальными затратами. При взаимодействии различных коммерческих организаций часто возникает необходимость их проверки, в частности получение информации об их судебных делах.

Развитие электронного правосудия тормозится по многим причинам. Это и консервативность судебной системы, и слабая оптимизация технологических процессов, при которой вроде бы и внедрены цифровые платформы, но по-прежнему идет дублирование на бумажных носителях.

Еще одной из проблем доступа к электронному правосудию является цифровое неравенство в широком понимании этого выражения.

Одно из пониманий цифрового неравенства – это невозможность воспользоваться электронными услугами из-за отсутствия мобильной связи и Интернета. В связи с огромной территорией России эта проблема достаточно актуальна. В рамках проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика» в апреле 2021 года начался второй этап устранения такого цифрового неравенства. В 2021 году мобильная связь стандарта 4G/LTE должна появиться в 1198 населенных пунктах численностью от 100 до 500 человек. Базовые станции будут подключаться с помощью волоконно-оптических линий связи, трудности могут возникнуть из-за географических или климатических условий. К 2030 году мобильная связь и Интернет будут доступны более чем в 24 тыс. населенных пунктах России [5].

Кроме федерального проекта «Информационная инфраструктура» реализуются региональные проекты. Так в Санкт-Петербурге главная задача регионального проекта – это обеспечение как населения, так и социально значимых объектов возможностью доступа к цифровым услугам, для этого создается и развивается Единая мультисервисная телекоммуникационная сеть исполнительных органов государственной власти Санкт Петербурга [6].

В региональном проекте «Информационная инфраструктура» Республики Татарстан прямо значится – устранение цифрового неравенства. Определяются населенные пункты, в которых необходимо обеспечить связь, рассматриваются различные финансовые модели строительства объектов связи.

Цифровое неравенство сказывается не только в отсутствии у ряда граждан принципиальной возможности использовать новые технологии, но и в разном уровне правовой и цифровой грамотности населения. В результате граждане не могут воспользоваться всеми возможностями электронного правосудия, но, что еще важнее, противостоять телефонному и интернет-мошенничеству, причем страдают социально незащищенные категории населения.

Юридическая грамотность населения остается на низком уровне. Массовой работы в этом направлении не ведется. Цифровизация судопроизводства

сыграет свою роль в доступности правосудия только при повышении грамотности населения. Возможно, с возрождением в 2021 году деятельности общества «Знание», что-то изменится в лучшую сторону. Но здесь еще должно быть и желание граждан повышать свою юридическую и информационную грамотность. Необходимо регулярно проводить мероприятия по повышению информационной и правовой грамотности, обучать навыкам информационной безопасности, даже если на первый взгляд это не сильно меняет ситуацию [7].

В качестве примера приведем рассмотрение дела о защите чести, достоинства, деловой репутации. Ново-Савиновский районный суд г. Казани Республики Татарстан рассмотрел иск Х* к Л* о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда. Л* с помощью своих аккаунтов в социальной сети Instagram, находящихся в открытом доступе в сети «Интернет», распространил сведения, не соответствующие действительности и порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца. Количество граждан, которые ознакомились с этой информацией неизвестно, но предполагается, что их было более 200. Также на своих аккаунтах ответчиком была опубликована ссылка на письмо, своим содержанием порочащее честь, достоинство и деловую репутацию истца. Оба аккаунта находились в открытом доступе в сети «Интернет» и не являлись приватными. Действия ответчика носили систематический характер и на момент подачи искового заявления также не были прекращены.

Факт распространения данной информации был подтвержден скриншотами профилей ответчика из социальной сети Instagram, приложенных к исковому заявлению, скриншотом сообщения от аккаунта ответчика с указанием на ссылку с вышеуказанным письмом, свидетельскими показаниями, перепиской в мессенджере WhatsApp с ответчиком, в которой прямо указывалось намерение ответчика опорочить честь, достоинство и деловую репутацию. Казалось, что здесь все ясно и нет никаких сомнений. Но скриншоты были сделаны до первого судебного разбирательства. Истец, оспаривающий порочащую его информацию, не воспользовался такой обеспечительной мерой, как удостоверение ее содержания у нотариуса в соответствии со статьей 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Это позволило бы оперативно сохранить информацию, которая могла быть в любой момент удалена автором. Что и сделал ответчик после первого заседания – удалил эти аккаунты, как он объяснил – за ненадобностью. Суд посчитал, что истцом не доказан факт распространения ответчиком сведений об истце, не соответствующих действительности и носящих порочащий характер, а также распространение персональных данных истца, и в удовлетворении отказал [8].

Таким образом, еще раз подтверждается факт, что отсутствие цифровой и правовой грамотности не позволяет защитить свои права в условиях интенсивного развития и применения информационных технологий.

Электронное судопроизводство развивается во всех странах [9]. Так в Беларуси существует единая автоматизированная система судов общей юрисдикции, действуют электронные сервисы, помогающие подавать в суд электронные документы, разрабатывается концепция единого электронного

дела. На Украине доступ к системе «Электронный суд» можно получить через электронный кабинет, зарегистрировавшись с помощью ключа с электронной цифровой подписью. Можно проводить видеоконференции, но материалов в виде электронного дела нет [10].

В судах Казахстана функционирует единая автоматизированная информационно-аналитическая система «Төрелік», включающая в себя сервис «Судебный кабинет», систему аудио- и видеофиксации, электронный архив судебных документов, внутренний портал, кадровую систему, интернет-ресурсы судов (на интернет-порталах судов действуют сервисы: «Ознакомление с судебными документами», «Список слушаний дел», «Электронная судебная повестка», «Судебный кабинет»), Call-центр, ознакомление с судебными документами и систему оповещения участников судебного процесса посредством отправки SMS-сообщений и электронной почты [11]. Для широкого использования всех новых возможностей в судах и населением проводятся обучения и разъяснительная работа. Интересен опыт использования Call-центра, который представляет собой единый контактный центр судебных органов с бесплатным звонком на короткий номер 1401 для получения различных консультаций. Такая возможность повышает доступность правосудия. Для рассылки судебных повесток используется так называемая гибридная электронная почта. Судебная повестка направляется в почтовое отделение в электронном виде, где она распечатывается, помещается в конверт и доставляется адресату, в АИАС «Төрелік» в электронном виде направляется информация о доставке или невозможности доставки.

Единым окном доступа к онлайн сервисам и услугам судебных органов является сервис «Судебный кабинет». Есть мобильное приложение к сервису, что делает использование этого сервиса более удобным и доступным.

Для граждан, не имеющих доступа к интернету, в центрах обслуживания населения организованы специально оборудованные места, где гражданам оказывается помощь при подаче электронных заявлений через сервис, что снижает негативное влияние цифрового неравенства. Это аналогично инициативе принимать документы через многофункциональные центры в России [12].

Очень развито электронное правосудие в Сингапуре. Разработанная там интегрированной электронной судебной системы (iELS) или eLitigation (eLit) является переходом от электронной подачи документа к системе электронного судопроизводства. Использование электронных форм, онлайн взаимодействие между юридическими фирмами и клиентами через онлайн файлы дел позволяет ускорить судебный процесс. Для аутентификации используется пароль для доступа к сайтам государственных услуг SingPass, что дает некоторую мобильность, так как не нужно никакого физического устройства.

Разработано мобильное приложение SG Courts, что делает доступ к файлам дел, к календарю судебных заседаний и т.п. более удобным и безопасным [13].

Судебные документы с 2016 года в Сингапуре могут передаваться ответчику через Facebook, Skype или интернет-форумы, а также мессенджеры, связанные с номерами телефонов (WhatsApp, Viber и др.) [14].

Онлайн сервисные платформы для электронной подачи исков созданы в Китае. Китайские суды начали использовать технологии искусственного интеллекта для принятия решений по судебным делам, касающимся электронной коммерции и авторских прав. Обычно такие суды проводятся на специальной платформе онлайн через мессенджер WeChat. Также Интернет-суд в Китае начал использовать блокчейн для регистрации авторских прав и борьбы с плагиатом. Планируется использовать блокчейн для управления юридическими операциями, упрощения документооборота, децентрализованного обмена информацией. С сентября 2018 года в соответствии с постановлением Верховного народного суда Китая, блокчейн юридически признается для аутентификации доказательств во время судебных разбирательств [15].

В США электронное правосудие представлено системами открытого доступа к судебным электронным записям Public Access to Court Electronic Records (PACER) и Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF) для подачи документов в суды [16]. Дополнительная плата, связанная с системой CM/ECF, не взимается, но вот публичный доступ к судебным электронным записям (PACER) – услуга платная. Для доступа к этой системе необходима бесплатная регистрация, тогда можно следить за рассмотрением дел, принятыми заявлениями, календарем заседаний. Доступ к информации по делу стоит \$0.10 за страницу. Стоимость доступа к одному документу ограничена \$3.00, что эквивалентно 30 страницам. Для большей доступности электронного правосудия с 1 января 2020 года сборы не взимаются, если использование не превышает \$30 в квартал, до этого было \$15.

В странах Европы электронное правосудие развивается по-разному, но везде обращается внимание на его доступность. Свою точку зрения на электронное правосудие Европейский союз обозначил на портале электронного правосудия [17]. Электронное правосудие, использование информационных технологий призвано обеспечить более широкий доступ граждан к правосудию, облегчить саму процедуру, что должно привести к эффективному решению спорных вопросов.

Таким образом, можем сделать вывод, что развитие электронного правосудия не остановить, во всех странах оно развивается по-разному, но во главу угла ставится соблюдение прав человека к доступу к правосудию. Для этого необходимо менять законодательство, развивать информационную инфраструктуру, повышать грамотность населения, как информационную, так и правовую.

Список использованных источников:

1. Глава ВС РФ рассказал о цифровой трансформации российского правосудия. URL: <https://legal.report/glava-vs-rf-rasskazal-o-czifrovoj-transformaczii-rossijskogo-pravosudiya/> (Дата обращения 1.12.2021).
2. Цифровая экономика РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (Дата обращения 1.12.2021).

3. Мария Шувалова Электронное правосудие в России: новый этап. <https://www.garant.ru/article/1416765/> (Дата обращения 1.12.2021).
4. Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). URL: <http://www.ssrp.ru> (Дата обращения 30.06.2021).
5. В России начался второй этап устранения цифрового неравенства. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40814/> (Дата обращения 1.12.2021).
6. Администрация Санкт-Петербурга. Официальный сайт. Информационная инфраструктура. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov-national-projects/36/> (Дата обращения 1.10.2021).
7. До 1 августа СПЧ должен представить проект концепции по обеспечению прав человека в цифровом пространстве. URL: <http://www.garant.ru/news/1449095/> (Дата обращения 1.10.2021).
8. Судебные и нормативные акты РФ. Решение № 2-2274/2020 2-2274/2020~М-1600/2020 М-1600/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2274/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (Дата обращения 1.10.2021).
9. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – № 6. – С. 36-47.
10. Марина Ходосок Электронное правосудие в странах мира. URL: <https://ilex.by/news/elektronnoe-pravosudie-v-stranah-mira/> (Дата обращения 1.12.2021).
11. Информационные технологии в судах Республики Казахстан. URL: <https://www.zakon.kz/4861875-informacionnye-tekhnologii-v-sudakh.html> (дата обращения 25.09.21).
12. Брянцева О.В. Зарубежный опыт использования электронного правосудия (страны Азии) // На пути к цифровому обществу: правовые основы совершенствования системы государственного управления в ракурсе «Восток vs Запад»: сборник материалов Всероссийской научно-практической он-лайн конференции, г. Киров, 15 октября 2020 года. – Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2020. – 151 с.
13. eLitigation URL: https://www.elitigation.sg/_layouts/IELS/HomePage/Pages/Home.aspx (Дата обращения 1.12.2021).
14. Оффшор Сингапур расширяет спектр использования новых технологий в судебном производстве. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-legislation-acts/singapore-and-unique-electronic-courts-of-justice/> (Дата обращения 20.09.21).
15. Китайские «умные суды» используют блокчейн и ИИ для урегулирования споров. URL: <https://bits.media/kitayskie-umnye-sudy-ispolzuyut-blokcheyn-i-ii-dlya-uregulirovaniya-sporov/> (Дата обращения 25.09.21).
16. Case Management/Electronic Case Files. URL: <https://www.pacer.gov/cmecf/> (Дата обращения 1.10.2021).
18. Портал электронного правосудия стран Европейского союза. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/european-e-justice/index_en.htm (Дата обращения 1.11.2021).

Поворова Елена Александровна,
младший научный сотрудник
отдела судебной практики и
правоприменения
Института законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве Российской
Федерации,
заместитель главного редактора
редакции журнала «Судья»

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Термин «медиатизация» появился в последнем десятилетии XX века. Он широко используется журналистами, политиками, социологами, да просто прочно вошел в смысловое пространство современного социума. Медиатизация реальности – это теория, утверждающая, что медиа влияют на властные и политические процессы, а также влияют на общество где данные процессы протекают.

Впервые в научный оборот «медиатизация» была введена английским социологом и исследователем Дж.Б. Томпсоном [1], который отметил, что данное понятие выделяет роль медиа как институционально организованных структур, передающих не просто информацию, а элементы самой культуры, которые призваны формировать современное общество. Тенденция развития культуры коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации вовлекла все властные и общественные структуры в новый формат медийной реальности и судебная власть не стала исключением.

Медиатизация судебной власти – это сложный социальный процесс формирования общественного медиамнения касательного конкретных судебных дел, или событий, происходящих в судебной власти и затрагивающих интересы общества в целом и конкретно права и обязанности граждан.

В процессе медиатизации судебной власти выявляется та функция судов, которая возможно станет одной из основных в правовом обществе – погружение человека в информационный поток, формирующей его правовое сознание и правовую культуру.

О правосудии и медиатизации написана отдельная глава в книге «Суд и государство», вышедшая в свет под редакторством профессора МГУ Леонида Витальевича Головки [2]: «средства массовой информации играют большую роль в повседневной жизни, поэтому освещение судебных событий оказывает непосредственное воздействие не только на имидж правосудия, но подчас и на его осуществление». Преобразованная СМИ информация формирует общественное мнение. Будучи интерпретатором информации, медиа выступают не только как источник, но и становятся субъектом информации, поскольку отбирают и передают, трансформируют в контексте значимые новости судебной системы. Так было и пока реализуется в настоящее время.

Как представляется, ситуация должна измениться с тем, что бы суды и судебная власть в целом сама была не только источником, но и субъектом, интерпертатором, создателем контекста информационного потока. Судебная власть, как носитель информативной функции, может являться участником медиадискурса: создателем и транслятором не только новостей, но и позитивных правовых идеологием – правовых установок предписывающих аудитории определенное видение мира, правового образа мыслей и поведения.

Социальные государства XX века, сформировавшиеся как ответ на вызовы индустриализации, социальных и экономических потрясений начала прошлого века, заложили основу взглядов на гражданские права, значение судебной власти и роль государства в целом. Однако события последних месяцев показали новые риски и потребности современного общества.

Медиатизация трансформирует ресурс судебной власти, выделяя новое важное и необходимое качество – информационное, воздействующее на правовую культуру и сознание общества. Ни один институт современного государства не обладает такой уникальной возможностью формирования правовой идеологии, правовой культуры, правового сознания, воздействуя непосредственно на участников процесса и на неограниченный круг лиц благодаря выносимым решениям, создания прецедентной системы судебной практики и создаваемым правовым позициям Пленумами и обзорами Верховного Суда РФ и Конституционного Суда России. Но для реализации этой возможности важны действенные шаги со стороны судебной власти. Доступность судебной защиты выражается еще и в доступности понимания действий суда.

Аргументация судебных актов, ход мысли судьи, выраженный в мотивировочной части решения становится одинаково важным наряду с резолютивной частью вынесенного решения. На формирование правосознания особое воздействие имеет именно аргументация, показанный судьей выбор при принятии решения. С точки зрения исследователя доктрины аргументации судебных решений Х.И. Гаджиева «... сила воздействия права зависит от аргументации. Решение должно быть понятным как сторонам процесса, так и публике, которая оценивает по нему свершилось ли правосудие. Аргументация отражает облик правосудия в стране и показывает мировоззрение судьи, уровень его правопонимания и видения общего социального контекста» [3].

В медийном обществе текст становится основой общения, восприятия и выражения. А это требует новых подходов в работе со словом и текстом как от самих судей, так и от пресс-секретарей. Эффективность информации, информационного сообщения определяется ее качеством, зависящим от выбора языковых средств, помогающих доступно передать заложенный автором смысл. Размещение текста в медиaprостранстве предполагает эффект бумеранга, когда будучи «брошенным» в интернет-среду, сообщение обрстет множеством откликов в различной форме и различной эмоциональной окрашенности.

Связанность, цельность и своевременность судебной информации дает не меньший «правоприменительный» эффект, чем сам судебный акт, о котором дается сообщение. Для восприятия информации потенциальной аудиторией важен такой компонент как заголовок публикации. Его содержательную и

структурную нагрузку для сетевых текстов нельзя недооценивать. Выстраивание медийного пространства судебной власти начинается с умения оперативно работать с текстом и заголовком. В том числе с тем чтобы использовать «мягкую цензуру» в виде вытеснения одной новости другой.

Завершенный в октябре 2021 года конкурс, проведенный изданием «Судья» среди пресс-секретарей и журналистов показал с одной стороны большую вовлеченность сотрудников пресс-служб в работу с судебной информацией и взаимодействие с медиасферой в целом.

Доверие к судебной власти тесно связано с такими характеристиками, как демонстрация общих с гражданами ценностей. Общие ценности разделяемые и носителями судебной власти и гражданами снижают конфликтность в медиaprостранстве, в обсуждениях и диалоге общества в целом с властью. А доверие со стороны граждан будет выражено в том числе и в одобрении, в ощущении того, что моральный долг требует у них подчиниться судебной власти. Такая поддержка общих ценностей и одобрение обществом особенно важна судебной власти.

Надо отметить и еще один аспект медиатизации судебной власти. Он касается формирования кадрового судейского корпуса. Поскольку посредством медиатизации судебной власти формируется правовая среда и правовое сознание тех, кто только планирует войти и уже составляет кадровый судейский корпус. «Альфа» и «омега» судебной власти реализуется теми, кто содержит в себе правовую культуру, транслируемую предыдущими поколениями судей с учетом общего информационного состояния в обществе. И здесь опять надо упомянуть роль аргументации судебных решений, размещаемых и обсуждаемых в публичном пространстве.

Судебная практика оказывает значительное влияние на жизнь сообщества, по сути, давая возможность правовой социализации граждан и выстраивая границы взаимоотношений властных, в том числе государственных структур. В силу универсальности судебной практики можно говорить об участии судебной власти в созидании национальной модели правовой социализации через медиатизацию. Кандидаты на должности судей, обладая необходимым уровнем знаний и профессиональных навыков, должны понимать значение контекстуальности каждого судебного решения и его влияния на социальную жизнь в целом. Для чего необходима совокупность качеств - умения видеть спорную ситуацию с возможными последствиями ее решения вкупе с пониманием разумных ожиданий сторон и блага общества, что выдвигает особые требования к правопониманию осуществляющих правосудие.

Безусловно, можно говорить и об особенностях медиатизации судебной власти и общества на сегодняшнем этапе, которая заключается в кризисе этики и права европейской цивилизации. Изменения в социально-культурных процессах, утрата правовыми европейскими ценностями доминантного значения для меняющегося состава населения с учетом сильных миграционных процессов, выводят на первый план значение деятельности судов, судебной практики как возможный объединяющий фактор для населения обладающим различным этическим и религиозным осознанием действительности.

Правосознание и правовая культура в медийной плоскости обретают новое объединяющее значение, которое позволило бы избежать случаев подобно недавно произошедшему с отрезанием головы профессора истории юношей чеченского происхождения. Причиной послужило продемонстрированные учащимся на уроке свободы слова антиисламские карикатуры из Шарли Эбдо.

По мнению Питирима Сорокина, видевшего в обществе потребления разрушение этических и правовых ценностей, «если суть моральных и правовых норм сводится к полезности и к чувственному наслаждению, то каждый вправе следовать этим ценностям *adlibidum*. Так как полезность и удовольствие разнятся у отдельных людей и народов, то и следуют они им как пожелают, достигают их средствами, имеющимся в их распоряжении» [4].

Единым моральным кодексом могла бы стать, например, Конвенция о правах человека, практика применения которой ЕСПЧ и национальными судами стала бы посредством трансляции правовых позиций, обсуждения аргументации судебных решений через разнообразные СМИ, гомогенным прессингом общественного мнения, что в итоге и могло бы сформировать единые нравственные чувства и убеждения, единую правовую культуру с допустимыми моделями поведения, включая уважение к суду.

Правовая культура включает не только духовное, но и практическое освоение права. Она показывает степень и характер правового развития личности, обеспечивает личности правовую активность. Во взаимоотношении с судебной властью это будет отражаться в проявлении уважения к суду и осуществления корректного общественного контроля за деятельностью судебной власти.

Активное включение собственно судебной власти в медиатизацию может корректировать формирование мнения по тому или иному вопросу в ближайшей перспективе и в дальнейшей - воздействовать на этические и правовые установки в культуре поведения и сознании индивидов.

Список использованных источников:

1. Thompson J. В. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. 1995.
2. Суд и государство. Под ред. Л.В. Головки и Б.Матвеева. М., 2018. С. 265
3. Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения// Журнал Российского права. 2020. N 9.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. 1992. С. 501.

**Бурбаев Тулеугали
Кайыржанович,**
д.ф.н., профессор Научно-
образовательного центра
государственно-правовых
дисциплин Академии
правосудия при Верховном Суде
Республики Казахстан

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье, речь пойдет об этике информационного общества, обсуждаются последствия информационных технологий для нравственного мира человека и анализируются проблемы нравственной безопасности человека.

В современной научной литературе чаще можно встретить такие словосочетания, как «информационная этика», «компьютерная этика», «цифровая этика», «киберэтика» и т.д. Появляется огромное количество научных статей и исследований, изучающие проблемы этики и применение ее нормы в информационном обществе. Особое внимание уделяются вопросам обеспечения прав и свобод человека и разработки Кодексом этики для информационного общества. Например, в ходе своей 18-й сессии, состоявшейся в феврале 2011г., Президиум Межправительственного совета программы ЮНЕСКО «Информация для всех», (ПИДВ) рассмотрел Кодекс этики для информационного общества. В нем, частности сказано, что все государства-члены должны соблюдать в полном объеме прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и в других общепризнанных правовых актах [1].

Одним словом, осмысление проблемы этики и функционирование ее нормы в информационном обществе становится приоритетной задачей современного научного исследования. Во многих работах этика информационного общества представлена, как форма прикладной этики и, одновременно, как модель для новой стадии развития этики. Подобную точку зрения относительно роли прикладной этики выделяют многие специалисты. Так, согласно А.А. Гусейнову и Р.Г. Апресяну, прикладная этика «может быть интерпретирована, как новая стадия развития этики, характеризующаяся тем, что теория морали прямо смыкается с нравственной практикой общества» [2].

Другие, прикладную этику рассматривают, как новый этап эволюции этики, как науки учитывающей специфику человека XXI века [3]. Л. Флориди информационную этику оценивает с моральной точки зрения, и обращает свое внимание на внутреннюю ценности информации [4] и т.д.

Или, когда мы говорим о тенденциях изменения морали в информационном обществе, вспоминаем известную работу Э. Тоффлера «Третья волна» или известную концепцию «глобальной деревни» М. Маклюэна, где осуществляется анализ влияния науки и техники, информационной технологии и коммуникации на жизнь людей. В них находим

интересные ответы на вопросы, которые связаны с изменением духовного мира человека, с его мировоззренческими установками и ценностными ориентациями [5].

Также, можно найти работы, где авторы предостерегают о нежелательности абсолютизации рационального начала в жизни человека. Например, И.А. Негодаев отмечает, что «раннее приобщение ребенка к миру рационального, логического может лишить его эмоции, сопереживания другому человеку» [6].

Или же, можно встретить работы, где исследуются непосредственное влияние информационной и цифровой технологии на поведение человека, порождающие моральные риски. Здесь особое место отводится киберэтике. Её автором считают профессора Массачусетского Технологического Университета Норберта Винера, где он обращает свое внимание на гуманитарно-этическую направленность киберэтики, и начинает трактовать ее, как особый вид профессиональной этики. В то же время для него субъектность моральных норм, т.е. кто, является моральным агентом, кому адресованы моральные нормы, и кто является их носителем до конца остается не раскрытым.

За последние десятилетия произошел бурный рост информационных и цифровых технологий, развиваются искусственные интеллекты, которые способны заменить отдельные виды человеческой деятельности и профессии. Плоды искусственного интеллекта начинают проникать в сферу обучения и воспитания, образования, медицины, даже в судопроизводство. Конечно, пока речь не идет о замене их в полном объеме, и вряд ли такое возможно в ближайшем будущем. Однако, присутствие искусственного интеллекта в нашей жизни требует переосмысления не только содержания отдельных видов профессии, но и этических норм, которые зафиксированы в этических кодексах. Речь идет, прежде всего, о том, настолько эффективно будут работать морально-нравственные принципы, который заложены на основу этических кодексов. Например, в «Этическом кодексе Судьи РК» в качестве основных принципов судейской этики указаны следующие принципы: независимость, объективность, обеспечение равенства сторон, участвующих в процессе, добросовестность, ответственность, справедливость и т.д. Соблюдение этих принципов является главным условием отправления правосудия, законности и справедливости принятых судебных актов. Теперь в условиях искусственного интеллекта, кому будут обращены, и на кого будет возлагаться ответственность их выполнения, кто и как будут соблюдать эти этические нормы остается дискуссионным, я бы сказал вопросом открытым. Поскольку в условиях цифровой технологии и коммуникации найти субъектности моральных норм представляется просто невозможным. По мнению В.Ю. Перова «В данном случае речь идёт о том, что при анализе киберэтики в ракурсе профессиональной этики обнаруживается субъектная неопределенность ее моральной агентности, т.е. возникают затруднения при попытке зафиксировать, кому именно обращена формирующаяся моральная нормативность, кто предполагается ее носителем и исполнителем, на кого возлагается обязанность решать возникающие моральные проблемы. Данное обстоятельство очень существенно, поскольку оно стало основанием для практически

хрестоматийного различения проводимое между «общей» и профессиональной нравственностью. Нормы первой понимаются как а) адресованные ко всем, б) у них нет специального социального института в качестве источника и в) формальной фиксации в каком-то документе. Положения профессиональной этики имеют а) четкую адресность/ субъектность/ агентность (это всегда чья-то этика: судьи, адвоката, журналиста и т.д.), б) имеют источник установления (чаще всего это структуры профессиональных союзов, объединений и ассоциаций) и в) формальное закрепление (этический кодекс)» [7].

Таким образом, можно заключить, что цифровая технология и искусственные интеллекты в условиях информационного общества имеют определенные ограничения в сфере профессиональной этики. Если, это касается судебной деятельности, то возникает ряд этических ограничений, связанные с реализацией принципов справедливости, честности и беспристрастности в судопроизводстве и т. д.

Также, бурно обсуждается вопрос об этических ограничениях, которые могут быть заложены в искусственные интеллектуальные системы при программировании. Например, А.В. Разин спрашивает «... кто отвечает за действия искусственного интеллекта – разработчики программ, этические комиссии, разрешающие его использование, сам интеллект, если учесть возможность его научения, и каковы формы такой ответственности, могут ли сами эти формы быть заложены в программу совершенствования искусственного интеллекта. Вопрос об ошибке особенно актуален применительно к таким роботам, которым будет дано прямое право на применение насилия».[8].

Безусловно, вопрос очень серьезный, здесь нет однозначного ответа. Однако, по нашему мнению, слово «ответственность», как нравственное и правовое понятие применимо только по отношению к человеку. В ответственности есть обязанность, долг перед другими, перед своей совестью, и наконец, перед государством. Она как личностное качество формируется, развивается в ходе предметно-практической деятельности человека, является мерилем его нравственности. Что касается искусственного интеллекта, у него нет чувства меры ответственности, осознание последствий совершаемого действия, переживания и угрызение совести за допущение ошибки и несправедливости. Более того, искусственный интеллект не способен понять природу нравственного и правового происхождения справедливости. Э. Фромм в книге «Бегство от свободы» писал, что стремление к справедливости и истине является неотъемлемой чертой человеческой природы, хотя оно может подавляться и искажаться, так же как и стремление к свободе. Поэтому, какую бы совершенную программу по этике мы не разработали и не придумали для искусственного интеллекта, она все равно не способна со всех сторон оценить действия человека. Поэтому за допущенные ошибки искусственного интеллекта придется отвечать самому человеку. Переложить ответственность на результат, продукт творческой деятельности равносильно человеку отказаться от своей нравственной и созидательной сущности.

И здесь, возникает еще одна проблема - это специфика отношения роботов и людей. По мнению ряда экспертов, значительное увеличение числа роботов

может привести к искажениям в общении людей. Будет сказываться дефицит эмоционального общения, а дети, воспитанные роботами будут похожи на новых маугли [9]. Речь идет по существу об отчуждении человека. Он отчуждается от своей сущности, и становится заложником своего творения. Превращая это творение в идола, преклоняется перед его силой. И в этом своем акте человек сам превращается в вещь. Между ними устанавливаются вещные отношения. Человек выступает как существо подчиненное, лишенное своих жизненных сил, богатства своих возможностей. Чем больше человек возносит своего кумира, приписывая ему свою собственную силу и мощь, тем слабее он становится, тем сильнее его зависимость от идолов. Вот что происходит с человеком. Внедрение искусственного интеллекта необходимо, но он никогда не может стоять выше, над человеком. Конфликт между техникой и человеком должен решаться в пользу человека, в противном случае вместо естественных переживаний придет искусственность, вместо человечности бесчеловечность. Лишенный человечности, он перестает быть морально-нравственным, духовно-созидательным существом.

Для того, чтобы регулировать данный конфликт, некоторые ученые предлагают проблемы этики искусственного интеллекта исследовать в нескольких направлениях. Среди них, наиболее интересными, на наш взгляд является, вопрос о формализации этической теории, приспособления ее для работы интеллектуальных систем, рассмотрение вопроса о том, как надо относиться к роботам, как к реальным субъектам, которые могут принимать самостоятельные этические решения [10].

Здесь на первый план выходит вопрос не только о доверии к интеллектуальным системам, но и готовность человека отдать часть своего «я», готовность раствориться в технологических решениях, позволяя себя контролировать в столь сложном вопросе, как мораль и нравственность. Одним словом, человек находясь в гибридном мире (онлайн и офлайн) вынужден пересмотреть этические нормы. Все это ставит новые вопросы о том, каким образом люди могут функционировать в сети, как и при помощи каких механизмов, они могут выстраивать взаимоотношения в этом пространстве. С этими вызовами сталкиваются как создатели площадок и платформ, так и их пользователи, как теоретики и философы, так и практики, участвующие в конструировании подобных пространств [11].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, в условиях информационного общества формируются этические кодексы и стандарты отдельных профессии, которые позволяют автоматизировать некоторые действия. Скорее всего, эта практика будет все активнее развиваться;

- во-вторых, мы будем наблюдать повышение объема информации затрагивающие соотношения рационального и морального в поступках человека, в пользу рациональности, а также сохранение и развития человеческой личности в целом;

- в-третьих, именно формирующаяся этика и ее новые парадигмы должны придать информационному обществу человеческий облик, наполнив его

морально-этическим смыслом, иначе человек перестает быть активным, созидательным существом;

- в-четвертых, в качестве основных характеристик информационной этики наряду с рациональностью, можно назвать конфиденциальность, конструктивность, честность и ясность, которые определяют новую парадигму развития этики информационного общества в XXI веке.

Список использованных источников:

1. Акты Генеральной конференции, 36-я сессия, Париж, 25 октября - 10 ноября 2011 г., т.1: Резолюции.

2. Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.

3. Е. В. Коваль Этика информационного общества как современный этап развития этики. УДК17:316.775.

4. Floridi L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics, Ethics and Information Technology / L. Floridi. 1999 (1.1). P. 37-56.

5. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 776 с.

6. Негодаев Н.А. На путях к информационному обществу / Н.А. Негодаев. Ростов н/Д.: ДГТУ, 1999. 247 с.

7. Мир человека: нормативное измерение-7.0 Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма Сборник трудов международной научной конференции. Саратов, 7 - 9 июня 2021 // Перов В.Ю. Киберэтика и профессиональная моральная нормативность. – С. 254.

8. Там же // А.В. Разин. Этические возможности искусственного интеллекта. – С. 264.

9. Там же // А.В. Разин. Этические возможности искусственного интеллекта. – С. 265.

10. Там же. // А.В. Разин. Этические возможности искусственного интеллекта. – С. 265.

11. Там же. // Е.В. Масланов. Новое в цифровой этике: живое и мертвое – С. 375.

Жакаева Лейла Султановна,
д.ю.н., профессор Научно-образовательного центра государственного-правовых дисциплин
Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ: ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В отечественной юридической науке доступность правосудия определяется в качестве конституционного, общеправового принципа, характеризующего статус человека и гражданина, который находит свое практическое воплощение в реализации права каждого на судебную защиту. Доступность правосудия выражается, прежде всего, в праве субъектов на беспрепятственное обращение в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов, а также за восстановлением нарушенных или ограниченных прав.

Данный принцип имеет некоторые особенности конституционной регламентации в Казахстане. Пункт 2 статьи 13 Конституции Республики Казахстан (*далее - Конституция*), в частности, устанавливает, что «каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод» [1]. При этом права и свободы, предусмотренные данной конституционной нормой, «не подлежат ограничению ни в каких случаях» (п.3 ст.39 Конституции).

Иначе говоря, принцип доступности правосудия на конституционном уровне абсолютизирован, что предопределяет или, вернее, должно предопределять содержание текущего законодательства, регламентирующего особенности реализации данного права в процессе осуществления различных форм судопроизводства.

Принцип доступности правосудия, представляя собой законодательно закрепленную и гарантированную возможность беспрепятственного обращения субъектов в суд, как правило, не ограничивается минимизацией процессуальных препятствий в «получении» судебной защиты. Анализ научных и практических источников по данной проблематике показывает, что доступность правосудия нередко отождествляется мерам по повышению качества и эффективности судопроизводства, что обусловлено задачами создания оптимальных условий реализации права на судебную защиту и функционирования судов.

Одним из перспективных путей повышения доступности и улучшения качества правосудия является использование искусственного интеллекта, внедрение которого способствует ускорению и повышению качества рассмотрения дел, сокращению судебных издержек и иных затрат, оптимизации процесса судопроизводства.

Примечательно, что задачи всесторонней и полной реализации принципов правосудия посредством использования информационных технологий

обозначены в качестве ключевых направлений модернизации отечественной судебной системы. При этом отмечено, что активное внедрение информационных технологий требует соответствующего уровня нормативно-правового регулирования, основанного на всестороннем анализе законодательства и соответствующей практики, с точки зрения эффективности правовых механизмов защиты прав, свобод и интересов граждан, а также задач обеспечения информационной безопасности. Вместе с тем признано, что чрезмерная правовая урегулированность данной сферы при определенных условиях может явиться сдерживающим фактором в ее развитии [2].

Достигнутый уровень применения искусственного интеллекта в судебном процессе характеризуют актуальные на сегодняшний день проекты, которые нацелены на обеспечение единообразия судебной практики, на оптимизацию деятельности судов и снижение судебной нагрузки.

Так, в стадии реализации в настоящее время находится задача обеспечения единообразия судебной практики на основе внедрения проектов «Smart помощник судьи» и «Цифровая судебная аналитика» [3].

В первом проекте речь идет об автоматизации (роботизации) процесса судопроизводства по некоторым несложным категориям дел, при отсутствии судебного усмотрения, но при обязательной возможности обжалования таких решений.

К такого рода делам относятся, прежде всего, дела о взыскания задолженности на основании судебных приказов в рамках гражданского судопроизводства.

Судебный приказ, как известно, выносится в электронной форме по заявлению взыскателя о взыскании денег или истребовании движимого имущества от должника по бесспорным требованиям, а также по заявлению взыскателя об исполнении соглашений, заключенных в порядке досудебного урегулирования спора в случаях, установленных законом или предусмотренных договором, без вызова должника и взыскателя для заслушивания их объяснений и без судебного разбирательства. Судебный приказ имеет силу исполнительного документа, взыскание по нему производится в порядке, установленном для исполнения судебных решений [4].

Smart помощник будет задействован при судебном санкционировании постановления судебного исполнителя о временном ограничении на выезд из Республики Казахстан физического лица, руководителя (исполняющего обязанности) юридического лица, являющегося должником, в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством [5].

Возможно использование smart помощника при осуществлении судебного санкционирования в уголовном процессе, в частности, при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении лиц от уголовного наказания [6].

Процедура рассмотрения дел с участием smart помощника предусматривает возложение на работа функций по регистрации дела, его анализу и подготовке проекта соответствующего судебного акта. Судья после проверки проекта судебного акта подписывает его при отсутствии сомнений в содержании, а в случае необходимости вносит в него изменения и дополнения. Отметим в этой связи, что автоматизация судебного процесса не исключает

возможности рассмотрения дела судом (судьей) в ординарном формате, то есть в соответствии с установленным порядком.

Другим, не менее важным проектом, внедряемым в судебную систему, является «Цифровая аналитика судебной практики» (*далее – цифровая аналитика*), рассчитанная на использование искусственного интеллекта для аналитической работы в интересах судопроизводства, а также во благо лиц, намеревающихся реализовать право на судебную защиту. Проект реализуется Верховным Судом Республики Казахстан (*далее – Верховный Суд*) совместно с Национальной палатой предпринимателей «Атамекен».

Цифровая аналитика позволяет, во-первых, осуществлять поиск судебных дел по заданным параметрам (запросам), и прослеживать так называемый «жизненный цикл» судебного дела, то есть процесс его последовательного рассмотрения в судебных инстанциях и содержание принятых судебных актов.

Во-вторых, цифровая аналитика позволяет на основе анализа данных о фактических обстоятельствах дела и норм соответствующего законодательства (включая акты официального разъяснения законодательства), установить «аномальные», с точки зрения задач обеспечения единообразия судебной практики, судебные акты. Результаты такого поиска представляют несомненную ценность для деятельности вышестоящих судебных инстанций по пересмотру судебных актов.

Единообразие судебной практики, характеризующееся едиными подходами к толкованию и применению судами норм права, достигается не только посредством принятия Верховным Судом нормативных постановлений, разъясняющих вопросы судебной практики, но и в результате пересмотра в кассационном порядке вступивших в законную силу судебных актов. При этом деятельность Верховного Суда по пересмотру судебных актов, направленная на обеспечение их законности, обоснованности и справедливости, имеет определяющее значение для формирования судебной практики [7].

Цифровая аналитика предусматривает автоматическое информирование Верховного Суда о случаях принятия нижестоящими судами (судьей) решения, противоречащего сформированной по данной категории дел судебной практике. В этой связи открывается возможность оперативного реагирования вышестоящей судебной инстанции на такого рода отклонения в соответствии с установленным порядком. Кроме того, данная функция, нацеленная на совершенствование судебной деятельности, обладает в определенной мере антикоррупционной направленностью.

Следующим, не менее важным направлением применения цифровой аналитики является прогнозирование исхода дела, что имеет особое значение для лиц, намеревающихся реализовать право на судебную защиту.

Благодаря данному проекту становится возможным анализ судебной практики по заданной (конкретной) правовой ситуации (спору), а также оперативное получение результатов, характеризующих итоги рассмотрения дел. Ознакомление с указанными данными позволит, к примеру, истцу по гражданскому делу оценить все «за» и «против», с позиции успешности или вероятности рассмотрения дела в его пользу. И, в случае подтверждения его

сомнений, воспользоваться досудебными либо внесудебными формами разрешения спора.

Данная функция цифровой аналитики, направленная на обеспечение интересов потенциальных истцов по гражданским делам, позволяет, с одной стороны, разрешить спор без участия суда, следовательно, с наименьшими затратами (временными, физическими, психоэмоциональными, материальными и др.). С другой, в значительной мере оптимизировать судебную деятельность за счет снижения судебной нагрузки.

Вопросы модернизации судебной системы, оптимизации ее деятельности были и остаются объектом повышенного интереса государственных структур и научной общественности, что объясняется во многом объективными факторами. В их числе конституционное закрепление судебной власти в качестве самостоятельной ветви власти, потребности совершенствования механизма судебной защиты, как во благо общества, так и отдельной личности.

Немаловажное значение имеет и то, что в основе проводимых судебно-правовых реформ заложены идеи гарантирования прав и свобод человека, законности и социальной справедливости. В данном контексте осуществляются преобразования, обусловленные применением искусственного интеллекта в правосудии.

Вместе с тем искусственный интеллект представляется нам в качестве вспомогательного инструмента, направленного на оптимизацию и повышение эффективности работы суда (судьи), поэтому, на наш взгляд, отсутствуют основания для опасений, что замена интеллекта человека искусственным в правосудии чреват нарушением баланса между законностью и справедливостью.

В целом представляется, что внедрение информационных технологий в правосудие целесообразно рассматривать комплексно, в контексте электронной системы государственной власти, в которой каждая ее ветвь представляет электронные версии своей работы: «электронный парламент», «электронное правительство», «электронное правосудие». И речь идет опять-таки не о полной замене естественного интеллекта искусственным, а о расширении возможностей выполнения государственных функций законотворчества, исполнительной деятельности и судопроизводства в интересах потребителей этих функций, а также в целях прогрессивного развития государства и общества.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан. Принята республиканским референдумом 30 декабря 1995 года
[//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029)
2. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>
3. См.: Правосудие Казахстана: реалии, тренды, перспективы. 2021.// <https://sud.gov.kz/rus/node/274032>

4. См. п.1,2 статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053.

5. См. подробнее ст.252 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан; ст.33 Закона Республики Казахстан от 2 апреля 2010 года № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей»//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053;
https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30617206

6. См. ст.480 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан
https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852

7. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 15 января 2016 года № 1 «О праве доступа к правосудию и полномочиях Верховного Суда Республики Казахстан по пересмотру судебных актов»//
<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P160000001S>

Холодионова Юлия Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры
теоретических и публично-
правовых дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного
университета

ОНЛАЙН - ИЛИ ОФЛАЙН-ПРАВОСУДИЕ: ВРЕМЯ ВЫБОРА ПРИШЛО! (о возможностях использования дистанционных технологий разрешения трудовых споров в судах России)

Второе десятилетие 21 века задает новые тенденции и, в том числе, в такой консервативной сфере как разрешение правовых споров в российских судах. Пандемические ограничения 2020 - 2021 годов заставили искать пути освоения цифрового пространства, в том числе, в области судопроизводства. Искусственный интеллект уже участвует в формировании электронного правового пространства, позволяет в оперативном режиме получать необходимую информацию о месте нахождения суда, судебных коллегиях, содействует направлению обращений непосредственно в суд. Практикующим юристам России известны способы подачи обращений в электронном виде с помощью «ГАС-Правосудие» [1], сайта Мосгорсуда или – «по-старинке» - в бумажном виде с помощью Почты России [2]. По-прежнему есть вопросы, касающиеся удаленного удостоверения доказательств, поскольку любая правовая позиция должна соответствовать требованиям процессуального законодательства об относимости, допустимости и достоверности [3]. В моей практике - при предоставлении скриншота переписки о предложении работы и согласии кандидата, удостоверенного печатью отдела кадров организации – такой документ был признан судьей как доказательство. Однако, в ситуации, когда защита права гражданина осуществляется в дистанционном формате, разумеется, есть отличия.

Электронные устройства, имеющиеся у граждан, с каждым годом становятся все совершеннее, как и взаимодействие между сторонами трудовых отношений чаще «переходит» в онлайн - или дистанционный формат с помощью мессенджеров, социальных сетей или электронной почты, в том числе, - корпоративной. Современным вызовом становится организация порядка взаимодействия между работниками и работодателем, чтобы в дальнейшем не создавать оснований для нарушения прав того или другого. Нормативные акты – федеральные и региональные законы, а также локальные акты работодателя – все это создает необходимую правовую основу. Таким образом, можно отметить, что большая часть граждан уже имеет навыки электронной коммуникации, а также использования онлайн-сервисов. Примером тому может быть оформление пособий на детей с помощью подтвержденной учетной записи на сайте «Госуслуги», онлайн-покупки в интернет-магазинах, оплата коммунальных услуг и сотовой связи с помощью банковских карт. Но это не означает, что прежний офлайн-формат перестает существовать. Полагаю, что в течение определенного времени – 5 или 10 лет - постепенно перейдет уход от офлайн-формата оплаты предоставляемых услуг. В качестве доказательства могу привести пример: так называемые «электронные трудовые книжки» или, что более правильно – «сведения о трудовой деятельности, предоставляемые в электронном формате» [4]. В 2020 и 2021 году определенное количество россиян согласилось с возможностью отказаться от ведения бумажного формата этого основного документа о работе и стаже работы, однако, нельзя назвать электронные документы совершенно неизвестными для граждан. Электронные документы уже предоставляются в виде справок об отсутствии судимости [5] и листов нетрудоспособности [6], поэтому, считаю, что и для осуществления правосудия в дистанционном формате требуется время для понимания гражданами того, как это будет проходить. В основном, это касается тех, кто еще не участвовал в дистанционных судебных заседаниях на стороне истца или ответчика.

Первое судебное заседание в удаленном формате состоялось в апреле 2020 года [7]. Безусловно, были технические трудности, которые «с высоты» 2021 года являются несущественными и легко устранимыми: «плавающий» звук, асинхронная речь участников, проблемы с аудио- и видео-связью. В настоящее время по ходатайству участников процесса судебные заседания могут проходить в дистанционном формате с помощью видео-конференц-связи [8]. Безусловно, у такого формата проведения судебных заседаний есть «плюсы» и «минусы». В частной беседе адвокат Тюменской областной коллегии адвокатов №1 Денис Гермаш отметил, что из очевидных плюсов такого формата можно указать на избавление от транспортных расходов, так как не теряется время в пути в суд. В то же время, представление документов прямо в судебное заседание не представляется возможным, поскольку требуется сделать дополнение и нужно тогда просить объявить перерыв. Есть проблемы с технической стороной дистанционного заседания в виде ошибок при подключении или в ситуации, когда сторона не может подключиться. Как представляется, такие случаи не являются единичными, поскольку дистанционной коммуникация в России предстоит пройти непростой путь через

отрицания и запоминание. Полагаю, что такие технические трудности могут стать основой для злоупотреблений в виде сообщения судье о том, что «не видно» и «не слышно», что помешает осуществлению защиты. По мнению Дениса Сергеевича, перспективным на его взгляд могло быть использование «демонстрации экрана» или показа слайдов для защитной речи.

Как отмечают Татьяна Жигалова и Павел Лушников, в России нужны цифровые суды по следующим причинам: Во-первых, растет объем электронной коммерции, расширяются межрегиональные и международные поставки российских товаров, работ и услуг; Во-вторых, требуется быстрая и качественная защита имущественных и неимущественных прав граждан; В-третьих, участники конкретного правоотношения часто находятся в разных юрисдикциях и/или на значительном расстоянии друг от друга; В-четвертых, регулярно возникает необходимость проверки контрагентов (в том числе, путем получения информации об их активности в судах и судебных притязаниях к ним); В-пятых, возможность идентификации человека и организации с помощью электронной подписи; И, наконец, в-шестых, предоставление документов в электронном виде[9]. Как отмечают эти авторы, очень многое, связанное с искусственным интеллектом, уже является частью обычной жизни и поэтому цифровое правосудие – это, скорее, вопрос времени и приобретения так необходимых навыков, в первую очередь, судьями.

В отношениях «человек-человек» уже есть место электронной коммуникации, как было отмечено выше. Трудовые отношения, как обычные - «офлайновые», так и дистанционные, меняют способы взаимодействия, когда информацию нужно «доставить» срочно и также срочно ее «обработать». Для трудовых споров, обладающих высоким уровнем эмоциональности и, вследствие этого, конфликтности, полагаю, дистанционный формат рассмотрения был бы более перспективным, причем, без внесения изменений в действующий Трудовой кодекс РФ, ведь судебная процедура защиты трудовых прав работника и работодателя там уже предусмотрена в статьях 391-392, дистанционный формат в таком случае коснется лишь работы представителей сторон.

Необходимо отметить, что в декабре 2021 года во втором чтении Государственной Думой РФ был принят законопроект о дистанционном судопроизводстве [10], в котором указаны основные условия осуществления судопроизводства в таком формате: подача искового заявления, заявления, жалобы, представления и иных документов на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе, в форме электронного документа с помощью федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»; допускается подача искового заявления, заявления, жалобы, представления и иных документов, посредством Единого портала, подписанных простой электронной подписью, если ГПК РФ не установлено, что указанные документы должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью. При направлении документов посредством систем электронного документооборота требуется, чтобы они были подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью; поведение участников в процессе. Если они допускают

нарушения установленных правил поведения, то это может привести к их отключению от трансляции судебного заседания – по аналогии с ответственностью в обычном судебном заседании и другие.

Завершая настоящее исследование, отметим, что в современных условиях, когда искусственный интеллект «проникает» во все сферы жизни и остается лишь гипотетический выбор между онлайн – офлайн. Для защиты нарушенных прав, а мы ведем речь о трудовых правах, индикатором эффективности деятельности суда является скорость разрешения спора. При соблюдении условий, касающихся понимания необходимости внедрения разных форматов деятельности, у граждан не будет возникать сомнений при обращении в суд, какой формат выбрать. Полагаю, что полностью отказаться от офлайн-формата будет вряд ли возможным, по крайней мере, до тех пор, пока не будут решены проблемные вопросы, указанные в настоящем исследовании. И только после этого будет возможным вести речь о выборе и о доступности правосудия, в том числе, с использованием цифровых технологий.

Список использованных источников:

1. ГАС РФ «Правосудие» // <https://sudrf.ru/>; Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 N 251 (ред. от 05.11.2019) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477352/> (дата обращения: 10.12.2021)

2. Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 31 июля 2014 г. N 234 с изм. и доп. 19 ноября 2020 г. // Российская газета от 31 декабря 2014 г. N 299. (дата обращения: 13.12.2021)

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532. (дата обращения: 14.12.2021)

4. Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 3. (дата обращения: 15.12.2021)

5. Приказ МВД России от 27 сентября 2019 г. N 660 "Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования" // "Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 30 января 2020 г. (дата обращения: 15.12.2021)

6. Электронный листок нетрудоспособности // <https://fss.ru/ru/fund/disabilitylist/index.shtml> (дата обращения: 16.12.2021)

7. Верховный суд провел первое онлайн-заседание (по делу № 60-КГ20-2) // <https://pravo.ru/news/220873/> (дата обращения: 15.12.2021)

8. Госдума одобрила законопроект об удаленном участии в судебных заседаниях <https://pravo.ru/news/237342/> (дата обращения: 15.12.2021)

9. Жигалова Т., Лушников П. В погоне за цифровым правосудием. Опыт России и мира / Т. Жигалова, П. Лушников // <https://www.synerdocs.ru/37802320.aspx> (дата обращения: 16.12.2021)

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе. Законопроект Федерального закона № 1144921-7, внесенный Правительством РФ // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 10.12.2021)

III. Вопросы обеспечения прав личности в административном судопроизводстве в условиях цифровизации

Порохов Евгений Викторович,
д.ю.н., директор НИИ
финансового и налогового
права, профессор ВШП
«Әділет» Каспийского
университета

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ НАЛОГОВОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО НАЛОГОВЫМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В современном мире цифровизация набирает темпы в своем развитии и уверенно прокладывает себе дорогу во всех сферах человеческой деятельности. Не обошла она стороной и современное государство, в том числе в таких важных и, казалось бы, консервативных областях его функционирования, как налогообложение и правосудие. На современном этапе развития государства цифровые формы исполнения налоговых обязательств, осуществления налогового администрирования и отправления правосудия активно внедряются в повседневную жизнь участников общественных отношений и повсеместно заменяют собой традиционные, ранее существовавшие формы.

В настоящее время стали уже виртуальной реальностью *электронное правительство и электронный налогоплательщик*. С помощью электронных порталов электронного правительства и личного кабинета электронного налогоплательщика осуществляется быстрое и эффективное взаимодействие участников налоговых правоотношений при исполнении ими своих взаимных обязанностей и использовании субъективных прав.

Все виды налоговых заявлений и налоговой отчетности налогоплательщиков и налоговых агентов переведены в цифровую форму, а их доставка и получение осуществляются с помощью электронных каналов связи посредством сети интернет по адресам электронной почты получателей корреспонденции. Лицевые счета налогоплательщиков в налоговых органах также переведены в цифровой формат и ведутся в автоматизированном режиме. Соответственно, все виды административных актов налоговых органов также обрели свою цифровую форму, составляются и доставляются налогоплательщикам в большинстве случаев электронным способом. Посредством собственного интернет-ресурса налоговые органы оказывают налогоплательщикам электронные налоговые услуги по предоставлению программного обеспечения для составления и представления электронных налоговых форм с формированием электронного платежного документа по уплате налогов и других платежей в бюджет, по информированию налогоплательщиков об изменениях в налоговом законодательстве, о новых налогах, налоговых формах и правилах налогового администрирования,

разъясняют им порядок исполнения налоговых обязательств. Судебные акты также создаются, подписываются и доставляются участникам процесса в цифровой форме. Повсеместно используется электронная цифровая подпись налогоплательщиков, должностных лиц налоговых органов и судей при составлении и подписании ими электронных документов. Делопроизводство у налогоплательщиков, налоговых органов и судов также в большинстве случаев осуществляется уже в цифровом формате.

Электронная торговля товарами и электронные аукционы также стали реальностью нашего времени и не вызывают уже ни у кого удивления. В гражданский оборот в целях налогообложения быстрыми темпами внедряются и активно используются при совершении гражданско-правовых сделок электронные счета-фактуры и электронные сопроводительные накладные на товары.

подавляющее большинство расчетов и платежей по гражданско-правовым сделкам, а также практически все налоговые платежи переведены в цифровой формат и осуществляются посредством банкоматов, электронных терминалов, электронных платежных систем банков второго уровня и платежных шлюзов электронного правительства. Также активно идет работа по цифровой фискализации расчетных операций, осуществляемых с использованием наличных денег и платежных карт. Используемые при этом контрольно-кассовые машины принимающих наличные платежи лиц интегрированы с аппаратно-программными комплексами банков второго уровня и налоговых органов и позволяют в текущем режиме отслеживать все движения наличных денег в расчетах за товары, работы, услуги, а также мобильные переводы и переводы по платежным картам.

Электронным способом в большинстве случаев осуществляется взаимодействие налоговых органов с Национальным Банком РК, другими уполномоченными государственными органами, местными исполнительными органами, уполномоченными органами иностранных государств, банками второго уровня, нотариусами, судебными исполнителями и иными лицами.

На электронной платформе база данных налоговых органов интегрируется с базами данных других государственных органов о налогоплательщиках, их объектах и предметах налогообложения и осуществляемой ими налогооблагаемой деятельности.

В электронной форме налоговыми органами в рамках налогового администрирования осуществляется большинство налоговых процедур: регистрация налогоплательщиков и постановка на регистрационный учет их отдельных категорий, мониторинг крупных налогоплательщиков и горизонтальный мониторинг, камеральный контроль, анализ налогооблагаемой деятельности налогоплательщиков, их категорирование по степени риска и отбор для включения в план проведения очередных проверок, обеспечение исполнения налоговых обязательств путем приостановления расходных операций по банковским счетам и ограничения в распоряжении имуществом, принудительное взыскание денег с банковских счетов налогоплательщиков в счет погашения налоговой задолженности. В электронном формате соответствующих программ «СУР» и «Пирамида» осуществляется

деятельность налоговых органов по проверке сделок, совершаемых налогоплательщиками со своими контрагентами, и уплаченных с них налогов в целях категорирования налогоплательщиков по степени риска и рассмотрения заявлений плательщиков НДС о возврате (зачете) им суммы превышения НДС.

Как видно, преимущества и польза цифровых форм сбора, обработки, анализа, передачи, хранения информации и осуществления других операций с ней не вызывают ни у кого никаких сомнений. Это быстро, надежно, эффективно, малозатратно. Но все же у воплощения цифровой формы в жизнь государства и его граждан есть нюансы, которые извлечены из печального опыта первых негативных примеров реализации государственной политики цифровизации на практике и на которые стоит обратить самое пристальное внимание.

Как известно, искусственному интеллекту пока не свойственны эмоции. В сложных для человека ситуациях от робота не приходится ожидать гуманности, милосердия, сострадания, сопереживания по отношению к человеку. Искусственный интеллект действует рационально согласно заданному создателем алгоритму. Поэтому изначально важно также наполнить искусственный интеллект правильным ценностным содержанием, привить ему, в первую очередь, человеческие ценности, которым он должен строго следовать и от которых ни в коем случае не должен отступать в своем функционировании. Человек, его жизнь, права и свободы, а также необходимая для его жизни окружающая природная среда должны в таком случае определять ценностное содержание искусственного интеллекта.

При строгом следовании искусственного интеллекта гуманистическим ценностям и идеалам не следует также забывать и о том, что в условиях остро наметившихся в последнее время глобальных экологических кризисов и угроз, вызванных человеческой деятельностью на Земле, акценты в приоритете человека как абсолютной ценности должны объективно смещаться в сторону природы в целом и ограничивать человечество в его губительной для экологии деятельности на Земле. На смену антропоцентризму в современной философии и господствующей идеологии приходит более рациональный экоцентризм, ставящий во главу угла природу в целом и подчинение ей интересов человечества для сохранения его в будущем как биологического вида наряду с другими видами жизни.

Очевидно, что в современных условиях не только граждане, по требованию ст.38 Конституции РК, формально обязаны сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам, но и все иные воздействующие на природу своей деятельностью субъекты, включая государство, обязаны уже сейчас предпринимать всё от них зависящее для предотвращения экологических катастроф в будущем. Безусловно, что экологические ценности со временем также наполнят искусственный интеллект в качестве ценностного содержания. И тогда перед искусственным интеллектом и его создателями неизбежно встанет вопрос выбора приоритета в соотношении гуманистических и экологических ценностей, поскольку игнорирование тех или других может быть чревато в конечном итоге вымиранием человечества от пагубных и неконтролируемых сил природы или вместе с ней.

Пока же, согласно п.1 ст.1 Конституции РК, человек, его жизнь, права и свободы являются высшей ценностью государства. Согласно п.2 ст.12 Конституции РК, права и свободы человека определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. В полной мере действие указанных норм относится к налоговому праву и его реализации на практике. Именно человек, его жизнь, права и свободы составляют ценностное содержание налогового права и определяют его применение на практике.

В каких же конкретных нормах реализуется или должно реализовываться указанное выше ценностное наполнение налогового права?

Во-первых, в налоговом законодательстве государство должно гарантировать каждому гражданину и находящимся на его иждивении детям, старикам и инвалидам налоговую неприкосновенность их регулярных доходов на достойном человека уровне прожиточного и, соответственно, не облагаемого налогами минимума, рассчитанного из реальной стоимости минимальной потребительской корзины. К сожалению, наше налоговое законодательство не реализует в себе данную ценностную установку Конституции РК в полной мере.

Установленный в НК РК необлагаемый минимум доходов физического лица на уровне минимальной заработной платы, которая, в свою очередь, также слишком далека от стоимости реального прожиточного минимума, не обеспечивает право граждан на материальное самообеспечение на достойном человеческом уровне. Соответственно, из карманов налогоплательщиков-физических лиц под видом налогов изымаются те их доходы и накопления, которые должны были бы пойти в первую очередь на удовлетворение их насущных человеческих потребностей.

Во-вторых, в налоговом законодательстве и законодательстве об исполнительном производстве государство должно определить перечень имущества граждан (включая единственное жилье), на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, включая исполнительные документы по взысканию налоговой задолженности (в РК в соответствии со ст.128 НК РК это налоговый приказ). Соответственно, взыскание по налоговым требованиям государства не должно обращаться на указанное в этом перечне имущество граждан, необходимое им для жизни на достойном человека уровне. Кроме того, государство должно обеспечить принятие и действие закона о банкротстве физических лиц, который будет регламентировать основания и порядок списания непогашенных долгов граждан, в том числе и перед государством. К сожалению, эта ценностная установка Конституции также не реализована в законодательстве РК. Налогоплательщики-физические лица и их иждивенцы по-прежнему находятся в зоне риска при обращении взыскания по их налоговой задолженности на их имущество, включая единственное жилье.

В-третьих, в налоговом законодательстве и законодательстве об административных процедурах государство и его органы, по требованию п.3 ст.18 Конституции РК, должны гарантировать каждому гражданину право на ознакомление с любой касающейся его информацией об имеющихся у него налоговых обязательствах и предъявленных в их рамках налоговых

требованиях государства к гражданину. Особенно актуально это положение звучит в настоящее время применительно к цифровым документам налоговых органов и электронным способам их доставки налогоплательщикам. Невручение гражданину административного акта и его неознакомление с таким актом (отсутствие доказательств вручения и ознакомления) или неопубликование нормативного правового акта должно служить по закону достаточным основанием для признания его, как минимум, недействительным, а как максимум, незаконным и подлежащим отмене.

К сожалению, в большинстве случаев в налоговом законодательстве прослеживается последовательная реализация законодателем и правоприменителями «теории почтового ящика», согласно которой корреспонденция налогового органа считается врученной налогоплательщику в момент ее доставки в кабинет налогоплательщика, независимо от ознакомления с ней. В ряде случаев на практике имеют откровенные случаи подтасовки документов об отправке или о невозможности вручения корреспонденции налогоплательщику. В свою очередь, несвоевременное получение или ознакомление налогоплательщика с административными актами или вовсе их неполучение лишают его какой-либо возможности защищать свои права и своевременно реагировать на решения и действия налоговых органов.

В-четвертых, по смыслу п.1 ст.33 Конституции РК, каждому гражданину по закону должно быть предоставлено, гарантировано и индивидуально разъяснено в каждом конкретном случае право на обжалование любых актов, ущемляющих его права и свободы, возлагающих на него обязанности или ответственность. По примеру отдельных развитых государств западной демократии, в законодательстве РК также могла бы найти свое отражение норма о том, что неразъяснение гражданину его права на обжалование административного акта, а также порядка и сроков реализации этого права должно быть достаточным основанием для отмены акта как совершенного с существенными нарушениями в его содержании.

В-пятых, налоги и обязанность их уплаты не должны препятствовать гражданину в осуществлении им своих естественных прав и обуславливать собой их реализацию. Государство не должно устанавливать налоги, уплата которых создает препятствия в реализации гражданами своих естественных прав. В частности, реализация гражданином права на судебное обжалование административных актов и его доступ к правосудию не должны ставиться в зависимость от уплаты непомерной государственной пошлины, рассчитываемой в РК в процентах от обжалуемой суммы налоговых доначислений. Невозможность реализации гражданином своего права на оспаривание незаконного административного акта по причине недоступности правосудия из-за материальных проблем гражданина презумируют законность неоспоренного административного акта и последующее лишение гражданина средств к существованию в случае исполнения такого акта.

Соответственно, должны быть проработаны, регламентированы и реализованы на практике механизмы освобождения нуждающихся налогоплательщиков-физических лиц от уплаты государственной пошлины при подаче административных исков в суд или разрешения вопросов о

распределении этих и других судебных расходов на финальной стадии судебного разбирательства при вынесении судебного решения.

В-шестых, по смыслу п.2 ст.14 Конституции РК, налоги и их взимание также не должны служить в руках государства и его органов средством дискриминации граждан по тем или иным их индивидуальным признакам и личным свойствам. В противном случае это будет нарушать установленный в ст.14 Конституции РК принцип равенства всех перед законом и судом и недопустимости какой-либо дискриминации кого бы то ни было по каким-либо обстоятельствам.

В-седьмых, задаваемые искусственному интеллекту алгоритмы его функционирования в общественных отношениях не должны противоречить закрепленным в нормативных правовых актах правовым нормам, а также морально-этическим нормам современного общества. Правила функционирования робототехники не должны подменять собой правила поведения людей в обществе и, тем более, превалировать над ними или обращаться во вред человеку. Принятие же правовых норм в установленных для этого правовых формах должно всегда оставаться исключительной прерогативой объединения людей и ни в коем случае не передаваться на усмотрение и разрешение искусственного интеллекта. Осуществляемая с помощью искусственного интеллекта законопроектная работа в законодательном органе государства также не должна носить формальный характер, а депутаты при обсуждении и принятии ими законов не должны превращаться в марионеток, слепо следующих воле и предложениям искусственного или какого-либо еще стороннего интеллекта.

Любое противоречие правил функционирования искусственного интеллекта правовым нормам принятых государством в лице уполномоченных им органов нормативных правовых актов должно влечь за собой приведение их в соответствие с правовыми нормами, незамедлительное устранение допущенных искусственным интеллектом и его операторами ошибок и нарушений и восстановление нарушенных прав граждан и организаций.

В-восьмых, в условиях цифровизации со стороны государства процессов налогообложения и налогового администрирования все неблагоприятные последствия и ответственность за сбои в работе аппаратно-программных комплексов, обслуживающих такие процессы, и причинение этим вреда гражданам и организациям должно нести государство. Соответственно, граждане и организации не должны ущемляться в их правах из-за системных сбоев и ошибок в работе аппаратно-программных комплексов государства и его органов.

В-девятым, цифровизация налогового администрирования и отправления правосудия не должна быть самоцелью и подменять собой изначальную цель восстановления законности и защиты нарушенных прав налогоплательщиков. При отсутствии у налогоплательщика технических возможностей для использования цифровых форм исполнения налоговых обязанностей или участия в судебном процессе ему должны быть гарантированы и предоставлены традиционные формы совершения им юридически значимых действий. При этом цифровые и традиционные формы совершения налогоплательщиком

истребуемых от него действий должны быть общедоступными для их использования и альтернативными по усмотрению самого налогоплательщика. Именно за гражданином должно оставаться право выбора формы исполнения им своих обязанностей или участия им в судебном процессе.

В-десятых, при отправлении правосудия по административным делам цифровизация его форм и автоматизация судебных процедур не должны отменять индивидуальный подход судьи к разрешению каждого рассматриваемого дела исходя из его индивидуальных особенностей. Унификация сложившейся судебной практики сама по себе еще не может предрешать исход каждого вновь рассматриваемого дела. Дела должны разрешаться судьей по его личному убеждению и по совести. Не исключено, что все из предложенных искусственным интеллектом на основе сложившейся практики вариантов решений могут быть неправильными, как не учитывающие специфику и новые обстоятельства конкретного дела.

Судья должен сам своим личным волеизъявлением именно принимать решение по делу, а не выбирать его варианты из предложенных искусственным интеллектом. Активная роль суда, помимо прочего, заключается также в том, чтобы быть непосредственно причастным к разрешаемому делу, вести его, переживать его вместе с другими участниками процесса, пропускать его через свое сознание, а не совершать машинальные действия по предложенному ему искусственным интеллектом сценарию.

Непроизвольный отход судьи как человека от отправления правосудия, формальное выполнение им функций судьи в виде санкционирования одного из заранее подготовленных искусственным интеллектом вариантов решений чреват со временем постепенной утратой правосудием своих человечности и гуманности - неотъемлемых качеств правосудия как деятельности по восстановлению социальной справедливости в человеческом понимании этого слова. И так используемый всего лишь на 10 % от своих природных физиологических способностей мозг человека не должен со временем с помощью искусственного интеллекта и вовсе превратиться в рудимент, а сам человек в роли судьи, налогового инспектора или в любой иной роли – в формальный атрибут правосудия или администрирования, санкционирующий оптимально подобранные искусственным интеллектом проекты решений. Ведь, как известно из курса генетики, в ответственных за развитие неработающего органа генах со временем накапливаются мутационные изменения, ведущие к недоразвитию этого органа и утрате им своих первоначальных функций.

В указанной связи роль судьи в отправлении правосудия и разрешении всех видов дел должна быть самой активной, а человеческий фактор в деятельности судов и других государственных органов не должен подменяться искусственным интеллектом.

**Герасимова Наталья
Николаевна,**
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых
дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного
университета,
федеральный судья в отставке

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Судебное доказывание и доказательства в административном судопроизводстве является одним из основных процессуальных институтов и имеет основное значение для осуществления правосудия по административным делам в целях правильной и своевременной защиты прав и законных интересов лиц, обратившихся в суд. Соблюдение процедуры доказывания обеспечивает вынесение обоснованного и справедливого решения по делу, что в свою очередь позволяет достичь верховенства закона и доверия населения к судебной власти.

В последние десятилетия в качестве средства доказывания чаще стали использоваться электронные доказательства по административному делу, что вызывают определенные сложности в их представлении, исследовании и оценке. Учитывая реалии современного судопроизводства, появилось большое количество публикаций, посвященных цифровизации доказательственного процесса в межотраслевом аспекте.

Согласно Кодексу административного судопроизводства в Российской Федерации [1] (далее – КАС РФ), доказывание по административным делам имеет некоторую специфику: суд занимает более активную роль в доказывании (например, ч. 1 ст. 63), чем в арбитражном, гражданском или уголовном судопроизводствах. Активность суда и распределение бремени доказывания способствует укреплению принципа равенства сторон – «слабой стороны» (гражданин) и «сильной стороны» (публичная администрация). Применяя данный подход, суд всесторонне и более полно может установить все обстоятельства по административному делу, по собственной инициативе установить и истребовать дополнительные доказательства. Вместе с тем, суд не должен возлагать на себя обязанность сторон по доказыванию своих требований или возражений, так как должен оставаться объективным и беспристрастным по разрешению публичного спора [2].

Статьей 59 КАС РФ предусмотрены следующие средства доказывания по административному делу: объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта.

Зачастую электронные доказательства относят к одной из разновидностей письменных доказательств. Так, ч. 1.1 ст. 70 КАС РФ указывает, что

письменные доказательства могут быть получены посредством факсимильной, электронной или другой связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, по каналу видеоконференции-связи (при наличии технической возможности для такой передачи документов и материалов) либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа. Если копии документов представлены в суд в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников этих документов.

В связи с развитием электронного документооборота, цифровизации делопроизводства документы могут существовать как в письменной, так и в электронной форме. Электронные документы получили свое широкое распространение в экономической, правовой и других сферах общественной жизни.

Предложены различные определения электронного документа.

Так, Молчанов В.В. указывает, что электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [3].

Ворожбит С.П. электронные доказательства рассматривает как разновидность письменных и отмечает, что «электронный документ является письменным средством доказывания в той же степени, что и бумажный, если доказательственное значение имеют мысли, содержащиеся в нем и воспринимаемые путем прочтения письменных знаков ...» [4].

Некоторые ученые относят электронные доказательства к нетрадиционным средствам доказывания. Так, А.Т. Боннер определял, что электронный документ имеет определенные процессуальные особенности и это необходимо отразить в процессуальном законодательстве, включая КАС РФ [5]. При этом профессор отмечал, что внешнее сходство электронных документов с обычными письменными доказательствами носит лишь общий характер. Следует согласиться с мнением уважаемого ученого. Ведь ранее законодатель уже применил такое правило, когда в рамках, например, гражданского процесса выделил в качестве самостоятельных средств доказывания аудио- и видеозаписи, которые также являются цифровизованными средствами доказывания по делу. Данное средство доказывания в качестве самостоятельного предусмотрено и в КАС РФ.

Другие ученые-процессуалисты считают, что под электронными документами понимаются те, которые поступили в суд в электронном виде, либо заверены квалифицированной электронной подписью [6].

Исходя из вышеизложенного, можно установить, что нет единого мнения по вопросу определения вида доказательства – это только письменные документы или иные доказательства по делу. Но суть рассматриваемого средства доказывания сводится к тому, что это доказательство, представленное в электронной форме, содержащее информацию (сведения), значимые для административного дела.

Для принятия электронных доказательств в качестве таковых в административном судопроизводстве, суд должен определить и учесть такое свойство данного доказательства, как достоверность.

Так, электронное доказательство должно быть достоверным. В качестве письменных доказательств суды принимают электронные документы, выполненные в различных цифровых изображениях. Но необходимо соблюсти условие - возможность суду в последующем установить достоверность такого документа. К условиям достоверности относятся: указаны все требующиеся реквизиты; юридический документ соответствует всем предъявляемым к нему требованиям; в документе информация изложена точно и полно; документ предъявлен в установленные законом сроки; отсутствуют признаки подделки; документ подписан уполномоченным лицом, подпись которого действительна; отсутствуют сомнения или наличествует подтверждение того, что документ исходит от соответствующего лица.

На предмет достоверности письменные доказательства, в том числе и электронные документы, оцениваются по-разному. Оценка зависит от вида документа, его формы, способа получения и представления. При этом суд должен установить наличие или отсутствие такого обстоятельства, как оспариваемость доказательства. В некоторых случаях может проводиться экспертиза как документа в целом, так и отдельных его элементов. Тем самым, для суда при оценке электронного доказательства не важно, в какой форме выполнен документ - электронной или бумажной. Важно, чтобы документ был подлинным и имел отношение к рассматриваемому спору.

Другим немаловажным условием проверки электронного доказательства является условие его представления в суд. По данному вопросу установлены общие и специальные требования.

Оригиналы документов представляются в тех случаях, если: обстоятельства по делу должны подтверждаться только подлинниками документов в соответствии с законом; дело невозможно разрешить без подлинных документов; представленные копии документа отличаются по содержанию; суд потребовал представить подлинники документов взамен представленных электронных копий. Подлинность копий обеспечивается их заверением в установленном законом порядке, как правило, нотариальном. Лицу, участвующему в деле, в случае судебного запроса или иного требования, либо придется представить оригиналы, либо заявить о невозможности сделать это, обосновав причины.

В остальных случаях разрешается представлять электронные или бумажные копии документов. С января 2017 г. в России действует специально предусмотренный порядок подачи в суды документов в электронной форме, установленный приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Председателя Верховного Суда РФ, принятые в 2016 г. [7].

Так, к электронным документам, изначально созданным в таком виде без предварительного создания бумажного носителя, предъявляются следующие требования: формат файла должен соответствовать формату электронного документа на момент его подписания. Допустимые форматы: PDF, RTF, DOC, DOCX, XLS, XLSX или ODT, а для документов с графикой — PDF, JPEG (JPG),

PNG или TIFF; один документ - один файл размером не более 30 Мб. В названии файла указывается наименование документа и количество листов; запрещается использовать средства защиты от копирования и печати; электронный документ подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью лица, подписавшего электронный документ. Используется отсоединённая электронная подпись (в отдельном файле).

Также указанными выше приказами предъявляются специальные требования к электронным образам документов (сканам): сканирование осуществляется в масштабе 1:1; основная цветовая гамма — чёрно-белая или серая. Цветные изображения допускаются, если это имеет значение для дела и для точной цветопередачи оригинала; качество должно обеспечивать возможность корректного прочтения документа, сохранение всех его реквизитов, графической подписи, печатей и штампов; формат файла - PDF с возможностью копирования текста. Размер - не более 30 Мб; один документ размещается одним файлом, в названии которого указывается наименование документа и количество листов; электронный образ заверяется усиленной квалифицированной электронной подписью или иным способом, если это допускает процессуальное законодательство.

Такие требования устанавливаются в случае представления документов совместно с обращением в суд (иск, ходатайство и т.д.) и направляются через личный кабинет сервиса «Мой арбитр» или ГАС «Правосудие».

Вместе с тем, представление электронных документов и электронных образов в качестве доказательств непосредственно в процессе проходит по другим правилам. Электронный документ распечатывается и заверяется в том же порядке, в котором он был подписан электронной подписью. Как вариант, возможно, его заверение нотариусом. Хотя такого процессуального требования нет, но это повышает уровень доверия к документу. Суд может принять документ и в том случае, если бумажная версия будет заверена графической или простой электронной подписью лица, подписавшего электронный документ.

В связи с данными требованиями суд и руководствуется при принятии, исследовании и оценке электронных документов в административном судопроизводстве.

Отдельное место в доказывании занимают такие электронные доказательства, как телефонные смс-сообщения, переписка в мессенджерах, письма (извещения, уведомления и др.), полученные по электронной почте, размещение информации в социальных сетях и т.д. Именно при исследовании и оценке таких доказательств у суда могут возникнуть дополнительные вопросы о достоверности такого электронного доказательства. Каким образом связан текст сообщения с фактическими обстоятельствами дела? Зарегистрирован ли номер телефона или другого устройства на лицо, участвующее в деле, в том числе представителей публичной администрации? Указано ли устройство в официальных документах лиц, участвующих в деле? Ответы на указанные выше и подобные вопросы должны быть разрешены при исследовании электронных доказательств по делу.

Считаем, что такие электронные доказательства могут и должны использоваться по административным делам. Фиксацию переписки также возможно удостоверить у нотариуса во избежание утраты доказательства в будущем. Но при этом необходимо сохранить такую переписку для последующего предъявления в суде, путем обозрения ее в телефоне. Кроме того, необходимо запросить у оператора связи подтверждение факта телефонных соединений и выхода в Интернет. Тем самым, содержание переписки возможно исследовать на предмет ее доказательственного значения по делу и, тем самым, дополнить другие доказательства – объяснения сторон, показания свидетелей, и так далее.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ подтвердил возможность представления скриншотов в качестве доказательства по судебным делам, указывая при этом, что «допустимыми доказательствами являются, в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами» [8]. Вполне обоснованно, что данное разъяснение может быть применено при рассмотрении и административных дел.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить следующее. До настоящего времени национальное законодательство не выработало единого подхода к определению термина «электронное доказательство», что создает определенные трудности в правовом регулировании этого института. В связи с тем, что установлены специальные требования к электронным доказательствам (например, электронным документам), поэтому необходимо, прежде всего, регламентировать электронное доказательство в качестве самостоятельного средства доказывания с указанием особенностей его представления в суд и исследования по делу.

Список использованных источников:

1. Кодекс административного судопроизводства от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ: по сост. на 01.07.2021 // Собрании законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Герасимова Н.Н. Оценка доказательств в административном судопроизводстве // Проблемы права. 2021. № 1. – С. 102-106.
3. Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических вузов, факультетов и юристов, повышающих квалификацию. 1-е изд. / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Издательский Дом «Городец», 2017. – 464 с.
4. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2011. 25 с.
5. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М., 2015. 611 с.
6. Административное судопроизводство // Под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 560 с.

7. Порядок подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа: утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252; Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251; Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: утв. Приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 46-П) [Электронные документы]. Режим доступа из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20 ноября 2021).

8. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 [Электронный документ]. Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения 29 ноября 2021 г.).

Шавцова Алла Васильевна,
к.ю.н., доцент кафедры
конституционного права
Белорусского государственного
университета

Синицына Анна Михайловна,
к.ю.н., доцент кафедры
конституционного права
Белорусского государственного
университета

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧРЕЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь сформировалась особая практика реализации доступа граждан к конституционному правосудию.

В условиях отсутствия института конституционной жалобы частью первой статьи 27 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон «О конституционном судопроизводстве») предусмотрена возможность опосредованного обращения граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, организаций (за исключением государственных органов) в Конституционный Суд через субъектов, уполномоченных вносить в Конституционный Суд предложения о проверке конституционности нормативных правовых актов.

Данные обращения именуются «инициативными обращениями» и могут быть направлены в адрес Президента, палат Парламента, Правительства, Верховного Суда гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями, организациями (за исключением государственных органов), полагающими, что права, свободы и законные интересы (для

организаций) нарушаются применением нормативного правового акта, в конституционности которого они сомневаются.

Ежегодно в уполномоченные органы поступает от 50 до 100 инициативных обращений граждан и юридических лиц, в которых ставятся вопросы о необходимости проверки конституционности отдельных положений нормативных правовых актов. Однако в 2021 г., как и в предшествующие годы (за исключением 2014 г.), предложений, основанных на инициативных обращениях, от уполномоченных субъектов в Конституционный Суд не поступало [1].

Таким образом, институт инициативных обращений в Республике Беларусь при отсутствии права на индивидуальную конституционную жалобу практически не позволяет гражданам реально инициировать рассмотрение дел в Конституционном Суде о проверке конституционности нормативных правовых актов, нарушающих, по их мнению, конституционные права и свободы, и не позволяет в полной мере обеспечить эффективную и надлежащую защиту прав и свобод граждан в случае исчерпания иных правовых средств защиты [2].

Непосредственно в Конституционный Суд граждане имеют право обратиться в порядке, предусмотренном статьей 158 Закона «О конституционном судопроизводстве». В соответствии с положениями названной статьи основанием для возбуждения производства по делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности могут являться поступившие в Конституционный Суд обращения государственных органов, иных организаций, а также граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, содержащие информацию о наличии в нормативных правовых актах пробелов, коллизий и правовой неопределенности.

Ежегодно с информацией о наличии в законодательном регулировании пробелов, коллизий и правовой неопределенности в белорусский орган конституционной юстиции обращается более 600 граждан и юридических лиц.

Вместе с тем, следует отметить, что только единицы из поступивших обращений становятся предметом рассмотрения Конституционного Суда, поскольку его Секретариатом прodelывается колоссальная работа по исследованию приемлемости обращений и наличии оснований для возбуждения производства по делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности.

В некоторой степени здесь прослеживаются элементы прямого доступа к конституционному правосудию. Однако по результатам рассмотрения указанных обращений Конституционный Суд не может принять заключение о неконституционности нормативного правового акта полностью либо в части, в решении об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности Конституционный Суд может лишь предложить принять меры по их устранению, при этом такое решение Конституционного Суда не является основанием для пересмотра в установленном порядке судебных постановлений, прекращения действия принятых (изданных) актов государственных органов, должностных лиц.

В связи с этим следует согласиться с мнением С.П. Чигринова, утверждающего, что обращения граждан, государственных органов и иных организаций, содержащие информацию о наличии в нормативных правовых актах пробелов, коллизий и правовой неопределенности, нельзя рассматривать в качестве полноценной индивидуальной конституционной жалобы [3].

Аналогичная ситуация в отношении права граждан на обращение в Конституционный Совет и конституционную жалобу складывается в настоящий момент и в Казахстане. Возможности прямого обращения граждан в Конституционный Совет Республики Казахстан очень ограничены. Это следует из анализа статьи 72 Конституции Республики Казахстан, где перечислены субъекты обращения. Согласно абз. 1 этой статьи ими являются Президент республики, председатель Сената, председатель Мажилиса, Премьер-министр и не менее одной пятой общего числа депутатов Парламента. Как и в Республике Беларусь Конституционный Совет Казахстана согласно абз. 2 ст. 72 Конституции наряду с другим субъектами рассматривает обращения судов в случаях, установленных ст. 78 Конституции, в том случае, когда какой-либо «суд усмотрит, что закон или иной нормативный правовой акт, подлежащий применению, ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина». В обоих государствах процедура одинаковая: суд обязан приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Совет/ Конституционный Суд с представлением о признании этого акта неконституционным.

Таким образом, в обоих государствах в настоящее время граждане могут только как участники судебного процесса указать на то, что, по их мнению, правовая норма, подлежащая применению в конкретном споре, неконституционна. Таким путем они могут только побудить суд к тому, чтобы он приостановил процесс и представил соответствующий правовой вопрос в Конституционный Совет/ Конституционный Суд для принятия по нему решения. «Но если суд не прислушается к мнению участника процесса и вынесет решение по делу на основании спорного положения закона, то гражданин в лучшем случае может обжаловать принятое судом решение, но не может напрямую обратиться в Конституционный Совет. Точно так же это исключено и в отношении решений, принимаемых апелляционной и ревизионной инстанциями. И здесь тоже право обращения в Конституционный Совет имеют исключительно апелляционные или ревизионные суды, но не участники судебного процесса» [4].

Ввиду недостаточной эффективности механизма косвенного доступа к конституционному правосудию в Республике Беларусь уже более 20 лет обсуждается необходимость учреждения института конституционной жалобы.

Еще в 1999 г. Конституционный Суд отметил целесообразность внедрения данного института для надлежащей реализации положений статьи 61 Конституции, закрепляющих возможность обращения в различные международные организации с целью защиты своих прав и свобод лишь после исчерпания всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты [5]. Кроме того, как отмечает Г.А. Василевич, в период 1997-2008 годов на основании статьи 7, части четвертой статьи 122, части первой статьи 116,

статьи 137 и других статей Основного Закона Конституционный Суд активно развивал институт конституционной жалобы, проверяя акты местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов [6].

В отечественной науке конституционного права также неоднократно высказывались предложения о необходимости внедрения института конституционной жалобы в национальную правовую систему.

В частности, Г.А. Василевичем поддерживалась идея о необходимости в перспективе внедрения института конституционной жалобы как механизма, предоставляющего гражданам право обращаться в Конституционный Суд в случае исчерпания всех иных возможностей защиты своих прав и свобод [7].

Анализ трудов белорусских ученых-конституционалистов, поддерживающих идею о необходимости обеспечения непосредственного доступа граждан к конституционному правосудию, свидетельствует о том, что относительно варианта законодательного закрепления института конституционной жалобы в Республике Беларусь в науке не был выработан единый подход.

Одна группа авторов настаивала на том, что положения статьи 60 Конституции, гарантирующие каждому судебную защиту его прав и свобод, возможно рассматривать как конституционное закрепление права на непосредственное (прямое) обращение в Конституционный Суд. Такая позиция обосновывалась включением норм о Конституционном Суде в главу 6 Конституции «Суд» [8; 9].

Другие – исходили из необходимости внесения соответствующих изменений в Конституцию, Кодекс о судостроительстве и статусе судей либо принятия специального закона. Так, С.А. Калинин отмечает, что для реализации конституционной жалобы требуется закрепление надлежащих процессуально-процедурных норм, то есть принятие соответствующего закона. Автор также считает целесообразным в случае принятия решения о введении конституционной жалобы придать соответствующему закону статус экспериментального, определив срок, условия и прогнозируемые итоги введения данной жалобы [10].

Однако далеко не все авторы с таким предложением соглашались. Например, Н.В. Сильченко отмечал, что вносить изменения в Основной Закон в целях дополнения механизма защиты прав и свобод человека и гражданина индивидуальной конституционной жалобой нецелесообразно, поскольку, во-первых, существующий механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь не исчерпал свой потенциал и, во-вторых, дополнение данного механизма непосредственной индивидуальной конституционной жалобой не способно существенно усилить его эффективность [11].

Однако перспектива обеспечения прямого доступа граждан к конституционному правосудию обозначилась в Республике Беларусь лишь в настоящее время в рамках работы над проектом изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь (далее – Проект). В январе 2022 года проект вынесен на всенародное обсуждение и его принятие предполагается на предстоящем в феврале 2022 года республиканском референдуме.

Так, частью пятой статьи 116¹ Проекта предусмотрено, что Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты. Таким образом предложена модель конституционной жалобы как основания для осуществления конкретного конституционного контроля.

В соответствии с предложенной формулировкой конституционной нормы проверке подлежат лишь положения законов. Однако зарубежный опыт государств (в частности, Российской Федерации), в которых институт конституционной жалобы успешно функционирует, свидетельствует о целесообразности предоставления возможности гражданам оспаривать в рамках конституционного судопроизводства не только положения законов, но и иных нормативных правовых актов, примененных в отношении них в конкретном деле и нарушающих их конституционные права и свободы.

В связи с этим поддерживаем позицию Г.А. Василевича [12], Т.С. Масловской [13] относительно необходимости расширения предмета конституционной жалобы.

Следует также отметить, что на сегодняшний день институт инициативных обращений, призванный служить альтернативой институту конституционной жалобы до его учреждения в Республике Беларусь, предоставляет возможность не только гражданам, но и индивидуальным предпринимателям, организациям, полагающим, что их права, свободы и законные интересы (для организаций) нарушаются применением любого нормативного правового акта (не только закона), в конституционности которого они сомневаются, обратиться к уполномоченному органу с инициативой о внесении в Конституционный Суд соответствующего предложения.

Учитывая вышеизложенное, полагаем целесообразным изложить часть пятую статьи 116¹ Проекта в следующей редакции:

«Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения:

по жалобам на нарушение конституционных прав, свобод, законных интересов, проверяя конституционность нормативного правового акта, примененного в конкретном деле в отношении гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, юридического лица, если исчерпаны все другие средства судебной защиты;

по запросам судов, проверяя конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел».

В целом можно констатировать положительные тенденции как в Республике Беларусь, так и в Казахстане в сфере обеспечения непосредственного доступа к конституционному правосудию посредством института конституционной жалобы. Принятие изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь может легализовать конституционную жалобу и стать эффективным средством правовой защиты прав и основных свобод граждан.

Список использованных источников:

1. Сеницына, А.М. Теоретико-прикладные проблемы оптимизации судебного конституционного контроля в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. М. Сеницына. – Минск, 2020. – 284 л.
2. Сеницына, А. М. Перспективы учреждения в Республике Беларусь института конституционной жалобы как средства защиты прав и свобод человека, применимого до обращения в международные организации / А. М. Сеницына // О конституционном праве граждан Республики Беларусь на обращение в международные организации : материалы круглого стола, посвящ. 70-летию принятия Всеобщ. Декларации прав человека ООН, Минск, 15 дек. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; под ред. Г. А. Василевича, А. В. Шавцовой. – Минск, 2019. – С. 100–107.
3. Чигринов, С.П. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь / С.П. Чигринов // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования: Материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (Минск, 27-28 июня 2014 г.) / Конституционный Суд Республики Беларусь; ред. кол.: О.Г. Сергеева [и др.]. – Минск: Белорусский дом печати, 2014. – 256 с.
4. Пуделька, Й. Возможности обращения граждан в Конституционный Совет Республики Казахстан: состояние и перспективы / https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31061251&pos=4;-106#pos=4;-106
5. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 1998 году [Электронный ресурс]: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 28 янв. 1999 г., № Р-75/99 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
6. Василевич, Г.А. Конституционное правосудие / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 326 с.
7. Василевич, Г. А. Конституционное правосудие : учеб. пособие / Г. А. Василевич. – Минск : Издат. центр Белорус. гос. ун-та, 2014. – 278 с.
8. Пляхимович, И.И. Основной закон Беларуси и конституционная жалоба / И.И. Пляхимович // Конституция Республики Беларусь: 16-летний опыт применения : материалы круглого стола, состоявшегося 15 марта 2010 год на юридическом факультете Белорусского государственного университета / [научный редактор Г.А. Василевич]. – Минск, 2010. – С. 87-91.
9. Марышкин, А.В., Подгруша, В.В. Теоретические и практические аспекты, связанные с реализацией индивидуальной конституционной жалобы / А.В. Марышкин, В.В. Подгруша // Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Минск : БГУ, 2010. – С. 53-62.
10. Калинин, С.А. О методологических условиях введения конституционной жалобы / С.А. Калинин // Конституция Республики Беларусь: 16-летний опыт применения : материалы круглого стола, состоявшегося 15 марта 2010 год на юридическом факультете Белорусского государственного университета / [научный редактор Г.А. Василевич]. – Минск, 2010. – С. 146-150.

11. Сільчанка, М.У. Аб правовой прыродзе актаў Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь у сувязі з магчымым увядзеннем інстытута канстытуцыйнай скаргі / М.У. Сільчанка // Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Минск : БГУ, 2010. – С. 131-133.

12. Василевич, Г.А. Расширение правового статуса человека – важнейшая часть модернизации Конституции Республики Беларусь / Г.А. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 4. – С. 15–17.

13. Масловская, Т.С, Плюгина, И.В. Модернизация конституционного статуса личности в свете конституционных преобразований / Т.С. Масловская, И.В. Плюгина // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2021. – № 2 – С. 87–95.

Теплякова Ольга Андреевна,
к.ю.н., доцент кафедры
теоретических и публично-
правовых дисциплин
Тюменского государственного
университета

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАМКАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цифровизация судопроизводства – это современный тренд, ученые исследуют потенциал и риски электронного судопроизводства. На современном этапе цифровизация судопроизводства идет постепенно, внедряются лишь отдельные элементы. В настоящее время возможности искусственного интеллекта для принятия итогового решения по делу рассматриваются скорее в качестве темы для дискуссий, чем для реализации в ближайшем будущем.

В рамках данной статьи мы хотели бы обратить внимание на риски связанные с искусственным интеллектом в ключе реализации права на образование и в ключе возникновения нового регулирования в сфере образования в связи с пандемией Covid-19 и в связи с вынужденной цифровизацией.

Социально-экономические условия реализации права на образование в условиях пандемии Covid-19.

Пандемия Covid-19 повлекла изменение в порядке реализации права на образование на всех уровнях образования, при этом возник целый ряд ограничений в сфере доступности права на образования [1-6]. Основное ограничение доступа к образованию в условиях пандемии Covid-19 связано с отсутствием доступа к сети интернет. Анализ статистических данных по России о степени доступности к сети Интернет с точки зрения технической возможности подключения показал, что около 18 млн человек в России не имеют в населенном пункте их проживания доступа к сети интернет, что

составляет около 12 % населения России. Статистические данные о доле домашних хозяйств, имеющих доступ в интернет с домашнего компьютера, показывают, что около 35 % семей не имеют такого доступа. Причиной отсутствия такого доступа может быть как доход семьи, так и отсутствие потребности в компьютере в домашних условиях. В данной ситуации необходимо обратить внимание на то, что необходимость иметь компьютер для получения общего образования делает данное образование отчасти платным для семей, поскольку семьи для обеспечения образования детей вынуждены купить компьютер, поскольку в настоящее время не разработаны меры, позволяющие получить данный компьютер бесплатно. Таким образом, реализация права на образование через интернет не доступна приблизительно для 35 % семей, имеющих детей.

Судебные дела в сфере реализации права на образование в условиях пандемии Covid-19.

Статья 20.6.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривает ответственность за невыполнение правил поведения при введении «режима повышенной готовности». Однако данная статья не предусматривает сами правила, которые следуют соблюдать при введении режима повышенной готовности. Такие правила установлены российским федеральным и региональным законодательством. На федеральном уровне – это Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. N 417 "Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации". На региональном уровне каждый субъект федерации принимает свои правила.

В частности, в суде было рассмотрено дело, в рамках которого к административной ответственности привлекалась гражданка Утюжникова В.В., которая нарушила режим повышенной готовности и вышла из дома, чтобы получить школьное задание сыну, однако данная причина не предусмотрена в законодательстве, как обоснованная. Согласно законодательству соответствующего субъекта Российской Федерации, а именно согласно Указу Главы Республики Бурятия от 13.03.2020 N 37 "О дополнительных мерах по защите населения и территории Республики Бурятия от чрезвычайной ситуации, связанной с возникновением и распространением инфекции, вызванной новым типом коронавируса (COVID-2019)" граждане имели право покидать дом только по определенным причинам, среди них следующие:

- для обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и случаев иной прямой угрозы жизни и здоровью,
- для следования к месту (от места) осуществления деятельности (в том числе работы), которая не приостановлена в соответствии с настоящим указом,
- для следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, реализация которых не ограничена в соответствии с настоящим указом;
- для выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 метров от места проживания (пребывания),
- для выноса отходов до ближайшего места накопления отходов;

- а также при следовании к близким родственникам старше 65 лет в случае доставки им на дом продуктов питания (лекарственных препаратов), ухода на дому за лежачими, тяжелобольными близкими родственниками, смерти (гибели) близких людей

- и иных случаях крайней необходимости.

Гражданка Утюжникова В.В., покинула место своего жительства для получения школьного задания сыну, поскольку у нее не имелось доступа к интернету, а также домашнего компьютера и телефона с доступом в интернет. Она действовала в рамках своих конституционных обязанностей – обеспечить основное общее образование. Однако формально юридически она действительно нарушила режим повышенной готовности, поскольку законодатель не предусмотрел никаких вариантов обеспечения права на образование, кроме как в дистанционной форме через информационно-коммуникационные сети.

Минпросвещения Российской Федерации установило обязанность образовательных организаций осуществлять контактную работу педагогических работников с обучающимися «исключительно в электронной информационно-образовательной среде», в соответствии приказом Министерства просвещения РФ от 17 марта 2020 г. № 104 "Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, образовательные программы среднего профессионального образования, соответствующего дополнительного профессионального образования и дополнительные общеобразовательные программы, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации".

Таким образом, приказ Минпросвещения № 104 обязал работать школы только по интернету, при этом не все школьники были обеспечены указанным интернетом. А региональные правила не предусмотрели причину выхода из дома – дойти до источника интернета.

Мы полагаем, что рассмотренный кейс – это пример пробельности правового регулирования. Данный пробел мог быть устранен двумя способами:

- 1) путем расширения перечня обоснованных причин покидать место жительства в условиях режима повышенной готовности;
- 2) путем предоставления возможности работать школам дистанционно не только в интернет среде, но и путем передачи заданий иным образом.

Принцип правовой определенности и роль судьи при принятии решений в условиях пробельности правового регулирования.

Граждане находятся в ситуации правовой неопределенности, как именно они могут реализовать свои права и исполнить обязанности. В частности, как реализовать право на образование, если отсутствует интернет, в условиях, когда альтернативы в нормативных актах не установлено. Как родителям реализовать обязанность обеспечить детьми получение образования, опять же если нет компьютера и выходить из дома для доступа к компьютеру запрещено.

Кейс с Утюжниковой В.В. закончился наложением на нее взыскания в форме предупреждения.

Возвращаясь к возможностям искусственного интеллекта в административном производстве, возникает вопрос, как искусственный интеллект может оценивать значимость конституционных ценностей, таких как здоровье и безопасность граждан или право на образование. Обе эти ценности должны реализовываться в условиях текущей пандемии и возможных будущих катаклизмов, однако законодатель учел не все аспекты социально-экономической ситуации в стране и фактически приостановил возможность получения школьного образования для учащихся, у которых нет интернета. В данном кейсе судья, пытаясь соблюсти баланс ценностей здоровья и образования наложил наименьшее взыскание. Но это был реальный судья, который принимал решения на основе своих внутренних убеждений, а также принципа справедливости и законности. Если же речь идет об искусственном интеллекте, то возникает вопрос каким образом вложить ценности современного демократического общества в искусственный интеллект и обеспечить нравственный выбор.

Мы полагаем, что принцип справедливости при рассмотрении дел об административных правонарушениях может быть реализован только судьей непосредственно. Включение искусственного интеллекта в процесс судопроизводства – это вопрос весьма дискуссионный и требует дальнейшего обсуждения в научном сообществе.

Финансирование: работа выполнена при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07134.

Список использованных источников:

1. Oyedotun T. Sudden change of pedagogy in education driven by COVID-19: Perspectives and evaluation from a developing country // *Research in Globalization*. 2020. Volume 2, December 2020, 100029.
2. Netta Iivari N., Sharma S., Ventä-Olkkonen L. Digital transformation of everyday life – How COVID-19 pandemic transformed the basic education of the young generation and why information management research should care? // *International Journal of Information Management*. Volume 55, December 2020, 102183.
3. Lee S.J., Ward K.P., Downing K.M. Parenting activities and the transition to home-based education during the COVID-19 pandemic // *Children and Youth Services Review*. Volume 122, March 2021, 105585
4. Lokanath Mishra L., Gupta T., Shree A. Online teaching-learning in higher education during lockdown period of COVID-19 pandemic // *International Journal of Educational Research*. Volume 1, 2020, 100012.
5. Rose Gelineau-Morel R., Dilts J. Virtual Education during COVID-19 and Beyond // *Pediatric Neurology*. 9 March 2021
6. Quesada-Rodríguez C., Orientale C., Sellés-Ríos B. Impact of 2020 COVID-19 lockdown on environmental education and leatherback sea turtle (*Dermochelys coriacea*) nesting monitoring in Pacuare Reserve, Costa Rica // *International Journal of Educational Development*. Volume 82, April 2021, 102377.

Мусин Қанат Қалқаманұлы,
з.ғ.к., Қазақстан Республикасы
Жоғарғы Сотының жанындағы
Сот төрелігі академиясы
Мемлекеттік-құқықтық
пәндердің ғылыми-білім беру
орталығының доценті

Ералиев Дәурен Еркінұлы,
Қазақстан Республикасы
Жоғарғы Сотының жанындағы
Сот төрелігі академиясының
түлегі

ЖАРИЯ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ДАУЛАР БОЙЫНША СОТ МЕДИАЦИЯСЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІГІ

Заманауи демократиялық мемлекетте жария-құқықтық қатынастар құқықтық қатынастардың ішінен негізгі орынды алады. Қазақстан Республикасы өзін құқықтық мемлекет ретінде орнықтырады [1]. Оған сәйкес мемлекет пен адам арасындағы қарым-қатынастарда адамның құқықтары мен бостандықтары мемлекет мүддесінен жоғары болады және мемлекеттік билік құқықпен шектеледі.

Адамдар мен ұйымдардың әкімшілік органдармен жария-құқықтық қатынастарында құқықтары мен заңды мүдделерінің қорғалуын жетілдіру мәселесі әрдайым Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі үшін өзекті болып келеді. Дауды шешудің тиімді әрі тез жолының бірі дауды соттан тыс реттеу, оның ішінде медиация рәсімі болып табылады.

Қазақстан Республикасының 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық саясат тұжырымдамасымен айқындалған ұлттық заңнаманың негізгі салаларын айтарлықтай жаңарту жөніндегі [2] реформалар аясында Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі (одан әрі – ӘРПК) қабылданып, 2021 жылғы 1 шілдеден бастап жария-құқықтық қатынастар ӘРПК-мен реттелуде.

ӘРПК қабылданғанға дейін жария-құқықтық даулар бойынша істі тараптардың татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісім жасасу арқылы шешу мүмкін болмаған.

Азаматтық құқықтық қатынастар мен әкімшілік құқықтық қатынастар құқықтық табиғатынан өзара түбегейлі ерекшеленеді және жария-құқықтық қатынастардан туындайтын даулардың реттелуі Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінен (бұдан әрі – АПК) ӘРПК-не өтуінің бірден-бір белгісі.

Бұл ретте азаматтық істер бойынша дауды татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісім жасасу арқылы шешуде қалыптасқан дағдылар мен тәжірибені жария-құқықтық дауларды шешу кезінде қолдану мүмкін бола бермейді.

ӘРПК қолданысқа енгізілгенмен, жария-құқықтық даулар бойынша сотта медиация рәсімдерін жүргізуге, дауды медиация тәртібімен реттеу туралы келісімді қарап, келесі орын алған түсініспеушіліктер мен кедіргілерді шешу арқылы заңнаманы жетілдіру қажет етіледі.

Сондықтан, жария-құқықтық даулар бойынша сот медиациясын жүргізумен байланысты туындайтын әкімшілік құқықтық қатынастарды кешенді зерттеу мен әкімшілік заңнаманы жетілдіру жолдарын айқындау тақырыптың өзектілігін арттырады.

Жария-құқықтық даулар туралы сот медиациясының ерекшелігін талқыламас бұрын жария-құқықтық қатынастар мен медиациясы ұғымдарының түсінігін ашып кеткен жөн.

Жария-құқықтық қатынастар – субъектінің бірі ретінде өзінің билік өкілеттіктерін жүзеге асыру арқылы мемлекет атынан әрекет ететін әкімшілік орган немесе лауазымды адам қатысатын құқықтық қатынастар [3].

Жария-құқықтық қатынастарға тән белгілер:

- бұл әрдайым биліктік қарым-қатынасы, яғни қарым-қатынас қатысушылардың бірінің мемлекеттік өкілеттіктерін жүзеге асыруына байланысты туындайды;

- субъектілердің бірі әрқашан жария тұлға болып табылады. Яғни, әкімшілік орган немесе лауазымды адам;

- құқықтық қатынастардың пайда болуы және тоқтатылуы құқық қолданумен байланысты.

Демек, жария-құқықтық қатынастар құқық субъектілері арасында бірінің екіншісіне қатысты өзінің билік өкілеттіктерін жүзеге асыруынан туындайды. Ал, осы қатынастар барысынла орын алған даулар жария-құқықтық даулар деп түсінеміз.

ӘРПК-нің енгізген жаңалықтарының бірі, жария-құқықтық дауларды сотта татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісім жасасу арқылы дауды бейбіт жолмен шешу арқылы әкімшілік істі толығымен немесе ішінара аяқтау мүмкіндігі [4].

ҚР «Медиация туралы» заңына сәйкес, медиация – тараптардың ерікті келісімі бойынша жүзеге асырылатын, олардың өзара қолайлы шешімге қол жеткізуі мақсатында медиатордың (медиаторлардың) жәрдемдесуімен тараптар арасындағы дауды (дау-шарды) реттеу рәсімі, ал медиатор - медиация туралы заңның талаптарына сәйкес кәсіби және кәсіби емес негізде медиация жүргізу үшін тараптар тартатын тәуелсіз жеке тұлға [5].

Медиатор тараптарға медиация рәсімін барысында көмек көрсетеді, әрқашанда олардың қажеттіліктері мен еріктерін тыңдайды және тараптарға өз көз-қарастары мен пікірін міндеттемейді [6].

Медиация рәсімінің дауды шешудің басқа балама жолдарынан айырмашылығы тараптарға ортақ ымыраға келуге жәрдемдесетін медиатордың қатысуы, медиатор өз кезегінде бейтарап және даудың бір жақты шешілуіне мүдделі болмауы тиіс.

Медиатор дәлелдерді зерттемейді және тараптардың талаптарына құқықтық баға бермейді, оның міндеті – тараптар арасында келіссөздер жүргізу үшін жағдайлар жасау, даудың (жанжалдың) мәнін – тараптар даулап отырған

мән-жайларды, сондай-ақ барлық қатысушылар үшін қолайлы шарттармен оларды шешудің ықтимал жолдарын талқылауға көмек беру болып табылады [7].

ӘРПК қабылданғанға дейін жария-құқықтық даулар бойынша медиация рәсімі арқылы дауды бейбіт жолмен шешу мүмкін болмаған және оның себебін жария-құқықтық қатынас субъектілері арасында бірінің екіншісіне қатысты билік өкілеттіктерін жүзеге асыруымен байланыстырған.

ӘРПК 120-бабының 8-бөлігіне сәйкес, сот (судья) тараптардың татуласуы үшін шараларды қабылдайды, оларға дауды процестің бүкіл сатысында реттеуге жәрдемдеседі [4]. Медиация туралы заңға енгізілген өзгерістерге сай, АПК және ӘРПК-ге сәйкес сотта татуластыру рәсімдерін жүргізу кезінде судьялар медиатор қызметін кәсіби емес негізде жүзеге асыра алады [8]. Яғни әкімшілік істер бойынша да дауды судья медитордың көмегімен шешу мүмкіндігі көзделген.

Сот медиациясы ұғымын екі түрлі түсінуге болады, біріншісі сотта дауды қарау барасында сырттан медиаторды тарту арқылы медиация рәсімін жүргізу болса, екіншісі сотта дауды қарау барысында судья медиатормен медиация рәсімін жүргізуі.

Табысты медиатордың бойында мынандай алты қасиет болуы қажет:

1) эмпатия – тараптармен ойдағыдай қарым-қатынас орнатып, олармен келіспесе де, ұстанымдарын түсіне білу, тараптардың ой-тұжырымдарын өзгертуіне ықпал ету қабілеті;

2) шыдамдылық – тараптарды асықтырмай, тиісті қадамға баруын күту;

3) өз-өзіне сенімді болу – тараптарды дауды реттеуге болатынына иландыру, тараптарды оңтайлы шешім қабылдауға ешкім жетелемейтініне шешімді, өздері өабылдайтынына сендіре білу;

4) ой айқындығы – жаңа ақпарат алып, дауды реттеуге жол ашатын, көкейге қонатын сұрақтар қоя білу;

5) тапқырлық – келіссөздер тығырыққа тірелгеніне немесе сәтсіз аяқталуға шақ қалғанда жаңа ой-ұсыныстар жасап, тараптарды тығырықтан шығу жолдарын табуға ынталандыра білу қабілеті;

6) төзімділік – медиация сессиялары ұзаққа созылуы мүмкін, мәмілеге келу мүмкіндігі артқанда тараптар үзіліссіз жұмыс істеуі ықтимал, осыған дайын болу керек [9].

Атап өткен қасиеттерден бөлек судья медиатор медиация рәсімін жүзеге асыру барысында судья ретінде емес, медиатор ретінде әрекет ете білу керек. Сонымен қатар, судья медиатор тараптармен келіссөздер жүргізу барысында түрлі медиативтік техникалырды қолданып, келіссөздер жүргізуге қиын тараптармен қарым-қатынас орната білуі қажет.

Медиация туралы заңның 9-бабына сәйкес, медиатордың қызметі кәсіби негізде (кәсіпқой медиатор) және кәсіби емес негізде (қоғамдық медиатор) жүзеге асырылуы мүмкін. Медиатор қызметін кәсіби емес негізде қырық жасқа толған және кәсіпқой емес медиаторлар тізілімінде тұрған адамдар немесе ӘРПК-не сәйкес сотта татуластыру рәсімдерін жүргізу кезінде судьялар жүзеге асырса, кәсіби негізде жоғары білімі бар, жиырма бес жасқа толған, ҚР Үкіметі айқындайтын тәртіппен бекітілетін, медиаторларды

даярлау бағдарламасы бойынша оқытудан өткенін растайтын құжаты (сертификаты) бар және кәсіпқой медиаторлар тізілімінде тұрған адамдар; отставкадағы судьялар жүзеге асыра алады [5].

Демек, жария-құқықтық даулар бойынша медиация рәсімін кәсіпқой медиатормен қатар, кәсіби емес медиатор жүзеге асыруы мүмкін. Бұл ретте жария-құқықтық даулар бойынша кәсіби емес медиатор ретінде медиация рәсімін қырық жасқа толған және кәсіпқой емес медиаторлар тізілімінде тұрған адамдардың жүзеге асыру сұрақтар туындатады. Күнделікті тұрмыстық, отбасылық, азаматтық дауларды судья болып табылмайтын кәсіпқой емес медиаторлар қатысуы орында болса, тараптың бірі әкімшілік орган болып табылатын және билік ету өкілеттіктерін жүзеге асырумен байланысты күрделі жария-құқықтық қатынастарда судья болып табылмайтын кәсіпқой емес медиаторлардың дауды шешуде мүмкіндіктері шамалы.

Жоғарыдағылардың негізінде келесі тұжырымға келуге болады. Жария-құқықтық даулар күнделікті тұрмыстық дауларға қарағанда күрделі болып келеді және мемлекеттік басқару саласындағы арнайы білім мен тәжірибені қажет етеді. Алайда, медиация рәсімін жемісті аяқтау үшін арнайы білім мен тәжірибе жеткіліксіз. Себебі, медиатор медиативтік техникаларды қолдана білуі және тараптармен қарым-қатынас орната білуі қажет. Сәйкесінше жария-құқықтық дауларға медиатор ретінде медиация рәсімдерін жүргізуге байланысты арнайы дайындықтан өткен, тиісті білімі мен тәжірибесі бар кәсіпқой медиаторлар мен кәсіби емес медиатор ретінде тек қана судья медиаторларды тартқан жөн.

Жария-құқықтық дауларда сот медиациясын енгізу барысында басқа шет елдердің оң тәжірибесін ескеру қажет. Мемлекеттердің әкімшілік заңнамаларын салыстыру үшін үлгілі модель ретінде романо-германдық құқықтық жүйесіндегі әкімшілік юстиция институты кеңінен дамыған Германия Федеративтік Республикасын (одан әрі – ГФР), сонымен қатар, құқықтық даму тарихы қиылысқан және құқықтық базасы ұқсас келетін Кеңес одағының құрамында болған мемлекет ретінде Әзірбайжан Республикасын (одан әрі – ӘР) алуға болады.

Кесте – 1. ҚР ӘРПК-нің 120-бабының 1-бөлігін шетел заңнамасының тиісті нормаларымен салыстыру.

р/с	Қазақстан Республикасының ӘРПК	Әзірбайжан Республикасының «Әкімшілік іс жүргізу кодексі»	ГФР «Әкімшілік соттар туралы» заңы
1	120-бап 1-бөлік Тараптар өзара жол беру негізінде әкімшілік процестің барлық сатысында (кезеңінде) сот шешім шығаруға кеткенге дейін татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісім жасасу арқылы әкімшілік істі толығымен немесе ішінара аяқтай алады. Жауапкердің әкімшілік қалауы болған кезде тараптардың татуласуына жол	66-бап 1-бөлік Тараптар дауды толық немесе ішінара шешу мақсатында, егер олар даудың нысанасына қатысты билік ету құқығына ие болған жағдайда, бітімгершілік келісімін жасасуы	§ 106 Дауды толық немесе бір бөлігінде шешу үшін қатысушылар, егер олар бітімгершілік келісімінің мәніне билік ете алатын болса, бітімгершілік келісім жасай алады [10]

беріледі [4].	мүмкін [10].	
---------------	--------------	--

* авторлармен құрастырылған

Жоғарыдағы кестеге сәйкес үш мемлекетте де жария-құқықтық даулар бойынша дауды татуласу рәсімі арқылы аяқтауға жол беріледі.

Алайда, ҚР-ның заңнамасымен ғана жауапкердің немесе әкімшілік органның әкімшілік қалауының болуы алғы шарт ретінде бекітілген.

Ал, ӘР мен ГФР заңдарына сәйкес қатысушылардың даудың нысанына билік ете алған жағдайда жол беріледі.

Кесте – 2. ӘРПК-нің 120-бабының 3-бөлігін шетел заңнамасының тиісті нормаларымен салыстыру.

р/с	Қазақстан Республикасы	Әзірбайжан Республикасы	Германия Федеративтік Республикасы
2	120-бап 3-бөлік Татуласу немесе медиация туралы келісім жазбаша нысанда жасалады және оған тараптардың немесе олардың өкілдері қол қояды [4].	66-бап 1-бөлік Бітімгершілік келісімнің мазмұны сот отырысының хаттамасында көрсетіледі [10].	§ 106 Бітімгершілік келісім соттың хаттамасына немесе өтінішхат жіберілген судьяның немесе уәкілетті судьяның хаттамасына енгізіледі [10].

* авторлармен құрастырылған

Жоғарыдағы кестеден тек қана ҚР заңнамасында татуласу келісімінің жазбаша нысанда жасалу және тараптардың оған қол қою міндетін байқауға болады, ал салыстырудағы басқа елдерде татуласу келісімінің міндетті жазбаша нысаны талап етілместен, татуласу келісімнің сот отырысының хаттамасында көрсетілетіні бекітілген.

Кесте – 3. ӘРПК-нің 120-бабының 9-бөлігін шетел заңнамасының тиісті нормаларымен салыстыру.

р/с	Қазақстан Республикасы	Әзірбайжан Республикасы
3	120-бап 9-бөлік Сот татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісімді, егер оның шарттары заңға қайшы келетін болса немесе басқа да адамдардың құқықтарын, бостандықтары мен заңды мүдделерін бұзатын болса, бекітпейді [4].	66-бап 2-бөлік Егер бітімгершілік келісімді жасасу қоғамдық қауіпсіздік пен қоғамдық тәртіпті қорғауға байланысты заңнамаға қайшы келсе, сот бітімгершілік келісімді бекітуден бас тартуы мүмкін. Егер дауды шешу қоғамның ерекше қызығушылығын тудырса, сот бітімгершілік келісімді бекітуден бас тартуы мүмкін [10].

* авторлармен құрастырылған

ҚР заңнамасына сәйкес келісімін бас тартудың негізі ретінде келісімнің заңнамаға қайшы келуі немесе басқа да адамдардың құқықтарын, бостандықтары мен заңды мүдделерін бұзуы себеп болуы мүмкін. Ал, Әзірбайжан Республикасы заңнамасынан сәйкес дауды шешу қоғамның ерекше қызығушылығын тудыруы келісімді бекітуден бас тартуға қосымша негіз болуы мүмкін екенінін байқауға болады.

Бұл ретте Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2019 жылғы 30 мамырдағы № 348 қаулысымен ұсынылған Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінің жобасында көзделген қоғамдық тәртіп пен қоғамдық қауіпсіздікті қозғайтын келесімді бекітуден бас тарту нормасының Әзірбайжан Республикасының заңнама нормасымен ұқсастығын айта кеткен жөн [11].

Кесте – 4. ӘРПК-нің 120-бабының 8-бөлігін және 121-бабының 2-бөлігін шетел заңнамасының тиісті нормаларымен салыстыру.

р/с	Қазақстан Республикасы	Әзірбайжан Республикасы	Германия Федеративтік Республикасы
4	120-бап 8-бөлік Сот (судья) тараптардың татуласуы үшін шараларды қабылдайды, оларға дауды процестің бүкіл сатысында реттеуге жәрдемдеседі. 121-бап 2-бөлік Медиация жүргізетін судья медиация жүргізілетін күнді тағайындайды және тараптарға оның өткізілетін уақыты мен орны туралы хабарлайды. Егер басқа адамдардың қатысуы дауды (жанжалды) реттеуге ықпал ететін болса, сот оларды медиацияға шақыруға құқылы [4].	66-бап 3-бөлік Сот, төрағалық етуші судья немесе баяндамашы-судья тараптарға сот ұйғарымы нысанындағы бітімгершілік келісім жасасуды ұсынуға құқылы. Бұл жағдайда бітімгершілік келісім тараптардың сот ұсынысына жазбаша келісімімен жасалуы мүмкін [10].	§ 106 Сот бітімгершілік келісімі қатысушылардың ұйғарым нысанында келіп түскен соттың, төрағалық етуші судьяның немесе баяндамашы-судьяның ұсынысын қабылдай отырып, соттың атына жазбаша растау арқылы жасалуы мүмкін [10].

* авторлармен құрастырылған

Жоғарыдағы салыстырмалы кестеден ҚР-ның судья медиатордың рөлі мен салыстырудағы екі мемлекеттегі судья медиатордың функциясын жүзеге асырушы судьялардың рөлдерінде айырмашылықтарды байқауға болады. Атап айтқанда, Әзірбайжан және ГФР-дағы судьялар тараптарға бітімгершілік келісімді ұсынуы және онымен тараптардың келісімдерін беруі арқылы жасасу мүмкін. ҚР-ның Кодексінде мұндай мүмкіндік жоқ және тек қана медиацияны жүргізу күнін тағайындайтыны, оның өткізілу уақыты мен орны туралы хабарлайтыны жөнінде ғана жазылған.

ҚР-ның «Медиация туралы заңының» 10-бабы 1-тармағында «медиатор медиация барысында бір мезгілде барлық тараптармен де, тараптардың жеке-жеке әрқайсысымен де кездесулер өткізуге және оларға дауды (дау-шарды) шешу жөнінде ауызша әрі жазбаша ұсынымдар беруге құқылы» - делінген [5]. Яғни, медиатор дау бойынша тараптарға дауды шешу жөнінде ұсыным бере алады. Алайда, ол ұсынымның аясы, нысаны, шегі айқандалмаған және судья медиатордың тараптарға медиация келісімін ұсынуын, осы ұсынымға жатқызуға болатыны немесе болмайтыны түсініксіз. Керісінше, бұл ұсыным тараптармен қандай да бір шешімді қабылдауға үгіттеу, мәжбүрлеу ретінде қабылданып, судьяның бейтараптылығына, объективтілігіне күмән келтіре отырып, даудық бір тараптың пайдасына шешілуіне мүдделі деп пайымдауларына себепкер болуы мүмкін.

Атап өйткендей, әкімшілік іс жүргізу тек қана өзіне тән қағидаттарға ие, соның біреуі, соттың белсенді рөлі, яғни судья тараптар ұсынған дәлелдермен

және дәлелдемелермен шектелмейді, әкімшілік істегі материалдар негізінде дауды дұрыс шешу үшін маңызы бар барлық нақты мән-жайларды зерттейді, судья өзінің алдын ала құқықтық пікірін айтуға құқылы, судья өз бастамасы бойынша мән-жайларын толық және объективті түрде зерттеу үшін қосымша мәліметтер мен дәлелдемелер жинайды [4].

Судьяның белсенді рөлін тараптарды татуластыру барысында да, кеңінен қолданған жөн. Өзірбайжан және ГФР тәжірибесіне сәйкес судьяның бітімгершілік келісімін тараптарға ұсынуы және тараптардың оны қабылдауы арқылы келісімнің жасалуы судьяның белсенді рөлінің бірден-бір көрінісі. Судьяның белсенді әрекет етуі жария-құқықтық даудың бейбіт жолмен шешілуіне қосар үлесі өте жоғары болады. Бұл ретте істі қарайтын судья татуластырушы судья ретінде әрекет етеді.

Татуластырушы судьямен келісім үлгісін ұсыну тараптардың келісімге келу еріктілігі мен де тараптардың тең құқығы қағидатын бұзбай, әр тараптың қажеттіліктерін қанағаттандыратын ортақ шешімге келуге септігін тигізеді.

Сонымен қатар, жария-құқықтық дауларды сотта татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеудің алғышарты ретінде әкімшілік органның немесе лауазымды адамның әкімшілік қалауының болуы бір қатар сұрақтар туындатады.

Әкімшілік орган өзінің әкімшілік қалау шеңберінде қабылдаған әкімшілік актіні сотта даулау барысында медиация рәсім тәртібімен дауды реттеуге мүдделі болмайды, себебі мұндай актіні соттың күшін заңсыз деп тани алмайтынын ұғынады.

Өз кезегінде әкімшілік органның заңсыз әкімшілік акт қабылдау әрекеті құқықтары мен заңды мүдделерін бұзылған азаматтың әкімшілік актіні заңсыз деп тану және қолайлы әкімшілік актіні қабылдауды мәжбүрлеу туралы талап қою арызымен сотқа жүгінуіне алып келеді.

Орын алған дау бойынша әкімшілік істі сотта қарау барысында әкімшілік актісінің заңсыз қабылданғанына көзін жеткізген жауапкер талап қоюшымен дауды медиация тәртібімен реттеу туралы ұсынысын енгізеді.

Тараптар өзара жол беру негізінде ортақ келісімге келіп, медиациялық келісімді бекіту туралы өтінішхатпен сотқа жүгінеді. Медиациялық келісімнің шартына сәйкес жауапкер заңмен берілген өкілеттік шеңберінде қабылдауы тиіс болған жалғыз шешімді қамтитын әкімшілік актіні қабылдау міндетін алады.

Бұл жағдайда әкімшілік істі қарайтын судья медиациялық келісімде бекітуден бас тартып, істі мәнісі бойынша қарауды жалғастыруға мәжбүр болады. Себебі ӘРПК-нің 120-бабының 1-бөлігіне сәйкес тараптардың татуласуына жауапкердің әкімшілік қалауы болған жағдайда ғана жол беріледі [4]. Ал, қаралып отырған дау бойынша әкімшілік органның заңмен берілген өкілеттік шеңберінде қабылдауы тиіс болған жалғыз шешімі әкімшілік қалауға жатқыза алмаймыз.

Сот істі мәнісі бойынша қарап, талап қоюшының талабын қанағаттандыру туралы шешім қабылдап, әкімшілік органға заңмен берілген өкілеттік шеңберінде қабылдауы тиіс болған әкімшілік актіні қабылдауды мәжбүрлейді.

Соттың дау бойынша қабылдаған түпкілікті шешімінің мазмұны мен тараптардың медиация рәсімін жүргізу барысында келген ортақ келісімінің мазмұны бірдей. Алайда сот, медиациялық келісімнің шарттары мен мазмұны дұрыс болғанына қарамастан, жоғарыда аталған себептермен оны бекітуден бас тартады, бірақ істі мәнісі бойынша қарап, айналып келгенде медиациялық шешімнің мазмұнындағы шешімді қабылданады.

Өз кезегінде заң талабын жетік білмейтін талап қоюшы соттың мұндай қағаз бастылық әрекеттерін түсінбей, істі созбалаңға салу деп қабылдап, талабының қанағаттандырылуына қарамастан сотқа деген сенімінің төмендеуіне алып келеді. Талап қоюшы үшін қойылған талаптарының қандай жолмен шешімін табуы маңызды емес, оған медиациялық келісім не соттың шешімі болсын бәрібір. Оған ең басты бұзылған құқықтары мен заңды мүдделерінің қалпына келтірілгені.

Сонымен қатар, ӘРПК-те әкімшілік қалаудың болуы жауапкерден ғана талап етілсе, ГФР-ның «Әкімшілік соттар туралы» заңына сәйкес бітімгершілік келісімнің мәніне билік ете алу мүмкіндігі тек жауапкерде (әкімшілік органда) ғана емес, тараптардың барлығында да болуы талап етеледі. Өйткені бітімгершілік келісім шарттарымен жауапкерге ғана емес, істің басқа да тараптарына міндеттер жүктеледі. Ал басқа тараптардың бұл міндеттерді орындау мүмкіндігі болмауы, келесімнің маңызсыздығына алып келеді.

Жоғарыда мазмұндалғандардың негізінде сотта жария-құқықтық дауларды шешу барысында татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу үшін заңнамамен алғышарт ретінде «жауапкердің әкімшілік қалауының болуы» талабының орнына «тараптардың келісімнің мәніне билік ете алуы» талабыны өзгертілуі тиіс деп санаймыз.

Қоғамдағы келіспеушіліктер мен әртүрлі дауларды шешуде кеңінен тарап келе жатқан дауды шешудің балама жолы болып табалатын медиация институтының жария-құқықтық дауларды шешу мүмкіндігінің берілуі жария-құқықтық қатынастарда адамдар мен ұйымдардың құқықтары мен заңды мүдделерінің қорғау деңгейі одан әрі көтермелейтіні сөзсіз.

Жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде келесі теориялық және құқықтық қорытындылар туындады:

1) Жария-құқықтық даулар күнделікті тұрмыстық дауларға қарағанда күрделі болып келеді және мемлекеттік басқару саласындағы арнайы білім мен тәжірибені қажет етеді. Алайда, медиация рәсімін жемісті аяқтау үшін арнайы білім мен тәжірибе жеткіліксіз. Себебі, медиатор медиативтік техникаларды қолдана білуі және тараптармен қарым-қатынас орната білуі қажет.

Сәйкесінше жария-құқықтық дауларға медиатор ретінде медиация рәсімдерін жүргізуге байланысты арнайы дайындықтан өткен, тиісті білімі мен тәжірибесі бар кәсіпқой медиаторлар мен кәсіби емес медиатор ретінде тек қана судья медиаторларды тартқан жөн.

2) Басқа құқықтық қатынастардан түбегейлі ерекшеленетін жария-құқықтық қатынастардан туындайтын дауларды медиация тәртібімен реттеу барысында өзіне тән ерекшеліктерін ескеру қажет. Бұл ретте Медиация туралы заңды жария-құқықтық қатынастардан туындайтын даулар бойынша

медиация ерекшеліктерін қамтитын арнайы нормалармен толықтыру қажет деп санаймыз.

Медиация туралы заңды «Жария-құқықтық даулар бойынша саласындағы жүргізілетін медиацияның ерекшеліктері» атты 23-1 баппен толықтырып, жария-құқықтық даулар бойынша медиацияны жүргізуге тән ерекшеліктер қамтылуы тиіс.

23-1 бап. Жария-құқықтық даулар бойынша саласындағы жүргізілетін медиацияның ерекшеліктері:

1. Әкімшілік істі сотта қарау барысында жауапкердің әкімшілік қалауы болған кезде тараптардың медиациялық келісімге келуіне жол беріледі.

2. Медиацияны кәсіби медиаторлар мен Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінде көзделген тәртіппен судья медиаторлар ғана жүргізе алады.

3. Судья медиатормен медиациялық келісім жасасу барысында және оны сот ұйғарымы арқылы бекіту әрекеттерін жүзеге асыру барысында бірізділікті қамтамасыз ету мақсатын тиісті нормалар түсіндірілуге жатады деп санаймыз.

Соттар медиациялық келісімде бекітпес бұрын тараптардың ерік білдіруін, медиациялық келісім заң талаптарына қайшы келмейтінін және үшінші тұлғалардың құқықтары мен заңды мүдделерін шектемейтінін, келісімдегі көзделген міндеттемелерді орындауға тараптардың тиісті өкілітігі мен мүмкіндігінің бар екенін және оның орындаушылық талаптарға сай келуін тексіргендері жөн. Аталмыш талаптардың орындалмауы медиациялық келісімді бекітуден бас тартуға себеп болады.

4. Судьяның белсенді әрекет етуі нәтижесінде жария-құқықтық даудың бейбіт жолмен шешу мүмкіншіліктері пайдалану азаматтар мен ұйымдардың құқықтарының қорғалуына үлкен үлес қосатыны сөзсіз.

Судьяның белсенді рөлін тараптарды татуластыру барысында да кеңінен қолдануы тиіс. Судьямен келісім үлгісін ұсыну тараптардың келісімге келу еріктілігі мен де тараптардың тең құқығы қағидатын бұзбайды, әр тараптың қажеттіліктерін қанағаттандыратын ортақ шешімге келуге септігін тигізеді.

Шетел заңнамасы мен оны қолданудың оң тәжірибесі негізінде судьяның келісім үлгісін тараптарға ұсынуы және тараптардың оны қабылдауы арқылы бітімгершілік келісім жасасу тәртібін біздің заңнамаға енгізу қажет деп санаймыз.

5. Татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісім жасасу үшін жауапкерде әкімшілік қалаудың болу талабы, әкімшілік органның немесе лауазымды адамның дискрециялық өкілеттіктері жоқ бола тұра, императивтік өкілеттіктері жүзеге асыру барысында бой берген қателіктері негізінде жасалған әрекеттерін немесе қабылданған әкімшілік актілерін даулау барысында дауды медиация рәсімі тәртібімен реттеу туралы келісім жасасуға кедергі болады.

Бұл ретте татуласу, медиация немесе дауды партисипативтік рәсім тәртібімен реттеу туралы келісім жасасу үшін алғышарт ретінде тараптардың келісімнің мәніне билік ете алу мүмкіндігі болға кезде жол берілу талабы аталмыш кедергіні жойып, дауды бейбіт жолмен шешу мүмкіндіктерін артады.

ӘРПК-нің 120-бабы 1-бөлігінің 2-абзацы «жауапкердің әкімшілік қалауы болған кезде тараптардың татуласуына жол беріледі» - деген мазмұнда емес, «тараптардың келісімнің мәніне билік ете алу мүмкіндігі болған кезде жол беріледі» - деген мазмұнда жазылуы қажет деп санаймыз.

Қорытындылай келгенде медиация рәсімдері жария-құқықтық дауларды шешудің тиімді тетігі болып табылады және зерттеу барысында келтірілген тұжырымдар мен ұсыныстар бұл жария-құқықтық қатынастардың құқықтық реттелуін ары қарай жетілдіреді деген пікірдеміз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000>
2. «Қазақстан Республикасының 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық саясат тұжырымдамасы туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 24.08.2009 жылғы N 858 Жарлығы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U090000858>
3. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. – СПб.: издательство «Лань», 2001. – 560 с.
4. Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі: 2020 жылғы 29 маусымдағы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000350>
5. Медиация туралы заң: 2011 жылғы 28 қаңтардағы – <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000401>
6. Шамликашвили Ц. Две стороны одной медали // Медиация и суд записки о медиации № 4 (30) 2013. С. 12-22
7. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты Төрағасының 2016 жылғы 16 қыркүйектегі № 6001-16-7-4/186 өкімімен бекітілген «Татуластыру рәсімдерін қолдану бойынша әдістемелік ұсынымдар» // Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының №10/2018 Бюллетені, 2018. – 123 б.
8. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне Қазақстан Республикасының әкімшілік рәсімдік-процестік заңнамасы мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы заңы: 2020 жылғы 29 маусым // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2000000351>
9. Эндрю Н. Азаматтық іс жүргізу: Медиация және арбитраж. II том. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2020. – 408 бет.
10. Сборник законодательных актов по административному судопроизводству. 3-е издание. М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 800 с. — ISBN 978-5-9998-0289-7.
11. «Қазақстан Республикасы Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінің жобасы туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 30.05.2019 жылғы № 348 қаулысы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1900000348>

**Нұрышева Толқын
Серікқалиқызы,**
з.ғ.к., Қазақстан Республикасы
Жоғарғы Сотының жанындағы
Сот төрелігі академиясы
Мемлекеттік-құқықтық
пәндердің ғылыми-білім беру
орталығының доценті

**Мырзалипов Бақытжан
Мырзалипович,**
Қазақстан Республикасы
Жоғарғы Сотының жанындағы
Сот төрелігі академиясының
түлегі

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ КОНСТИТУЦИЯСЫНА СӘЙКЕС АЗАМАТТЫҢ САЯСИ ҚҰҚЫҚТАРЫ МЕН БОСТАНДЫҚТАРЫН ІСКЕ АСЫРУ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ЖАУАПТЫЛЫҚТЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қазақстан Республикасы Конституциясының (бұдан әрі – Конституция) 1-ші бабының 1-ші тармағында Қазақстан Республикасының ең қымбат қазынасы – адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары деп көрсетілген [1]. Оның мағынасы мемлекет пен тұлға арасындағы өзарақатынас адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарының басымдылығы негізінде құрылуы қажеттігін білдіреді, әрі қолданыстағы өзге де заңдылықтарды қалыптастыруға негіз болып табылуы қажет.

Жеке тұлғаның құқықтық мәртебесенің «екі жақтылық» сипаты, адамның құқықтық мәртебесі мен азаматтың құқықтық мәртебесі бір-бірінен шектеледі. Егер адам құқығы оған тумысынан берілсе, ал азаматтың құқықтары алынған болып табылады. Тұлға экономикалық аяда адам ретінде, ал саяси аяда азамат ретінде танылады.

«Қазақстан Республикасының азаматтығы туралы» Қазақстан Республикасының Заңының 1-бабында азамат және мемлекеттің құқықтық байланысы бекітілген. Яғни, Қазақстан Республикасының азаматтығы адамның мемлекетпен орнықты саяси-құқықтық байланысын айқындайды, бұл олардың өзара құқықтары мен міндеттерінің жиынтығын білдіреді [2].

Атап өткеніміздей, Қазақстан Республикасының азаматтары саяси құқықтар мен бостандықтарға ие болады. Олар азаматтардың азаматтық қоғамның саяси жүйесіндегі құқықтық жағдайын анықтайды. Конституцияның 32-ші бабына сәйкес Республиканың азаматтарының бейбіт әрі қарусыз жиналуға, жиналыстар, митингілер мен демонстрациялар, шерулер өткізуге және тосқауылдарға тұруға құқығы бар. Бұл құқықты пайдалану мемлекеттік қауіпсіздікті, қоғамдық тәртіпті, денсаулық сақтау және басқа адамдардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау мүдделері үшін заңмен шектелуі

мүмкін [1]. Аталған құқық азаматтарға қоғамның және мемлекеттің өмірінің маңызды мәселелері бойынша өз көзқарастарын, идеяларын ашық және жариялы түрде көрсетуіне мүмкіндік береді.

Бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылықтардың жыл сайын қоғамда артуының басты себебі - бейбіт жиналысты өткізу үшін жергілікті атқарушы органға берілген өтініштерге рұқсат берілмеуі салдарынан санкцияланбаған митингілердің өткізілуінен туындады.

2020 жылдың 25 мамырында «Қазақстан Республикасында бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы» [3] Заң (бұдан әрі – Заң) қабылданды. Заңды қабылдау арқылы азаматтарға бейбіт жиындарды өткізу үшін мүмкіндіктер беру аясын кеңейтіп, жергілікті атқарушы органға өтініш беру негізінде емес хабарлама беру сипатында жүзеге асырылатын болды.

Қазіргі кезде көптеген мемлекеттерде жиналыстар бостандығын конституциялық-құқықтық реттеу тетігі жеткілікті дәрежеде әзірленбеген. Дегенмен, конституциялардың көпшілігі жиналыстар, митингілер, демонстрациялар, шерулер және пикет сияқты азаматтардың саяси белсенділігінің нысанын бекітетінін мойындауымыз керек.

Осыған байланысты, бейбіт жиналысты ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзудан туындайтын әкімшілік құқық бұзушылықтар бойынша жауаптылық мәселесі де өзектілігін жоймай отыр.

ҚР Конституциясының 32-бабына берілген ғылыми-практикалық түсіндірмеге сәйкес демократияны шектеу азаматтардың құқықтары үшін теріс салдарға әкеледі. Құқықтар, бостандықтар және міндеттер жеке және ұжымдық деп бөлінеді. Жеке құқықты ұжымдық түрде жүзеге асыруға болса, ұжымдық құқық өз табиғаты бойынша жеке түрде іске асырыла алмайды. Көптеген мемлекеттер үшін бейбіт жиналыстар бостандығына құқықты реттеу және қамтамасыз ету өте күрделі процесс болып табылады. Сонымен бірге бұл құқықты жеке адамдар, топтар іске асыра алатынын түсіну қажет, ал бейбіт жиналыстар бостандығын қорғау қазақстандық толеранттық қоғамды одан әрі нығайтуға ықпал ететін болады [4].

Қазақстан Республикасының заңнамасына сәйкес жиналыстар, митингілер, пикеттер және демонстрациялар өткізу уақытында олардың қатысушыларының азаматтарға, қоғамдық бірлестіктерге, мемлекетке келтірген материалдық зияны үшін жауаптылық белгіленеді (Заңның 9-бабы). Сонымен бірге заңнамада жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі заңнамаға сәйкес жабық үй-жайларда өткізілетін еңбек ұжымдары мен қоғамдық бірлестіктердің жиналыстары мен митингілеріне таралмайтыны белгіленген. Бұдан басқа, осы құқық қатынастары Қазақстан Республикасында салалық (еңбек, әкімшілік, қылмыстық) заңнамамен реттеледі.

Осы Заңның 20-бабында «Қазақстан Республикасының бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнамасын бұзу Қазақстан Республикасының заңдарында белгіленген жауаптылыққа алып келеді.» - деп көрсетілген [3].

Заңда негізгі ұғымдардың, яғни бейбіт жиналыс, демонстрация, митинг, пикеттеу, шерудің түсінік аппараттары беріліп, толық қамтылып өткен. Дегенмен, ҚР Конституциясының 32-бабында айқындалған жария іс-шаралардың бірі ретінде «тосқауылдарға тұру» ұғымы Заңда көрініс таппаған. Ал, 1995 жылғы 17 наурыздағы «Қазақстан Республикасында бейбіт жиналыстар, митингілер, шерулер, пикеттер және демонстрациялар ұйымдастыру мен өткізу тәртібі туралы» [5] № 2126 Заңында негізгі ұғымдарға түсінік аппараты мүлде берілмеген болатын.

Еуропалық соттың іс жүргізу құқығы да, мемлекеттің ұлттық заңнамасы да «жиналыс» ұғымы әртүрлі іс-әрекеттердің кең спектрін білдіреді: митингілер, шерулер, демонстрациялар, пикеттер, аштық ереуілдері және басқа да әрекеттер [6].

Конституцияның 32-бабында тек республика азаматтарына жиналыстар мен жария іс-шаралар өткізу құқығын бере отырып, Конституция конституциялық-құқықтық доктринаға негізделеді, соған сәйкес жиналыс бостандығы саяси құқықтар мен бостандықтар санатына жатады, олардың субъектілері тек тиісті мемлекеттің азаматтары болып табылады [7; 204].

Жиналыс бостандығы ерекше құнды негізгі құқықтар санатына жатады, өйткені ол қоғамдық пікірдің еркін қалыптасуына, кез-келген демократияның негізін қалауға ықпал етеді және саяси шешімдер қабылдау процесіне де, бұқаралық ақпарат құралдарына да тікелей қол жеткізе алмағандарға естуге мүмкіндік береді. Әркімнің жиналыс бостандығына құқығы Венгрия, Польша, Финляндия, Швеция, Испания, Канада және басқа елдердің Конституцияларында бекітілген. Австрия, Бельгия, Германия Федеративтік Республикасы және басқа елдердің Конституцияларында мұндай құқыққа тек тиісті мемлекеттердің азаматтары ғана ие [8].

Жоғарыда аталған Заңның 4-бабына сәйкес бейбіт жиналыстарды өткізу жергілікті атқарушы органға бейбіт жиналыстар өткізу туралы хабарлама немесе келісуді алу туралы өтініш беру арқылы жүзеге асырылады [3].

Осы Заңның 10-бабында хабарламаны берудің тәртібі, ал, 12-бабында келісуді алу туралы өтінішті берудің тәртібі көрсетілген.

Пикеттеу, жиналыс, митинг нысанында бейбіт жиналыстар өткізу туралы хабарламаны бейбіт жиналыстарды ұйымдастырушы жергілікті атқарушы органға өткізілетін күніне дейін бес жұмыс күнінен кешіктірілмейтін мерзімде қағаз жеткізгіште немесе электрондық цифрлық қолтаңба арқылы куәландырылған электрондық құжат нысанында береді (Заңның 10-бабының 1-бөлігі).

Демонстрация, шеру нысанында бейбіт жиналыстар өткізуге келісуді алу туралы өтінішті бейбіт жиналысты ұйымдастырушы жергілікті атқарушы органға өткізілетін күніне дейін он жұмыс күнінен кешіктірілмейтін мерзімде қағаз жеткізгіште немесе электрондық цифрлық қолтаңба арқылы куәландырылған электрондық құжат нысанында береді (Заңның 12-бабының 1-бөлігі).

Жоғарыда көрсетіп кеткендей бейбіт жиналыстарды өткізу үшін ұйымдастырушымен жергілікті атқарушы органға хабарлама немесе келісуді алу туралы өтініш берілуі тиіс, хабарлама тек қана пикеттеу, жиналыс, митинг

нысанындағы бейбіт жиналыстарды өткізу үшін өткізілетін күніне дейін бес жұмыс күнінен кешіктірілмейтін мерзімде беріледі, ал, келісуді алу туралы өтініш тек қана демонстрация мен шеру нысанындағы бейбіт жиналыстарды өткізу үшін өткізілетін күніне дейін он жұмыс күнінен кешіктірілмейтін мерзімде беріледі.

Осы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылық туралы істердің аталған міндетті талаптарды сақтамаған не тиісінше орындамағандықтан туындап жатады.

Бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылықтар Қазақстан Республикасы Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексінің (бұдан әрі – ҚР ӘҚБтК) «басқарудың белгіленген тәртібіне қол сұғатын әкімшілік құқық бұзушылықтар» атты 27-тараудың 488-бабында көзделген [9].

ҚР ӘҚБтК-нің 488-бабы бойынша көзделген жеке тұлғалар мен заңды тұлғалардың бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнамасында белгіленген талаптарды бұзуы түріндегі құқық бұзушылықтың субъектісі Қазақстан Республикасының азаматтары, бірақ кей жағдайларда заңды тұлғалар болуы мүмкін.

Конституцияда бейбіт әрі қарусыз жиналуға, жиналыстар, митингілер мен демонстрациялар, шерулер өткізуге және тосқауылдарға тұруға тек қана Қазақстан Республикасының азаматтары құқылы екенін жоғарыда атап өттік, алайда ҚР ӘҚБтК-нің 488-бабында ескерту жасау, әкімшілік айыппұл мен әкімшілік қамаққа алу жазаларымен қоса шетелдіктер, азаматтығы жоқ адамдар жасаған әрекеттер үшін Қазақстан Республикасының шегінен әкімшілік жолмен шығарып жібере отырып, ал шетелдік заңды тұлғалар жасаған әрекеттер үшін заңды тұлға қызметін тоқтата тұрып немесе онсыз тиісті түрде негізгі әкімшілік жаза тағайындалатыны бекітілген [9]. Бұл орайда, ӘҚБтК нормасы ҚР Конституциясының нормасына қайшы келіп тұр. Сондықтан да мәселелі сұрақ туындайды.

Шетелдік тәжірибеге тоқталып кететін болсақ, Ресей Федерациясының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексінің (бұдан әрі – РФ ӘҚБтК) 5.38 және 20.2-бабы бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылықтарға арналған [10].

Салыстыра келе, РФ ӘҚБтК-нің осы бабында әкімшілік айыппұл, әкімшілік қамаққа алу жазаларымен қоса «міндетті жұмыстарға тарту» сияқты балама жаза көзделген.

РФ Конституциясының 31-бабында «Ресей Федерациясының азаматтары бейбіт, қарусыз жиналуға, жиналыстар, митингілер мен демонстрациялар, шерулер мен пикеттер өткізуге құқылы.» - деп, көрсетілген [11]. Ал, осы бапта азаматтардың бұл құқықты пайдалану кезінде шектелу мүмкіндігі көзделмеген. Бірақ, бұл құқық конституциялық құрылыстың негіздерін, адамгершілікті, денсаулықты, басқа адамдардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау, заңды теңдік және аталған құқықтың рұқсат етілген шектеулерінің пропорционалдылығы (мөлшерлестік) қағидаттары негізінде елдің қорғанысы мен мемлекеттің қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатында Федералды заңмен

шектелуі мүмкін (РФ Конституциясының 17-бабы 3-бөлігі, 1-бабы 1,2-бөліктері, 45-бабы 1-бөлігі, 55-бабы 3-бөлігі) [12].

РФ «Жиналыстар, митингілер, демонстрациялар, шерулер және пикеттер туралы» Федералдық Заңында көрсетілген талаптарды бұзу заңда көзделген жауапкершілікке, оның ішінде РФ ӘҚБтК-нің нормаларына сәйкес әкімшілік жауаптылыққа әкеп соғады [13].

Жиналыстар, митингілер, демонстрациялар, шерулер және пикеттерді ұйымдастыру немесе өткізу кезінде азаматтардың құқықтарына немесе қоғамдық тәртіп пен қоғамдық қауіпсіздікке қол сұғатын адамдар әкімшілік құқық бұзушылық жасалған күннен бастап бір жыл ішінде РФ ӘҚБтК-нің 5.38 және 20.2-баптары негізінде әкімшілік жауаптылыққа тартылады [10].

Азаматтар (жиналыстарға, митингілерге, демонстрацияларға, шерулерге, пикеттерге қатысушылар немесе оларды ұйымдастырушылар) құқық бұзушылық субъектілері бола алады.

Ресей Федерациясының қоғамдық іс-шаралар туралы заңнамасын бұзғаны үшін кінәлі адамға белгілі бір түрдегі және мөлшердегі әкімшілік жазаны тағайындау туралы шешім қабылдаған кезде, мұндай жаза пропорционалдылық, әділеттілік және мөлшерлестік, әкімшілік жауаптылықты даралау талаптарына сәйкес келуі керек, сонымен қатар құқық бұзушының өзі де, басқа адамдар да жаңа құқық бұзушылықтардың алдын алу мақсаттарына сәйкес келуі керек [12].

Жиналыстарды, митингілерді, демонстрацияларды, шерулерді және пикеттерді ұйымдастыру немесе өткізу тәртібін бұзғаны үшін әкімшілік жазаларды қолдану практикасын қарай отырып, жария іс-шараны өткізуге арналған өтінімде көрсетілген оның қатысушыларының санынан асып кету ұйымдастырушыға әкімшілік жауаптылық шараларын қолдану үшін негіз болып табылмауға тиіс деген ұстанымды қолдайды. Жиналыстар, митингілер, демонстрациялар, шерулер және пикеттер туралы заңнаманы бұзғаны үшін әкімшілік жауапкершілік шараларын іске асыру кезінде туындайтын құқықтық қатынастардың ерекшеліктерін қараудың соңында ізденуші жария іс-шараға қатысушылар өздеріне зиян келтірген жағдайда бірқатар азаматтық құқықтық қатынастардың туындайтынын атап өтеді [14].

Ресей Федерациясында демократиялық институттың маңызды нысаны ретінде жиналыстар, митингілер, демонстрациялар, шерулер мен пикеттерге шығу тетіктерінің толыққанды іске асырылатынын Ресей Федерациясы Конституциялық Сотының 2013 жылғы 14 ақпандағы «По делу о проверке конституционности федерального закона «О внесении изменений в кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» [15] және 2014 жылғы 13 мамырдағы № 14-П «по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова» [16] және өзге де Қаулыларынан байқауға болады. Дегенмен, Ресей Федерациясында да демократиялық институтты жүзеге асыруда әркімнің әлеуметтік және экономикалық

конституциялық құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз етуде ереуілден басқа нысандар қарастырылмағанын, ал жиналыстар, митингілер, демонстрациялар, шерулер мен пикеттер сияқты іс-шаралар тек Ресей Федерациясының азаматтарына тиесілі болып табылатынын атап өтуге болады [17].

Қазақстан бойынша статистикалық мәліметтерге назар аударатын болсақ, Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеттің [18] мәліметтеріне сәйкес 2018 жылы ӘҚБтК-нің 488-бабы бойынша жалпы 177 дерек тіркелген, есептік кезеңде 174 іс сотпен қаралып, 173 азаматқа қатысты әкімшілік жауаптылыққа тарту туралы қаулы шыққан, оның ішінде 47 азаматқа ескерту жасау, 50 азаматқа әкімшілік айыппұл салу, 76 азаматқа әкімшілік қамаққа алу туралы жазалар тағайындалған.

2018 жылдың есептік кезеңінде 50 азаматқа тағайындалған әкімшілік айыппұлдың мөлшері 2 722 460 теңгені құрайды, оның ішінде 1 299 270 теңге орындалған.

2019 жылы жалпы 1028 дерек тіркелген, есептік кезеңде 1016 іс сотпен қаралып, 966 азаматқа қатысты әкімшілік жауаптылыққа тарту туралы қаулы шыққан, оның ішінде 181 азаматқа ескерту жасау, 186 азаматқа әкімшілік айыппұл салу, 599 азаматқа әкімшілік қамаққа алу туралы жазалар тағайындалған.

2019 жылдың есептік кезеңінде 186 азаматқа тағайындалған әкімшілік айыппұлдың мөлшері 11 292 160 теңгені құрайды, оның ішінде 4 385 950 теңге орындалған.

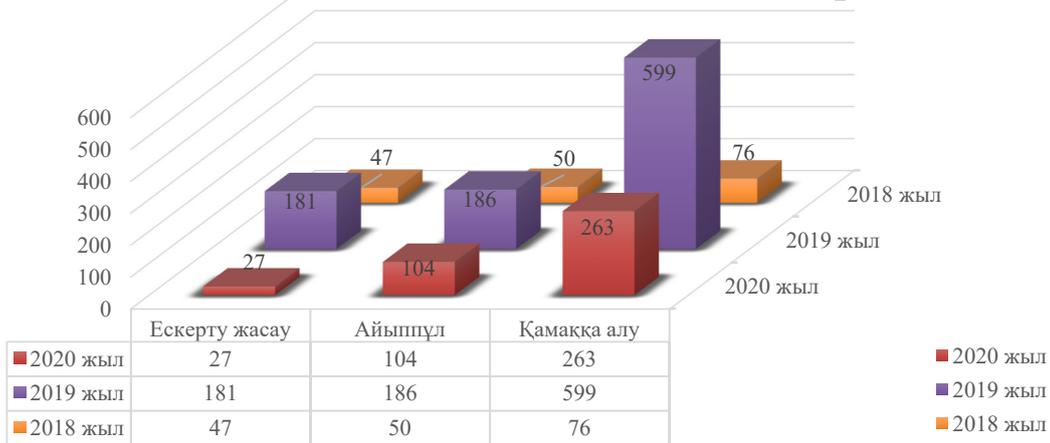
2020 жылы жалпы 407 дерек тіркелген, есептік кезеңде 400 іс сотпен қаралып, 394 азаматқа қатысты әкімшілік жауаптылыққа тарту туралы қаулы шыққан, оның ішінде 27 азаматқа ескерту жасау, 104 азаматқа әкімшілік айыппұл салу, 263 азаматқа әкімшілік қамаққа алу туралы жазалар тағайындалған.

2020 жылдың есептік кезеңінде 104 азаматқа тағайындалған әкімшілік айыппұлдың мөлшері 9 792 391 теңгені құрайды, оның ішінде 6 224 591 теңге орындалған.

Бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылықтар жөніндегі істерді қарауда әкімшілік жазаларды қолданудың сандық көрсеткіштерін келесі кестелерден байқаса болады.

1-кестелік динамика. 2018-2020 жылдар аралығында талданып отырған санаттағы қаралған істер бойынша тағайындалған әкімшілік жазалардың статистикалық көрсеткіштері:

Тағайындалған негізгі әкімшілік жазалар

* авторлармен құрастырылған

Жоғарыдағылардың негізінде, бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылықтар санының салыстырмалы түрде динамикасы қалай өскенін көруге болады, 2016 жылы қаралған істердің саны 2017 жылмен салыстырғанда көп болғанын, 2018 жылы қаралған істердің саны 2017 жылмен салыстырғанда тағы біршама өскенін, 2019 жылы қаралған істердің саны едәуір артқанын, ал 2020 жылы қаралған істердің саны 2019 жылға қарағанда біршама азайғанын байқауға болады, оның себебін пандемия салдарынан енгізілген төтенше жағдай режимі мен карантин талаптарынан туындаған деп қарауға болады. Сондай-ақ, осындай құқық бұзушылықтар үшін тағайындалатын негізгі әкімшілік жазалардың ішінен басқа жазалардан қарағанда әкімшілік қамаққа алу жазасын қолданудың өскені байқалады.

Жалпы алғанда, сот тарапынан аталған әкімшілік құқық бұзушылықтар бойынша жаза тағайындауда мәселелер бар екенін қарастырып өтсек. Мысалы, азамат К.К. әкімшілік жаза шаралары қолданылғаннан кейін бір жыл ішінде қайталап, 16 мамыр 2020 жылы 21 сағат 52 минут шамасында «Facebook» әлеуметтік желісіндегі өзінің жеке парақшасында Шымкент қаласы, Ордабасы алаңына 06.06.2020 жылы сағат 11.00-де қала тұрғындарын заңсыз шеруге, яғни жергілікті атқару органдарының рұқсатынсыз, митингіге шақырту жариялаған.

Осы іс-әрекет бойынша 03 маусым 2020 жылы полиция қызметкерімен ӘҚБтК-нің 488-бабы 3-бөлігімен, яғни осы баптың бірінші және екінші бөліктерінде көзделген, әкімшілік жаза шаралары қолданылғаннан кейін бір жыл ішінде қайталап жасалған не жиналысты, митингіні, шеруді, демонстрацияны ұйымдастырушы жасаған әрекеттер үшін әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама толтырылып, сотқа жолданған.

Сот отырысында азамат К.К. өз кінәсін мойындамаған.

03.06.2020 жылғы Шымкент қаласының мамандандырылған ауданаралық әкімшілік сотының қаулысымен іс-әрекеттің 16 мамыр 2020 жылы орын алғанын, жауаптылықты жеңілдететін мән-жай жоқ екенін, ӘҚБтК-нің 57-бабы 1-бөлігінің талабына сай жауаптылықты ауырлататын мән-жай ретінде уәкілетті тұлғалардың оны тоқтату талабына қарамастан, құқыққа қарсы мінез-құлықты жалғастыру әрекетінің қоғамдық қауіптілігін ескере отырып, ӘҚБтК-

тің 488-бабының 3-бөлігімен 5 (бес) тәулік мерзімге әкімшілік қамаққа алу жазасы тағайындалған.

Ал, соңғы 2020 жылғы 25 мамырдағы ӘҚБтК-не енгізілген өзгерістер мен толықтырулардан кейін келесі жайт анықталған болатын.

Мысалы, азамат Е.Ж. 2020 жылғы 30 мамырда сағат 15:00-де «Facebook» әлеуметтік желісіндегі өзінің жеке парақшасында 06.06.2020 жылы Нұр-Сұлтан қаласында өткізілетін митингке шығуға үгіттеген бейнежазбасын репост жасап, қала тұрғындарын заңсыз митингіге шақырту жариялаған.

Осы іс-әрекет бойынша 06 маусым 2020 жылы полиция қызметкерімен ӘҚБтК-нің 488-бабы 7-бөлігімен, яғни Қазақстан Республикасының бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнамасында белгіленген тәртіпті бұза отырып өткізілетін жиналыстарды, митингілерді, демонстрацияларды, шерулерді, пикеттерді не өзге де жария іс-шараны ұйымдастыруға қатысқан деген негізбен әкімшілік құқық бұзушылық туралы хаттама толтырылып, сотқа жолданған.

Сот отырысында азамат Е.Ж. өзіне таныс емес азаматтардың өтініштері бойынша 06.06.2020 жылы өткізілетін митингке шақыру туралы түсірілген бейнежазбасына қатысқанын, олар митингке рұқсат берілгенін және заңды екенін айтқанын көрсеткен.

06.06.2020 жылғы Нұр-Сұлтан қаласының мамандандырылған ауданаралық әкімшілік сотының қаулысымен «Қазақстан Республикасында бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы» Заңның талаптарына сәйкес ұйымдастырушымен митинг өткізу туралы хабарлама жергілікті атқарушы органға өткізілмеуіне байланысты Е.Ж.-ның «Facebook» әлеуметтік желідегі жеке парақшасында үгіт ретінде митингке шығу туралы бейнежазбаның репост жасау әрекетін заңсыз деп тауып, жауаптылықты жеңілдететін мән-жай ретінде әкімшілік құқық бұзушылықты алғаш рет жасағанын, жауаптылықты ауырлататын мән-жайды қарастырмай, басқарудың белгіленген тәртібіне қол сұғатын әкімшілік құқық бұзушылықты жасағанын ескеріп, ӘҚБтК-тің 488-бабының 7-бөлігімен 15 (он бес) тәулік мерзімге әкімшілік қамаққа алу жазасын тағайындаған.

ӘҚБтК-тің 488-баптың жаңа редакциядағы ескертуінде – ҚР 25.05.2020 № 334-VI Заңымен енгізілген өзгертулер мен толықтырулар алғашқы ресми жарияланған күнінен кейін күнтізбелік он күн өткен соң қолданысқа енгізілетіні көрсетілген [9].

Сот әкімшілік құқық бұзушылық туралы істі қарау барысында 25.05.2020 жылы жаңадан қабылданған «Қазақстан Республикасында бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы» Заңның талаптарын негізге алған.

Алайда, аталған заңның 21-бабының 1-бөлігінде қолданысқа енгізу тәртібі көрсетіліп, онда «Осы Заң алғашқы ресми жарияланған күнінен кейін күнтізбелік он күн өткен соң қолданысқа енгізіледі.» - деп бекітілген [3].

ӘҚБтК-тің 4-бабы 2-бөлігіне сай осы Кодекстің Ерекше бөлігінде көзделген іс-әрекеттің жүзеге асырылған уақыты, салдардың басталған уақытына қарамастан, әкімшілік құқық бұзушылық жасалған уақыт деп танылады.

Демек, құқық бұзушы Е.Ж.-нің іс-әрекеті 2020 жылғы 30 мамырда орын алғанын, яғни жаңа заң мен ӘҚБтК-не енгізілген өзгерістер мен толықтырулар қолданысқа енгізілмей тұрып жасалғаны анықталды. Мұндай жағдайда оның іс-әрекеті соңғы 2020 жылғы 25 мамырдағы ҚР ӘҚБтК-не енгізілген өзгерістер мен толықтыруларға дейінгі ӘҚБтК-тің 488-бабының 3-бөлігіне сараланып, сол баптың санкциясына сай тиісті әкімшілік жаза тағайындалуы қажет болатын.

Сонымен қатар, ӘҚБтК-тің 55-бабында әкімшілік құқық бұзушылық үшін жаза қолданудың жалпы қағидалары көзделген. Яғни, әкімшілік жаза әділ, құқық бұзушылықтың сипатына, оның жасалу мән-жайларына, құқық бұзушының жеке басына сай келетін болуға тиіс. Жеке тұлғаға әкімшілік жаза қолдану кезінде жасалған әкімшілік құқық бұзушылықтың сипаты, кінәлінің жеке басы, оның ішінде оның құқық бұзушылық жасағанға дейінгі және одан кейінгі мінез-құлқы, мүліктік жағдайы, жауаптылықты жеңілдететін және ауырлататын мән-жайлар ескеріледі.

Алайда, жоғарыда мысал ретінде келтірілген әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс бойынша осы қағидалар толық сақталмағанына көз жеткізуге болады. Өйткені, құқық бұзушының әрекетінде жауаптылықты ауырлататын мән-жай жоқ, керісінше жауаптылықты жеңілдететін мән-жай анықталған. Оның үстіне кінәлі деп танылған баптың жетінші бөлігінің санкциясында он бес тәулікке дейінгі мерзімге әкімшілік қамаққа алуға әкеп соғатыны көрсетілген. Сот, құқық бұзушының іс-әрекетіндегі жауаптылықты жеңілдететін және ауырлататын мән-жайларға назар аудара отыра, оған 15 (он бес) тәулік әкімшілік қамаққа алу жазасын тағайындап, сот қаулысында неліктен әкімшілік жазаның бұл түрін, сондай-ақ, әкімшілік қамаққа алу жазасының жоғарғы шегін тағайындау себебін негіздеп көрсетпеген.

Осы орайда, екі бірдей келтірілген мысал бойынша елімізде бірыңғай сот практикасының жоқтығын аңғаруға болады. Өйткені, бірінші мысал бойынша әкімшілік жаза шаралары қолданылғаннан кейін бір жыл ішінде қайталап жасалғанын және жауаптылықты жеңілдететін мән-жай жоқтығын, керісінше жауаптылықты ауырлататын мән-жай бар екенін көруге болады, осы әрекеттер үшін құқық бұзушыға 5 (бес) тәулік мерзімге әкімшілік қамаққа алу жазасы тағайындалған, ал, екінші мысал бойынша алғаш рет ұйымдастыруға қатысқанын және жауаптылықты жеңілдететін мән-жай барын, жауаптылықты ауырлататын мән-жай жоқ екенін көруге болады, осы әрекеттер үшін құқық бұзушыға 15 (он бес) тәулік мерзімге әкімшілік қамаққа алу жазасы тағайындалған. Екі жағдайда да кінәлі деп танылған баптың тиісті бөліктерінің санкциясында көзделген әкімшілік жазалар бірдей, яғни жеке тұлғаларға – елу айлық есептік көрсеткіш мөлшерінде айыппұл салуға не он бес тәулікке дейінгі мерзімге әкімшілік қамаққа алуға әкеп соғатыны көзделген.

Бұл жағдай қоғам тарапынан түрлі наразылықтарға алып келетіні және халықтың сотқа деген сенімі төмендей түсетіні сөзсіз, себебі, әкімшілік жаза, оның ішінде әкімшілік қамаққа алу жазасы өз кезегінде сотпен қатаң түрде тағайындалғаны анық көрініс тапқан.

Бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзғаны үшін кінәлі деп тану туралы шығарылған қаулыларды талдау олардың көпшілігі бойынша әкімшілік құқық бұзушылық субъектілері жария іс-шараны

өткізу тәртібі бойынша тиісті заңнаманы бұзуға, яғни оларды өткізу үшін тиісті рұқсат болмағанын және оны алуға берген хабарлама мен өтініштерін қанағаттандырмауы салдарынан жол бергенін көрсетті.

Көрсетілген құқық бұзушылық бойынша әкімшілік қамаққа алу жазасын қолдануға азаматтар тарапынан түрлі сұрақтар туындайды. Біздің пікірімізше, егер азаматтар айыппұл жазасын төлей алмайтын болса оларға әкімшілік қамаққа алу сияқты тым қатал жазаны тағайындаудың қажеттілігі жоқ деп ойлаймыз. Себебі, азаматтарды қоғамнан оқшаулап қамақта ұстап отырған ешкімге де тиімді емес, әрі пайда әкелмесі де анық, керісінше мемлекет тарапынан оларды қамақта ұстауға және де тамағына қаншама қаражат бөлінетіні ескерілмеген.

Жоғарыда қарастырылғандарды қорытындылай отырып келесі ұсыныстар беріледі:

1) ҚР Конституциясының 32-бабында Қазақстан Республикасының азаматтары бейбіт әрі қарусыз жиналуға, жиналыстар, митингілер мен демонстрациялар, шерулер өткізуге және тосқауылдарға тұруға хақылы екендігі бекітілген, ал осы қоғамдық қатынастарды реттейтін Заңда «тосқауылдарға тұру» ұғымы берілмеген;

2) ӘҚБтК-нің 488-бабында көзделген 8 және 9-бөліктерін алып тастау қажет. Себебі, ҚР Конституциясының 32-бабында бейбіт әрі қарусыз жиналуға тек қана Қазақстан Республикасының азаматтарына құқық берілген. Ал, ӘҚБтК-нің 488-бабында көзделген 8 және 9-бөліктерінде шетелдіктер, азаматтығы жоқ адамдар, шетелдік заңды тұлғалар жасаған әрекеттер үшін жазалар көзделген;

3) ӘҚБтК-нің 42-бабының 1-бөлігінде көзделген негізгі жазалардың қатарына «міндетті жұмыстарға тарту» әкімшілік жазасын енгізу қажет. Себебі, жоғарыда келтірілген мысалдардан әкімшілік қамаққа алу жазасын жиі тағайындалатын байқаймыз. Ал ол жазаны тағайындау құқық бұзушыға да және мемлекетке де пайда әкелмесі анық, керісінше мемлекет тарапынан оларды әкімшілік қамақта ұстауға және де күнделікті тамағына қаншама қаражат бөлінеді;

4) Бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы заңнаманы бұзумен байланысты әкімшілік құқық бұзушылық туралы істерді қараған судья түпкілікті нысанда шығарылатын қаулыны ашып, негізді етіп жазуы тиіс, яғни ӘҚБтК-нің 55-бабында көзделген әкімшілік құқық бұзушылық үшін жаза қолданудың жалпы қағидаларын толық сақтау қажет. Себебі, осындай әкімшілік құқық бұзушылық туралы істерге шолу жасағанда құқық бұзушы заңнаманың қай тармағын бұзғаны, оның құқық бұзушылық жасағанға дейінгі және одан кейінгі мінез-құлқы, мүліктік жағдайы ескеріле бермейтінін аңғаруға болады;

5) ӘҚБтК-нің 829-11-бабы 2-бөлігінде «Жауаптылықты жеңілдететін мән-жайлар анықталған жағдайда судья, орган (лауазымды адам) өзіне қатысты әкімшілік құқық бұзушылық туралы іс қозғалған жеке тұлғаға салынатын әкімшілік айыппұл сомасын қысқартуға, бірақ айыппұлдың жалпы сомасының отыз пайызынан аспайтындай етіп қысқартуға құқылы» - деп көрсетілген.

Сот практикасында әкімшілік құқық бұзушылық үшін жауаптылықты жеңілдететін мән-жайларды, жасалған әкімшілік құқық бұзушылықтың сипаты мен оның жасалу мән-жайларын ескеріп, ӘҚБтК-нің 829-11-бабының 2-бөлігі негізінде салынатын әкімшілік айыппұл сомасын 30 пайызға қысқартып тағайындайды. Алайда, сот қаулысымен 30 пайызға қысқартылған айыппұл сомаларын берілген отыз тәулік ішінде көп азаматтар өз еркімен төлемей, сот орындаушыларға мәжбүрлі түрде орындауға жіберіліп жатады. Осыған орай, айыппұлдың жалпы сомасының отыз пайызын қысқарту жағдайын тек қана отыз тәулік ішінде кешіктірмей төлеген кезде ғана жүзеге асыру тетігін қарастыру керек.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы: 1995 жылғы 30 тамызда қабылданған // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000>
2. «Қазақстан Республикасының азаматтығы туралы» Қазақстан Республикасының 1991 жылғы 20 желтоқсандағы № 1017-ХІІ Заңы / <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z910004800>
3. «Қазақстан Республикасында бейбіт жиналыстарды ұйымдастыру және өткізу тәртібі туралы» № 333-VІ ҚР Заңы: 2020 жылғы 25 мамырда қабылданған // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2000000333>
4. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Ғылыми-практикалық түсіндірме. - Астана-2018. – 664 б.
5. «Қазақстан Республикасында бейбіт жиналыстар, митингілер, шерулер, пикеттер және демонстрациялар ұйымдастыру мен өткізу тәртібі туралы» N 2126 ҚР Заңы: 1995 жылғы 17 наурызда қабылданған // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U950002126>
6. Харрис Д., Баклей С. и др. Нормы Европейской конвенции по правам человека. Оксфордский университет, 2009. – 516 С.
7. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. - Алматы: Раритет, 2015. – 536 с.
8. Бланкенагель А., Левин И. Свобода собраний и митингов РФ – сделано в СССР? «Лучше мы не можем», или «По-другому не хотим»? Сравнительное конституционное обозрение. 2013 г. №2. С. 55-56.
9. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі: 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚР Заңы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235>
10. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-Федеральный Закон (ред. от 18.03.2020) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
11. Конституция Российской Федерации 12.12.1993 год // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» //

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=301031&dst=100005%2C0#006206894629992288>

13. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» 19.06.2004 год //

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/

14. Прокофьев К.Г. Административная ответственность за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании. – Москва. 2014.

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. №4-П «По делу о проверке конституционности федерального закона «О внесении изменений в кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2014 г. №14-П город Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова» // <http://rg.ru/2014/05/21/pikety-ks-dok.html>

17. Нурышева Т.С. Қазақстан Республикасы Конституциясына сәйкес жеке тұлғаның құқықтары мен бостандықтарын іске асырудағы кейбір мәселелер. Көрнекті ғалым-заңгер және Қазақстан Республикасының экс-әділет министрі Н.А. Шәйкеновті («Шәйкенов оқулары») еске алуға арналған және Қазақстан Республикасы Заңнама институтының 25-жылдығына орайластырылған «Құқықтың үстемдігін қамтамасыз ету: жаһандық өзгерістер аясындағы жаңа мүмкіндіктер» атты халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Астана, 2018. – Б. 140-145.

18. Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің мәліметтері //

<https://www.qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>

IV. Особенности гражданского судопроизводства в электронном формате: теоретические и практические аспекты

**Байтилесов Нурсултан
Толенович,**
заместитель руководителя
Департамента по обеспечению
деятельности судов
при Верховном Суде
Республики Казахстан
(Аппарата Верховного Суда
Республики Казахстан)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И РОБОТИЗАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня мировое сообщество, в том числе и Казахстан, ориентированы на развитие и внедрение инновационных технологий.

Цифровизация судебной системы для нас не самоцель, это атрибуты современного правосудия - мобильного, прозрачного и доступного для всех.

Какая работа ведется в этом направлении Верховным Судом? Что уже сделано? Какие тренды и перспективы дальнейшего развития?

Что делаем для удобства населения?

Открыли единое окно доступа к судам.

Через «Судебный кабинет» пользователи, дистанционно могут обратиться в суд в электронном виде.

Зарегистрировано свыше 600 тысяч пользователей.

Если в 2014 году в электронном виде подавалось всего 5% исков, то сегодня этот показатель достиг 92%.

Для удобства пользователей реализованы ряд сервисов

- Е-примирение»
- онлайн-беседа
- «Поиск судебных дел»
- онлайн-конструктор заявлений
- «Банк судебных актов»

К примеру, онлайн-конструктор заявлений на основе ответов пользователей автоматически создает готовое заявление.

В «Банке судебных актов» можно найти и скачать любое судебное решение, выставив нужные параметры. В среднем количество поисковых запросов составляет более тысячи в день.

С 2016 года в судах страны запущена система «Төрелік».

В чем ее уникальность?

Это централизованная информационно-аналитическая система, дающая оперативный доступ к обмену данными. Благодаря ей мы полностью перешли на электронный формат отправления правосудия и делопроизводства.

Есть интеллектуальные помощники для судей.

Например, при подготовке приговоров «Модуль помощи судьям» дает подсказки по виду наказания, типу исправительного учреждения, рецидиву, возможности примирения и условного осуждения.

С 2018 года успешно реализован проект Е-уголовное дело.

Теперь с момента регистрации заявления, возбуждения уголовного дела и до приговора суда, все процессуальные действия проходят в электронном формате.

Справочно: в 2020 году в суды республики поступило 37 758 уголовных дел из них в электронном формате 12 226 или 32,4%, а в 2021 году на сегодняшний день данный показатель составил 46,2% (в суды республики поступило 27 296 уголовных дел из них в электронном формате 12 619).

Введена система аудио-, видеофиксации судебных заседаний, позволяющая объективно исследовать ход ведения процесса, дисциплинировать всех участников процесса, значительно облегчена работа секретаря судебного заседания, после судебного процесса секретарь не печатает протокол.

Созданные IT-сервисы изменили систему взаимодействия с судами и позволили двинуться дальше.

Следующий этап, над которым сейчас работаем это роботизация при рассмотрении дел и внедрение элементов искусственного интеллекта.

Пока несколько категорий в пилотном режиме.

Это – санкционирование постановления судoisполнителя об ограничении должнику покидать страну и взыскание алиментов, так как, с 2018 года в судах страны рассмотрение этих дел и материалов ведется в электронном формате, от подачи заявления до сдачи в архив.

Теперь, после запуска роботизации, судебный акт за считанные секунды изготавливается автоматически.

На основе четких алгоритмов принятия решений робот поможет готовить проекты судебных актов по делам, где судебское усмотрение строго ограничено законом.

После чего, судья, проверив акт, подписывает его электронно-цифровой подписью.

В случае допущения технических ошибок имеется возможность исправления самим судьей.

Ответственность при подписании решения сохраняется за судьей. Конституционные требования не нарушаются.

По предварительным подсчетам охват составит более 100 тыс. судебных актов, т.е. четверть от нагрузки прошлого года. Это позволит уменьшить рутинную работу, исключить ошибки и нарушения процессуальных сроков.

Параллельно анализируются категории дел и материалов, имеющих потенциал для дальнейшей роботизации.

Возникает вопрос, для чего автоматизация и роботизация в судах?

С появлением искусственного интеллекта многие страны работают над использованием его возможностей для создания прогнозно-аналитических продуктов

Вторая разработка, которая также связана с цифровизацией – это Цифровая судебная аналитика.

Он содержит 4 модуля:

- а) поиск аналогичных по ситуации и смыслу дел;
- б) анализ «аномальных» судебных актов;
- в) «жизненный цикл» дела по инстанциям;
- г) возможность прогнозирования исхода дела в суде.

Элементы искусственного интеллекта в один клик предоставляют судье данные о судебной практике по схожим делам, а внешним пользователям – возможность объективно оценить свои шансы до обращения в суд.

Наряду с преимуществами, использование в судопроизводстве искусственного интеллекта и роботизации имеет определенные риски.

Допустим, конечный прогноз по делу, сформированный с помощью искусственного интеллекта, может быть неточным, если пользователь не отразит какие-либо важные обстоятельства, которые потом будут исследованы в ходе судебного разбирательства.

Кроме этого, могут быть раскрыты новые обстоятельства, предоставленные противоположной стороной, не учтенные алгоритмом.

Сторона, использовавшая прогноз, может проиграть в суде, просто потому что при первоначальном прогнозе не были приняты доводы другой стороны или другие данные, влияющие на принимаемое судебное решение.

В течение этого года апробировали эти модули в пилотном режиме: собрали от пользователей отзывы и замечания, для доработки, а после запустить в эксплуатацию.

Мы понимаем, что Искусственный интеллект - это дополнительный инструмент помощи для обеспечения единообразия применения закона и качественной защиты прав участников процесса.

Поэтому, при разработке технологий нами учитываются все требования, чтобы соответствовать принципам Европейской этической хартии о применении искусственного интеллекта в судебных системах.

Неоспоримый факт, что технологии не заменят судей, нужен багаж знаний и жизненного опыта, юридическая практика и знание психологии, ведь ни один искусственный интеллект не устоит против человеческого ума.

В дальнейшем нами будет продолжено активное развитие электронного правосудия для достижения уровня лучших международных стандартов информатизации.

**Исаенкова Оксана
Владимировна,**
д.ю.н., заведующий кафедрой
гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

РОЛЬ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В ПОВЫШЕНИИ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Решение задач по цифровизации правосудия, стоящих перед судебной системой, возможность упрощения доступа граждан к правосудию посредством использования технологий видеоконференцсвязи, установление требований к цифровой среде проведения судебного разбирательства и порядку идентификации участников процесса, обеспечение тайны совещания судей – перечисленные проблемы судопроизводства вообще, и гражданского судопроизводства, в частности, признаны актуальными на самом высоком уровне – сенаторами, членами Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству представителями Верховного Суда Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов РФ, Министерства Внутренних Дел РФ, региональных органов государственной власти, профильных вузов, экспертного сообщества. Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Ирина Рукавишникова на состоявшемся 8 октября 2020 года в Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству «круглом столе» на тему «Использование цифровых технологий удаленного доступа при отправлении правосудия» (автор настоящих тезисов принимала участие в нем в качестве члена экспертно-консультативного совета названного Комитета) справедливо отметила, что если благодаря изменениям в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ участники судебных процессов уже могут обращаться в суды с заявлением о своем участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи в других судах по месту жительства или нахождения, то в настоящее время ведется законодательная работа, итогом которой должна стать возможность участия граждан в судебном процессе онлайн оттуда, где они находятся на данный момент – в офисе, из дома, в поездке и пр. с использованием личных средств видеоконференцсвязи [1].

Полагаем, надо разделить справедливо поднятую на высоком уровне проблему использования цифровых технологий удаленного доступа (учитывая, что основной такой технологией является в настоящее время именно видеоконференцсвязи) при отправлении правосудия на две составляющие: что уже сделано для обеспечения удаленного доступа к отправлению правосудия с обязательной оценкой того, насколько эффективно это получилось и что еще предстоит сделать. Оговоримся, что в данных тезисах будет идти речь исключительно о проблемах гражданского судопроизводства, применительно к

теме III Евразийского форума по правам человека «Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства».

Определение соотношения прав человека и судебной власти в современном «оцифрованном» обществе, без сомнения, заслуживает своего решения, в особенности относительно доступности судебной защиты прав человека.

Пандемия-2020, при которой чуть ли не единственной возможностью обеспечения доступности правосудия после принятия известного Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 года №808, приостановившего личный прием граждан судами, стали информационные технологии, позволяющие общение «на расстоянии» (так называемый «удаленный доступ») показала важность перехода от восприятия современных технологий видеоконференцсвязи как вспомогательных к их оценке как необходимо-охранительных.

Вместе с тем, все пандемии оканчиваются, и смею надеяться, что уже к выходу настоящей публикации (или немногим позже) все мы станем обладателями группового иммунитета совсем не правового, а медицинского характера. И вот тогда на первый план выйдет вопрос о доступности правосудия, как и любого другого порядка защиты прав в случае их предполагаемого нарушения.

Известно, что понятие «доступность» предполагает принципиальную возможность пользоваться чем-либо (продуктом, услугой, устройством, средой) той или иной группе людей, в нашем понимании – всех граждан независимо от их технических навыков по владению современными технологическими устройствами, состоянию здоровья, возможностями из-за различных ограничений (как внутренних, так и внешних; как субъективных, так и объективных) участвовать в процессе судебной защиты их прав и охраняемых законом интересов.

Следует поддержать организаторов конференции и лично профессора З.Х. Баймолдину в их стремлении напомнить всем нам о таком все более отдаляющемся во времени идеальном варианте развития судебной власти как условия для обеспечения прав каждого человека. К сожалению, создается впечатление, что современный законодатель выбрал экстенсивный путь развития цивилистического законодательства, через многочисленные изменения в ранее достаточно стабильный ГПК РФ. Так, в Российской Федерации за последние пять лет было принято 21 с половиной федеральных законов о таковых изменениях («с половиной» - имея ввиду то, что известный Федеральный Закон от 28 ноября 2018 г. действует в редакции от 17 октября 2019 г.), в то время как, например 2003 г. ознаменован всего одним федеральным законом об изменениях в ГПК РФ, в 2005 г. было принято два закона, 2006 г. – один и т.п.). При этом вопрос о причинах нестабильности современной гражданской процессуальной формы остается открытым, но точно можно сказать, что таковые причины лежат за рамками обеспечения доступности правосудия по гражданским делам.

Между тем, ни из одной пояснительных записок к проектам принятых впоследствии законов, вносящих изменения в ГПК РФ, когда таковые записки удавалось найти, не получилось (хотя и очень хотелось) понять, являются ли вносимые изменения окончанием реформирования процессуального законодательства, т.е. когда же это реформирование закончится. Отсутствие былой стабильности цивилистического процессуального законодательства считаем негативными факторами, отрицательно влияющими на доступность и эффективность правосудия, которые являются критериями оценки соответствия реального положения законодательного регулирования гражданского судопроизводства идеалам судебной защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов.

Достижению таких идеалов должны способствовать все процессуальные нововведения, включая видеоконференцсвязь. Однако здесь имеют место быть установленные процессуальным законом препятствия ее использования при отправлении правосудия по гражданским делам. И, как это ни странно звучит, к таким препятствиям следует отнести принцип гласности судебного разбирательства, точнее, установленные законом (как непосредственно гражданским процессуальным, так и иными нормативными актами) исключения из него.

В современной процессуальной теории содержание и наименование данного принципа может варьироваться от гласности до транспарентности, открытости и публичности [2], но существо его остается во многом прежним. Это существо определяется простым тезисом – судебное разбирательство открыто, кроме случаев охраняемой законом тайны. При этом современный период развития технологий добавил в содержание гласности правосудия к существующим (но в недавних условиях необходимости сохранения здоровья населения на время ограниченным) возможностям очного личного присутствия в судебном заседании и знакомства с судебными постановлениями также возможности удаленного доступа к суду через систему ГАС Правосудие и видеоконференцсвязь. При этом если до недавнего времени последние развивались как дополнительные гарантии доступности правосудия, то события весны 2020 года стали знаковыми (если не главными или даже единственными) гарантиями.

Реализация требований гласности оказалось, по нашему мнению, значимо видеоизменным в зависимости от расширения введения видеоконференцсвязи при отправлении правосудия по гражданским делам. Отдельным препятствием такого расширения стала категория «охраняемая законом тайна». Под охраняемой законом тайной, как правило, понимают сведения, незаконное разглашение которых может нанести вред правам и охраняемым законом интересам граждан, организаций и государству в целом, при этом законами установлена конкретная юридическая ответственность за их разглашение, а также предусмотрен режим конфиденциальности, особые правила охраны и использования. Проще говоря, тайна – это сведения, которые уже известны отдельному человеку или группе лиц (в нашем случае – субъектам гражданских процессуальных правоотношений), но по различным причинам являются секретными, т.е. должны быть скрыты от других людей [3].

Казалось бы, правовых препятствий для технологий удаленного доступа при отправлении правосудия по гражданским делам здесь быть не может, вопрос должен стоять в плоскости обеспечения высокой степени защищенности каналов судебной связи, т.е. в чисто технической области. Тайна как юридический феномен предполагает не просто секретную информацию, а правовой режим ее охраны. Действительно, судьи констатируют отсутствие решения вопроса безопасного доступа к каналам связи, если процесс закрытый, по крайней мере до тех пор, пока не будет установлена предлагаемая биометрическая идентификация участников гражданского процесса [4]. Однако законодатель установил и формально-юридическое препятствие к применению цифровых технологий по значительной части гражданского судопроизводства, прямо запрещая использование не только аудиозаписи, но видеоконференцсвязи в п.6 ст. 10 ГПК РФ, таким образом исключая из закрытых судебных заседаний саму возможность ее использования. Попробуем разораться, насколько это необходимо, или, наоборот, вредно для правосудия по гражданским делам.

Итак, действующий ГПК РФ закрепляет принцип открытости в ст. 10, раскрывая конституционное положение, установленное в 1 ст. 123 Конституции РФ: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом». Ч.2 ст. 10 ГПК перечисляет изначально всего два подвида тайн, обязательно охраняемых законом: государственную тайну и тайну усыновления (удочерения) ребенка, но при этом оставляя перечень открытым путем использование отсылочной формулировки: «а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом». Помимо указанных подвидов тайн, которые мы классифицируем как обязательные, указанная норма ст.10 ГПК РФ допускает исключение из принципа открытости для сохранения еще двух подвидов тайн: коммерческой тайны и тайны (сохранение неприкосновенности) частной жизни граждан. При этом указанные подвиды тайн не являются обязательными, для их применения необходимо, во-первых, иницилирующее ходатайство лица, участвующего в деле, которое ссылается на необходимость сохранения тайны второго вида, и, во-вторых, ответное на такую инициативу действие суда по удовлетворению заявленного ходатайства. Помимо двух указанных подвидов тайн, при тех же условиях может быть удовлетворено ходатайство лица, участвующего в деле, по иной охраняемой законом тайны, или даже «иных обстоятельств, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина». Приведенная формулировка относительно «иных обстоятельств» представляется нам весьма широкой, даже необоснованно широкой, принимая во внимание, что ежегодно в нашем государстве принимается более 40 нормативных актов по различным «тайнам», оказывающимся после вступления в силу этих актов охраняемыми законом тайнами.

Таким образом, целый сонм охраняемых законом тайн, каждая из которых сама по себе становится исключением из принципа гласности, подрывает и сам принцип. Кроме того, ст. 10 ГПК РФ допускает весьма широкое судейское

усмотрение в данной области еще и на основе инициативы (ходатайства) любого лица, участвующего в деле.

Итак, чтобы не ограничивать доступность правосудия по гражданским делам по надуманным предлогам, и вообще использование видеоконференцсвязи, в целях правильной реализации открытости судебного разбирательства, тем более, в условиях всеобщей информатизации правосудия, предлагающей возможность (а, в ближайшее время и необходимость) судебного разбирательства и совершения отдельных процессуальных действий при помощи цифровых технологий, целесообразно исключить из ст.10 ГПК РФ момент, касающийся неких «иных» обстоятельств, которые прямо не установлены законом в качестве охраняемой тайны.

Кроме того, в идеальном варианте никакая тайна вообще не должна быть препятствием для использования видеоконференцсвязи при отправлении правосудия по гражданским делам, а должна быть защищенной при помощи защиты каналов судебной связи, доступ к которым должен обеспечиваться лишь необходимым субъектам.

Список использованных источников:

1. Рукавишникова И. Технологии удаленного доступа при отправлении правосудия повысят уровень реализации права на судебную защиту <http://legislation.council.gov.ru/events/news/120218/> // [Электронный ресурс] (дата обращения 15.12.2021)

2. Исаенкова О.В., Соловьева Т.В. Хронодискретность публичности в российском гражданском судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43).

3. Авдеева М.В., Пиджаков А.Ю. «Тайна» как правовое понятие // Ленинградский юридический журнал. 2012. №4.

4. Авакян Е., Лиджанова А. Материалы онлайн-конференцию «Правосудие online: потрясение – отрицание – ...прорыв?»// https://pravo.ru/company_news/221399/ [Электронный ресурс] (дата обращения 15.12.2021)

**Бағыллы Сафура
Теймуразовна,**
к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и
административного
судопроизводства Российского
государственного
университета правосудия

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ФОРМАТА СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Применение информационных технологий способствует рациональному подходу в выстраивании организационно-процессуальных отношений между участниками судопроизводства.

В период последних двадцати лет количество актов, регулирующих введение информационных технологий (далее – ИТ) в сферу судопроизводства, а также расширение их возможностей только увеличивается.

В электронном пространстве судопроизводства можно выделить несколько направлений:

- 1) взаимодействие аппарата суда;
- 2) действия физических или юридических лиц по подаче различных процессуальных документов;
- 3) применение электронных технологий в ходе процесса рассмотрения и разрешения дела;
- 4) электронное пространство в рамках исполнения судебного акта;
- 5) взаимодействие суда и других органов;

Не следует с уверенностью утверждать о полноте регулирования каждого из направлений. Это связано с тем, что до конца ещё не ясны итоги программ по цифровизации, не стабилизировалась восприимчивость к введению новшеств у непосредственных участников процессуальных правоотношений и другие факторы.

В связи с ограничительными мерами, введенными по известным причинам ухудшения эпидемиологической обстановки не только в России, но и во всём мире, ускорился процесс перехода деятельности суда в виртуальный формат взаимодействия. Это стало весомым обстоятельством для того, чтобы, исходя из практического применения цивилистических процессуальных норм и накопленного опыта, задуматься над теоретическим обоснованием классических институтов.

Так, например, дискуссионным в науке стал вопрос об отличии «электронного правосудия» от «электронного судопроизводства».

Известно, что к содержанию этих терминов нет однозначного подхода. Вместе с тем, «правосудие следует рассматривать в рамках права, поскольку оно осуществляется судьёй на основании закона и внутреннего убеждения» [1].

«Судопроизводство» характеризует саму деятельность по отправлению правосудия [2].

Таким образом, обращение в правовом пространстве таких понятий как электронный суд, электронные документы, электронная подпись и др. применение электронных систем по созданию сайтов судов, систем информирования о статусе судебного дела, систем видеоконференций, следует относить к оптимизации технической работы суда и связывать с понятием «судопроизводства».

Осуществление электронного правосудия предполагает мыслительную деятельность судьи по разрешению спора. Здесь следует рассуждать об участии судей-роботов в разрешении дел. А оптимизация и повышение качества правосудия возможны, когда алгоритм принятия решений качественно отработан и погрешности снижены до минимума.

Развитие технологий заставляет задуматься, в том числе, о содержании основополагающих начал судопроизводства – принципах. Классификации принципов в связи с развитием цифровых технологий в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, а также необходимость формулирования новых, на наш взгляд, является предметом более глубокого исследования.

Однако, нельзя не обратить внимание на те принципы, на которые уже повлияли технологии. Не вдаваясь в подробности каждого из представленных принципов, обозначим только те аспекты, которые оказывают на них влияние.

Принцип независимости судей (ст. 8 ГПК РФ, ст.5 АПК РФ). Прозрачная работа суда повышает доверие к правосудию и расширяет возможности граждан в понимании сложности деятельности суда. С другой стороны, наблюдаются различного рода вмешательства в осуществление правосудия.

Принцип гласности (ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ) связывается с вопросами информационной безопасности и приобретает негативный оттенок в связи с утечкой информации о сторонах процесса.

Принцип языка судопроизводства (ст. 9 ГПК РФ, ст.12 АПК РФ). С развитием технологий практически каждый из нас становится участником диалога с машиной на естественном языке: выполнение ею голосовых команд, ответы на вопросы в различных службах техподдержки, виртуальные собеседники (чат-боты), автоматический перевод текстов с одного языка на другой, в том числе с голоса в режиме реального времени и т.п.

Исследования в области применения искусственного интеллекта (далее - ИИ) проводятся и для осмысления, обработки естественного языка, анализе и синтезе речи. Диалоги на естественном языке и отработанный машинный перевод [3] возможно повлекут преобразования института «переводчика». Международные компании, университеты, в том числе и в России проводят исследования в этом направлении [4].

Принцип законности (ст. 6 АПК РФ и косвенно исходит из различных положений ГПК РФ, например, ст. 2). В примерах судебной практики нередко встречаются случаи чрезмерного стремления к неукоснительному соблюдению закона, его излишне буквальному пониманию и применению - формализму [5].

Соглашаясь с точкой зрения некоторых коллег, вместо принципа законности видится необходимость закрепить принцип верховенства права [6].

Принцип диспозитивности в содержании отражает право и возможности сторон выбирать в некоторых случаях, например, подсудность спора, определять полномочия представителя в выдаваемой доверенности и т.д. В рамках данного принципа представляется интересным регламентировать положения о праве выбора сторонами формата проведения судебного заседания. Исключения, полагаем, должны составлять дела, в которых затрагиваются интересы несовершеннолетних или государственные интересы.

Принцип состязательности (ст. 12 ГПК РФ, ст.9 АПК РФ) под влиянием современных технологий проявляется через возникновение процессуальных рисков. Например, когда сторона согласилась получать смс-оповещения о судебных заседаниях, но потеряла мобильный телефон. Подано и удовлетворено ходатайство об участии в судебном заседании через видеоконференцсвязь (далее - ВКС), но компьютер дал сбой.

Принцип непосредственности (ст. 157 ГПК РФ, ст. 10 АПК РФ). Развитие технологий позволяет проводить судебный процесс вопреки различного рода обстоятельствам. Вместе с тем, имеет место быть вопрос об искажении реального содержания представляемых в суд доказательств, а также действительной воли лица, присутствующего в заседании с помощью ВКС.

Принцип доступности прямо не закреплен в положениях процессуальных кодексов АПК РФ, ГПК РФ. Переход на электронный формат взаимодействия положительно влияет на доступность правосудия для маломобильных групп населения, имеющих особенности развития, экономит финансовые средства.

Вместе с тем, имеет место быть проблема «цифрового неравенства». Это проявляется в наличие или отсутствие современных гаджетов, обновлённых программ, а также квалифицированности в умении обращаться с техникой. Возникновение технических проблем, препятствует осуществлению в полной мере прав, своевременности обращению в суд, и может служить основанием для отказа в принятии заявлений.

Принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока на исполнение соответствующего судебного акта (ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ). Цифровые технологии способствует реализации принципа путём: а) сокращения сроков разрешения дел (по некоторым категориям дел); б) предоставления доступа к необходимой по делу информации в любой точке мира; в) упрощения совершения отдельных действий (необязательно являться в суд); г) предоставления исполнительных и иных документов в электронном формате. Проблемы реализации принципа связаны всё ещё с неготовностью общества для полного перехода в электронный формат взаимодействия.

Принцип процессуальной экономии не закреплен в положениях АПК РФ и ГПК РФ. Вопрос о его самостоятельности в науке также подвергается сомнению [7]. Однако, электронный формат судопроизводства может позволить ему проявить свои преимущества. Например, присутствие в судебном заседании через ВКС, позволит снизить судебные расходы.

В контексте анализа всех принципов обратим внимание на *добросовестное процессуальное поведение*. В период применения технологий это особенно

актуально, поскольку участники процесса взаимодействуют в виртуальном пространстве, границы которого до конца не изучены, а правовое регулирование всё ещё развивается. Добросовестное поведение имеет отношение не только к сторонам и лицам, участвующим в деле, но и к суду. В качестве примера, судья через помощника инициировал попадание искового заявления в систему ГАС «Правосудие» в своё производство, взломав её [8]. Или, лицо, участвующее в деле, ведёт несанкционированную запись процесса, при условиях закрытого судебного заседания.

Следующий вопрос, который хотелось бы рассмотреть – это вопрос доказывания в цивилистическом процессе с помощью электронных доказательств. Этот вопрос можно относить к многоаспектным, поскольку связывается, во-первых, с их получением; во-вторых, с представлением доказательств в суд, в-третьих, с их принятием и, наконец, с их хранением.

Особые условия получения предполагают наличие таких факторов, которые не позволяли бы усомниться в их допустимости: оформление скриншота у нотариуса, где это необходимо; ведение видеозаписи, где это не запрещено и т.д.

Представление доказательств через цифровое пространство, с одной стороны, способствует их объективному восприятию. С другой стороны, объективность может подвергаться сомнению ввиду того, что информация, передаваемая через цифру, проходит обработку человеком или, где это возможно, искусственным интеллектом.

Принятие и непосредственное их исследование, исходя из предыдущего разъяснения, а также разъяснений, представленных по принципу непосредственности может быть искажено.

Хранение информации, контроль за незаконным проникновением в неё, а также дальнейшие действия в отношении информации подвисли в воздухе.

В законоположениях о месте электронных доказательств имеется несогласованность. Например, согласно нормам АПК РФ (ч. 2 ст. 64, ст. 75), ГПК РФ (ст. 71) и КАС РФ (ч. 2 ст. 59, ст. 70) цифровые доказательства отнесены к письменным доказательствам. Вместе с тем, ч. 2 ст. 89 АПК РФ допускает приобщение цифровых доказательств в качестве иных документов и материалов. КАС РФ к письменным доказательствам относит ещё и доказательства, выполненные в форме цифровой и графической записи, полученные по каналу ВКС.

Европейский практический опыт применения электронных доказательств подвел к тому, что все указанные доказательства были выделены в группы [9]. В российском законодательстве такой классификации не содержится.

В науке цифровые (электронные) доказательства одни учёные, как и законодатель, отнесли к письменным средствам доказывания [10], другие – к вещественным [11]. Выделилась и третья точка зрения, согласно которой документы, полученные с помощью техники, образуют самостоятельное средство доказывания [12]. Предлагалось даже выйти из ситуации и установить открытый перечень средств доказывания [13], однако и у такой позиции нашлись противники [14].

В связи со стремительным развитием технологий представляется не просто определить к какому виду относятся не только электронные документы (электронная трудовая книжка, электронный паспорт, права), но и (аудио-) видеозаписи, поскольку они могут выполняться с различных носителей и в различных ситуациях (например, электронное аудио протоколирование собраний участников обществ). Многие процессы, которые совершаются нами сегодня, приобретают цифровую форму.

Исходя из этого следует утверждать о соотношении любого рода цифровых доказательств, как средства доказывания, наряду с другими классическими средствами доказывания. Основные вопросы, которые следует урегулировать: какие средства доказывания могут быть приняты судом в цифровом формате, как применять к такому формату свойства доказательств, как осуществлять доказывание, каковы приемлемые способы их исследования и оценки судом, а также хранения и возврата.

И наконец, один из важных вопросов – это искусственный интеллект в деятельности суда и его различные качества существования, а также качество его работы.

В Концепции развития информатизации судов до 2020 года законодательно регламентировались отдельные элементы электронного судопроизводства, «слабого ИИ»: возможность электронной формы обращения в суд, получение уведомлений в виде SMS-сообщения, проведения заседаний с помощью систем ВКС, движение дела в электронной форме и др. На данный момент все они реализованы.

В действующей Концепции выбран курс на ускорение развития ИИ в Российской Федерации с перспективой до 2030 г. [15].

Основные вопросы, которые тревожат не только Россию, но и весь мир – это вопросы принципов работы (ст. 19 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490) ИИ; этики (Страны Европы приняли Этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [16]); насколько ИИ способен заменить судью или юридического работника.

Отметим, что многоаспектность сущности судейской деятельности, вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Элементы электронного судопроизводства, обеспечивают ход процесса, делают его удобным и практичным.

Однако, упрощение и алгоритмизация процессов, не могут сравниться со знаниями, опытом, интуицией и другими факторами, сопутствующими деятельности судьи. Не вызывает сомнения деятельность ИИ по классификации, считыванию информации, предложению логических выводов из имеющихся алгоритмов. Отдельные частные случаи функционирования ИИ также вызывают восхищение. Но достижение результатов реальной мыслительной деятельности, опыта работы судьи, возможно только путём самообучения. Принятие решения по делу выступает результатом этой деятельности. Замена судьи машиной или упрощение процесса разрешения дела влияет на права граждан, в частности, право быть выслушанными в процессе. До тех пор, пока такого рода проблемы будут иметь место, не следует поддаваться иллюзии возможности перекладывания функций юристов на плечи

ИИ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, хотелось бы сделать следующие выводы об основных направлениях и перспективах реализации электронного формата судопроизводства при рассмотрении гражданских дел в Российской Федерации.

1. Стремительное развитие ИТ пока оставляет позади процессы развития норм, регулирующих всю сложность правоотношений субъектов электронного формата судопроизводства.

2. Таким образом, эффективность правосудия не представляется уже без автоматизации многих процессов. Поэтому регулирование отдельными положениями законодательства всех процессов, происходящих в сфере правосудия, не представляется разумным. С одной стороны, существует проблема отсутствия систематизированного кодифицированного акта для регулирования нового формата судопроизводства. С другой стороны, вопрос о необходимости его принятия также является дискуссионным.

3. Несмотря на положительный эффект от ИТ, следует понимать, что их внедрение в цивилистический процесс требует тщательного осмысления понятийного аппарата, не предполагающего использование технических терминов.

4. К отрицательным сторонам внедрения ИТ в процесс судопроизводства сегодня можно относить: уменьшение интервала между развитием всё более совершенных технологий и одновременно замедлением реакций на происходящее учёных и практиков, непосредственно связанных с правом; высокая стоимость технического обеспечения и поддержания его работы; процессуальные риски (например, сбои программ), а также недостаточное владение технологиями как сотрудников судебной системы, так и самих участников процесса; вопросы информационной безопасности.

5. Новые формы взаимодействия участников процессуальных правоотношений при осуществлении электронного формата судопроизводства отражается на принципах судопроизводства.

6. Применение термина «информация, представленная в цифровой (электронной) форме» видится отражает суть доказательств, представляемых в суд, где важным является сама информация, а не формат её носителя.

7. Активное развитие способов работы с информацией, следует относить к технической плоскости, которую не следует приносить в правовую.

8. Законодателем подготовлены и реализованы множество нормативных правовых актов, изменений и разъяснений к ним для разрешения проблем восприятия цифровой доказательственной информации, заключены международные соглашения, созданы даже организации, специализирующиеся в области оценки доказательственного значения компьютерной информации. Однако во всех обозначенных источниках присутствует терминологическая несогласованность или противоречие.

9. Назрела необходимость формулирования процессуальных правил представления, исследования, хранения нового формата доказательств. Видится отражение в положениях процессуальных кодексов норм, в которых следует закрепить классический порядок представления информации и

соответствующие ему способы хранения и т.д. и иной порядок работы с цифровой информацией (её хранение, возврат, уничтожение и т.д.).

10. Проблема видится не в том, будет ли ИИ в судопроизводственной деятельности, а какие институты цивилистического процесса будут преобразованы путем применения ИИ, есть ли необходимость полностью автоматизировать стандартные функции, при реализации каких процессуальных действий необходимо сочетание ИИ и деятельности человека, а в каких последнего возможно полностью заменить.

11. По итогу, весь спектр действий ИИ в цивилистическом процессе сегодня складывается из распознавания, классификации и предсказания (последняя всё ещё функция под вопросом).

Список использованных источников:

1. Байкин И.М. «Судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство» как правовые категории // Мировой судья. – 2008. – № 9.

2. Дегтярев С.Л. Соотношение правовых категорий «правосудие» и «судопроизводство» в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – №8.

3. Альманах искусственный интеллект. Текущее состояние в России и мире. Стратегия России. Аналитический сборник. Июнь, 2019.

4. Альманах искусственный интеллект. Текущее состояние в России и мире. Стратегия России. Аналитический сборник. Июнь, 2019.

5. Вестник ВАС РФ. 2010. № 1.

6. Князькин С.И. Проблемы достижения правовой определенности на стадии проверки судебных актов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2017 №. 6; Фурсов Д. А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса: учебное пособие. – М.: Статут, 2009.

7. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М.: Статут, 2009.

8. М.Иванов. Председатель суда ответила за взлом ГАС по делу на 2,5 млрд. рублей // Legal. Report. – URL: <https://legal.report/article/19092018/predsdatel-suda-otvetila-za-vzлом-gas-po-delu-na-2-5-mlrd-rub> (дата обращения 20.09.2018).

9. <https://rm.coe.int/1680700298> (п. 28).

10. Смоленский И.Н. Идентификация лица (субъекта арбитражного процесса) в электронном правосудии // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1.

11. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая природа и доказательства в суде. – М.: Городец, 2000.

12. Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4.

13. Алексеев А.А. Закрытый перечень средств доказывания в концепции Единого ГПК РФ: шаг вперед или движение назад // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 10.

14. Решетникова И.В. Состязательная система доказательств: новеллы АПК РФ // Российская юстиция. – 2003. – № 9.

15. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

16. <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения 21.05.2021).

Князькин Сергей Игоревич,
к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и
административного
судопроизводства
Российского государственного
университета правосудия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Под цивилистическим процессом понимается единство трёх процессуальных форм: гражданской, арбитражной (экономической, хозяйственной) и административной. Попытки размежевания этих видов судопроизводства противоречат однородному характеру отраслей гражданского процессуального и арбитражного (экономического, хозяйственного) процессуального права [1].

Информационные технологии, оказывающие влияние на цивилистический процесс, рассматриваются в двух качествах. Во-первых, качестве вспомогательного средства отправления правосудия, при котором споры разрешает судья-человек. Во-вторых, в качестве полноценной замены человека, на смену которому приходит искусственный интеллект.

В обоих случаях требуется адаптация процессуальной формы. Если она будет проигнорирована, то полномасштабный запуск искусственного интеллекта вскроет все изъяны, которые не получили должного внимания в период разрешения споров человеком.

Эти суждения являются не умозрительными, а вполне реальными. В частности, в некоторых странах объявлен переходный период, связанный с использованием искусственного интеллекта для разрешения некоторых категорий споров. Например, в США [2], а также в Казахстане [3]. Ещё большее распространение он получает в иных правоприменительных сферах [4].

Подготовка процессуальной формы предполагает переоценку требований к правосудию, которые традиционно рассматриваются в качестве гарантий права на судебную защиту [5]. Переосмыслению подлежат, прежде всего, так называемые безусловные основания отмены судебных актов проверочными инстанциями.

Связь этих требований к правосудию и искусственному интеллекту является непосредственной. Постепенная замена человека искусственным

интеллектом при разрешении споров повлечёт ненужность всех обрядовых правил, которые сегодня воспринимаются в качестве необходимых. Это объясняется тем, что процесс разрешения спора будет практически одномоментным.

В свою очередь, обрядовость судопроизводства востребована потому, что рассмотрение дела человеком одномоментно произойти не может. На современном этапе развития цивилистической процессуальной формы необходима деформализация процесса, особенно там, где обрядовые правила не служат объективными предпосылками принятия судом правильного решения в вопросах факта и материального права, тот есть, по существу спора.

Оценка процессуальных критериев надлежащего правосудия имеет важное значение. Она востребована для того, чтобы понять, насколько безусловное соблюдение всех формальных требований к отправлению правосудия в их крайнем, обрядовом понимании, способствует защите нарушенного права. Культ обрядов и форм судопроизводства при вторичном значении фактических обстоятельств дела и норм материального права лишь формально обеспечит судебную защиту нарушенного права.

Законное с точки зрения норм процессуального права решение может быть ошибочным по существу. Актуальность этой проблемы дополнительно подтверждается нормами процессуального права. Здесь имеется в виду алгоритм проверочной судебной деятельности, первым этапом которого всегда выступает проверка наличия безусловных процессуальных оснований отмены обжалуемого судебного акта. Этот алгоритм сохраняется вплоть до последней, надзорной судебной инстанции.

Вместе с тем, некоторые из процессуальных требований к судебному разбирательству сохраняют свою актуальность и после передачи полномочий на разрешение споров искусственному интеллекту. К таким требованиям следует отнести необходимость представления лицу, участвующему в деле и не владеющему языком судопроизводства, переводчика, в том числе для обмена письменными доказательствами, а также привлечение к участию в деле всех лиц, о правах и обязанностях которых будет принят судебный акт. Последнее обстоятельство требует предварительного анализа спорного материального правоотношения для определения всех потенциальных и реальных его участников.

Игнорирование названных требований к отправлению правосудия влечёт утрату процессуальных предпосылок принятия справедливого решения. Личное участие всех заинтересованных в исходе дела лиц, совершение ими всех необходимых процессуальных действий, включая представление дополнительных письменных документов, заявление ходатайств об истребовании доказательств будет востребовано и при рассмотрении спора искусственным интеллектом [6]. Только эта деятельность будет адресована не человеку, а алгоритму, оценивающему и действия сторон, и представленные ими документы и материалы в соответствии с заданными параметрами разрешения спора.

Современный цивилистический процесс уже отказывается от безусловного следования обрядовости. В российском гражданском

судопроизводстве не влечёт безусловную отмену судебного решения ряд обстоятельств. К их числу относятся нарушение территориальной подсудности, кроме исключительной, отсутствие бумажного протокола при наличии аудиозаписи заседания и наоборот, а также нарушение последовательности исследования доказательств, судебных прений. Но этого явно недостаточно для подготовки процессуальной формы к применению искусственного интеллекта.

В современных условиях ряд императивных требований, нарушение которых влечёт безусловную отмену судебного решения, представляется избыточным и устаревшим. К таким обстоятельствам, например, надлежит отнести нарушение правил родовой подсудности, тайны совещания судей, а также отсутствие протокола судебного заседания в любой из его форм.

Традиционно императивные требования к соблюдению правил подсудности далеко не всегда обеспечивают надлежащее разрешение спора по существу. В основе родовой подсудности лежит идея законодателя о том, что рассмотрение спора нижестоящим судебным звеном, а не вышестоящим, автоматически уменьшает гарантии права на судебную защиту. Полагаем, что подобное умозаключение является ошибочным.

Во-первых, отсутствует прямая зависимость уровня судебного звена, разрешающего спор, от профессиональной квалификации судей. Квалификационные требования к кандидатам на должности судей не означают их реальную бóльшую или меньшую опытность. Возрастной ценз и именно стаж, а не опыт работы, представляют собой внешние характеристики, по которым трудно судить о действительном уровне профессионализма.

Во-вторых, не доказана заведомая повышенная сложность дел, рассматриваемых в качестве первой инстанции судами среднего звена и высшим судебным органом. Споры, разрешаемые всеми судебными звеньями, однородны.

Условный характер следует придать и такому процессуальному обстоятельству, как нарушение правил исключительной территориальной подсудности. Данное правило известно со времён Древнего Рима [7]. Аргументами в пользу закрепления правил исключительной территориальной подсудности выступали удобство и процессуальная экономия [8], когда суд осматривал недвижимость или допрашивал свидетелей по месту её нахождения.

В современный период сбор доказательств, связанных с недвижимостью, может быть обеспечен силами экспертов и специалистов, результаты деятельности которых оцениваются судом. Представление и исследование письменных доказательств не предполагает больших издержек, а развитие автоматизированных электронных систем судебного документооборота лишь упрощает обмен состязательными документами, касающимися спорной недвижимости. Рациональным представляется применение правил общей и альтернативной территориальной подсудности по спорам с недвижимостью, что учитывает интерес сторон в части доступности правосудия.

Обязательность протоколирования судебного разбирательства уместна, если суд основывает своё решение на свидетельских показаниях, консультации специалиста, которые даются в устной форме. Если же решение основано

только на письменных материалах, имеющих в деле, то и наличие протокола не следует признавать обязательным, и разумно отходить от такого рода формализма и излишней работы суда.

Культурное отношение к тайне совещания предполагает изоляцию судьи от окружающего мира до принятия и оглашения им решения. Использование в совещательной комнате любых средств связи, включая интернет, признаётся нарушением тайны совещания.

Смысл правила тайны совещательной комнаты состоит в предотвращении влияния посторонних лиц на убеждение суда о результатах разрешения спора. Однако, в подавляющем большинстве рассматриваемых дел суд знает о том, какое решение следует принять задолго до удаления в совещательную комнату. Справедливости ради, не является секретом наличие интернета в кабинете судьи, предназначенном в качестве совещательной комнаты.

Доля споров, рассматриваемых судом коллегиально, многократно меньше количества дел, которые слушаются в единоличном составе. В то время, как тайна совещательной комнаты в её традиционном понимании предполагает наличие собственно совещания, дискуссии коллегии судей.

Нарушение правила тайны совещательной комнаты приобретает процессуальное значение при условии того, что это нарушение повлекло фактические и материально-правовые ошибки судебного решения. Однако судебная практика свидетельствует о сложности установления не только данной взаимосвязи, но и самого факта нарушения тайны совещания судей [9].

Это обстоятельство, как и другие, в очередной раз подтверждает приоритет содержательных требований к отправлению правосудия на современном этапе. Искусственный интеллект будет придерживаться только материальных, а не формальных правил разрешения споров.

Вторым направлением развития процессуальной формы, требующим переосмысления под влиянием информационных технологий, является правовая идеология. Речь идёт о выборе верховенства закона или верховенства права.

Верховенство закона означает доминирование юридического позитивизма, а верховенство права является результатом преобладания естественно-правового типа правопонимания. Второй вариант представляется предпочтительным по нескольким фундаментальным причинам.

Первой причиной является то, что при естественно-правовом подходе праву не придаётся нормативный, то есть, формальный характер. Право не отождествляется с законом и иными статутными положениями национального и международного права. В реализации прав и свобод, их судебной защите не может быть отказано только по той причине, что они не закреплены в законе. На современном этапе проблемы возникают не только с реализацией прав, например, в административном порядке, но и с их судебной защитой.

Юридический позитивизм в его крайней форме далеко не всегда позволяет предоставить адекватную нарушенному праву защиту и его восстановление. Отказ в судебной защите обосновывается только тем, что заявленное требование не основано на законе, иным образом противоречит ему.

При этом вопрос о том, было ли нарушено право, не ставится, поиск применимых судом норм права не осуществляется [10].

Второй фундаментальной причиной является заведомое ограничение возможностей искусственного интеллекта при его программировании на рассмотрение дела на основе верховенства закона. Во-первых, господство юридического позитивизма будет означать ограничение сферы компетенции искусственного интеллекта только действующим нормативным массивом, за пределы которого он выходить не вправе даже для защиты нарушенного права.

В этом случае процесс использования искусственного интеллекта будет представлять собой простейший алгоритм, состоящий в тривиальном сопоставлении имеющейся на момент разрешения спора нормы права и фактических обстоятельств дела, и последующем наложении первого на второе. При программировании искусственного интеллекта на основе идеологии юридического позитивизма разрешение споров будет законным, но не придётся ожидать справедливого рассмотрения дел.

Косвенным символическим подтверждением целесообразности приоритета прав человека перед законом служит образ богини правосудия – Фемиды, которая его отправляет не с линейкой в руках, а с весами. Весы олицетворяют меру, которая носит индивидуальный характер в каждом конкретном споре и для каждой из сторон.

Мера присутствует даже в многочисленных типовых делах, когда у суда имеется соблазн дать не только сжатую судебную оценку доказательств, но и использовать толкование норм права, которое было дано ранее по аналогичным спорам. Например, по многочисленным однородным делам с участием налоговых органов или представителей пенсионного фонда.

Мера предполагает не только судебную оценку фактов и доказательств для справедливого распределения между сторонами прав и обязанностей, но и анализ применимой нормы права. Последний требуется для того, чтобы понять, соответствует ли мера, заложенная законодателем, характеру нарушенного права по конкретному делу.

Естественно-правовое восприятие прав человека означает приоритет фактических обстоятельств спора, а не имеющегося на момент его разрешения нормативного массива, от которого ставится в зависимость возможность удовлетворения заявленных суду требований.

В фактическом компоненте спора чрезвычайно важна совокупная оценка установленных обстоятельств и собранных доказательств. Справедливое разрешение спора не будет достигнуто, если судебная оценка вопросов факта будет подменяться цитированием применённых нормативных правовых актов. Такое программирование искусственного интеллекта не будет обладать преимуществами по сравнению с современной позитивистской основой гражданского судопроизводства.

Названные обстоятельства позволяют прийти к выводу о том, что наряду с деформализацией цивилистической процессуальной формы, идеология естественного понимания прав и свобод является единственно возможной в условиях отправления правосудия искусственным интеллектом.

Список использованных источников:

1. Фурсов Д.А. Теория правосудия. Том второй. М., 2009. С. 35.
2. Judges Now Using Artificial Intelligence to Rule on Prisoners [Электронный ресурс] URL: <https://learningenglish.voanews.com/a/ai-used-by-judges-to-rule-on-prisoners/4236134.html> (дата обращения: 20.12.2021).
3. Прогноз по исходу судебного дела просчитает искусственный интеллект [Электронный ресурс] <https://inbusiness.kz/ru/news/prognoz-po-ishodu-sudebnogo-dela-proschitaet-iskusstvennyj-intellekt> (дата обращения: 11.12.2021)
4. Kehl D., Guo P., Kessler S. Algorithms in the criminal justice system: Assessing the use of risk assessments in sentencing [Электронный ресурс] URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/33746041/201707_responsivecommunities_2.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 05.12.2021).
5. European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> [Электронный ресурс] (дата обращения 21.11.2021).
6. Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным - принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004.
7. Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в его историческом развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов // Рассуждения на степень доктора юридических наук. СПб., 1856.
8. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1876; Добровольский А. А. Советский гражданский процесс. - М., 1979.
9. Батурина Н. А. Тайна совещательной комнаты: реальность или видимость // Российский судья. 2014. № 2.
10. Лазарев В. В., Фурсов Д. А. Установление содержания права в судебных решениях // Журнал российского права. 2016. № 5.

Борисова Виктория

Федоровна,

к.ю.н., доцент

кафедры гражданского процесса

Саратовской государственной

юридической академии

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В
УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ
ДЕЛАМ³**

Вопрос изменения процедуры судебного доказывания под влиянием развития электронных технологий приобретает безусловную актуальность не

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

только на страницах юридической печати, но в повседневной судебной практике. В правовой действительности условно можно выделить несколько приоритетных тенденций, связанных с готовностью к восприятию законодателем новой технико-юридической терминологии, расширению перечня доказательств, имеющих в законе, оценкой степени разработанности проблем использования электронных доказательств в науке. Следует отметить, что трансформация процессуального законодательства набирает обороты. Законопроектом № 1144921-7, внесенным на рассмотрение Государственной Думы РФ системно легализуется максимум апробированных электронных опций, носящих как технический, так и процессуальный характер. Анализ изменений в части процесса доказывания свидетельствует о внедрении возможности участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, обмена процессуальными документами через системы электронного документооборота, представления в суд документов в электронном виде, подписанного электронной цифровой подписью, возможности допроса свидетеля путем использования системы веб-конференции. Однако предложенные изменения кардинальным образом не влияют на расширение перечня доказательств, не содержат законодательного прорыва путем разрешения использования технически сложных доказательств, не подпадающих под понятие электронного документа.

Перечень исследуемых доказательств в гражданском процессе является закрытым и появление новых доказательств, связанное с цифровизацией общества, провоцирует «приспособление» сведений, полученных из электронных источников и/или в электронном виде, к классическим средствам доказывания. Источник такого подхода кроется в ст. 71 ГПК РФ, в которой к письменным доказательствам отнесены документы и материалы, которые:

- выполнены в форме цифровой, графической записи
- получены при помощи факсимильной, электронной, других видов связи, с использованием сети «Интернет»
- подписаны электронной подписью в соответствии с законом или выполнены иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

По сути, в указанной норме речь идет о тех случаях, когда правовая природа доказательства как источника информации не изменяется от способа его фиксации, удостоверения и носителя. Приобретая «электронную форму», такое доказательство по – прежнему фиксирует человеческую мысль (волю, суждения или соглашения), которая имеет доказательственное значение и может быть воспринята путем прочтения письменных знаков [3]. Консервативная позиция сводится к тому, что электронные доказательства – это не новый вид доказательств, а лишь придание электронной «начинки» классическим доказательствам [4]. Столь узкую интерпретацию электронных доказательств можно воспринять при условии отождествления письменного и электронного документа с оговоркой о том, что круг электронных доказательств не ограничивается только электронными документами. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего

использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» содержится собирательное понятие – «документ в электронном виде». Оно включает в себя электронный документ или электронный образ документа. Электронный документ – это документ, изначально созданный в электронной форме без фиксации на бумажном носителе. Его признаком является удостоверение посредством электронной подписи. В отличие от него электронный образ документа – это копия «бумажного» документа, переведенная в электронную форму при помощи сканирования, заверенная электронной подписью в установленном порядке [14]. Следовательно, документ в электронном виде как доказательство, приближен к классическому письменному доказательству по содержанию, но по форме имеет набор специальных требований, предъявляемых к способу заверения, фиксации, проверке достоверности. Максимально похожим на письменное доказательство является электронный образ документа, тогда как электронный документ ощутимо отличается, представляя собой файл какого-либо типа, содержащий электронные данные о лицах, фактах, операциях, процессах, событиях, который может существовать на одном или нескольких носителях [5], подвергаться распространению и опубликованию, иметь защищенный или открытый доступ. Электронные документы подразделяют на персональные, то есть созданные пользователем, и программнопроизводные, то есть созданные программным обеспечением, например, при помощи регистрации на сайте или заполнения формы» [16].

Помимо документов в электронном виде, в гражданском судопроизводстве получили распространение иные электронные доказательства. Так, обычные фотографии, на протяжении длительного времени используемые в качестве доказательств, но не поименованные в ст. 55 ГПК РФ, получили электронную форму, легко поддаются изменению при помощи доступных для широкого пользования программ, распространяются через мессенджеры, социальные сети при помощи мобильных устройств, и, в сущности, не распечатываются пользователями. Иными словами, не получив надлежащее оформление на уровне процессуального законодательства, фотографии, традиционно рассматриваемые как письменное либо вещественное доказательство, настолько существенно видоизменились в цифровой среде, что требуют выработки и применения специальных правил представления, исследования и оценки как доказательства в судебном разбирательстве. Кроме того, развитие цифровых технологий обусловило появление иных информационных материалов, конкурирующих с традиционными доказательствами. Н.И. Борискина справедливо указывает на пересечение аудиозаписей, видеозаписей, письменных доказательств с иными документами и материалами, вследствие чего наблюдается процесс «размывания» видов доказательств [2]. Среди иных материалов, активируемых в числе доказательств в судебных делах, значительное место заняла электронная переписка как совокупность электронных сообщений, направляемых посредством электронной почты, смс-сообщений, мессенджеров, социальных сетей с использованием различных мобильных устройств (компьютеров, планшетов, мобильных телефонов).

Практики и ученые предпринимают попытки обосновать признаки электронной переписки, которые позволят использовать ее в качестве допустимого доказательства в суде. К правилам оценки сообщений, направляемых посредством электронной почты как доказательства предлагается применять ряд требований:

- наличие условия об обмене информацией в договоре между сторонами с указанием официальных адресов электронной почты;
- легализация и идентификация получателей сообщений (ответственных сотрудников, за которыми соответствующие электронные адреса закреплены);
- сопоставление содержания переписки с иными фактическими обстоятельствами дела (например, совпадение дат событий, подтверждение произведенных действий, и др.) [6].

Все перечисленные признаки применимы к официальной переписке и могут быть использованы при рассмотрении споров с участием юридических лиц либо споров, связанных с договорными отношениями, однако вряд ли пригодятся для решения вопроса о допустимости переписки между частными лицами через мессенджеры как доказательства в суде.

Наиболее популярным способом фиксации такой переписки выступает изготовление скриншотов, то есть фотографирования содержания сообщений. В отличие от электронного документа они не содержат обязательных реквизитов, средств автоматического удостоверения участниками беседы, и поэтому нуждаются во внешнем удостоверении при представлении в суд в качестве доказательства. В то же время заверение скриншотов переписки нотариусом в порядке обеспечения доказательства не гарантирует достоверность ее содержания, поскольку на момент распечатки скриншота и сопоставления его с экраном мобильного устройства заинтересованного участника процесса, количество сообщений и их смысл может быть изменен. Достоверность такого доказательства опровержима в судебном разбирательстве путем представления иного состава переписки оппонентом лица, представляющего в суд скриншот. В настоящее время использование незаверенных скриншотов в процессе доказывания условно пригодно и допускается судьями при условии, если другая сторона не оспаривает содержание и авторство сообщений.

Попытки повсеместного использования скриншотов в качестве доказательства в суде не могла остаться без внимания высшего органа правосудия. Верховный Суд РФ разъяснил, что «допустимыми доказательствами являются, в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ)» [13]. В практической плоскости не все так просто. Скриншоты сайтов не всегда признаются надлежащими доказательствами по нескольким причинам: не указаны адрес сайта, дата получения скриншота, нет подписи уполномоченного лица, сторона имеет техническую возможность изменять контент [9]. Таким

образом, представление в суд скриншотов переписки, Интернет-страниц, иных материалов обусловлено фиксацией дополнительной технической информации, которая может носить доказательственное значение в гражданском процессе. К ней относятся метаданные, лог-файлы сервера провайдера, лог-файлы хостинг-провайдера, отчеты поисковых систем, статистические интернет-сервисы, информация, характеризующая особенности функционирования домена в Интернете; и т.д. [11]. Л.В. Зайцева, Н.В. Сухова указывают на возможность использования лог-файлов в качестве самостоятельных допустимых доказательств, в частности по трудовым делам [7]. Метаданные содержат информацию об информации, позволяющие идентифицировать электронное доказательство (не скриншот, а именно электронный источник информации) по ряду признаков: название файла, формат, размер файла, сведения об авторе, редакторе, дате публикации. Таким образом, назрела необходимость формирования концепции сложных цифровых доказательств, которые могут быть материализованы в виде текстовой и нетекстовой информации, подлежащей исследованию в суде с выполнением определенных условий допустимости.

Определяя правовую природу распечаток Интернет-страниц как доказательств в гражданском процессе, авторы указывают на их двойственный статус: с одной стороны, это доказательство – документ, то есть письменное доказательство, с другой стороны это предмет, исследование которого требует осмотра по правилам, предусмотренным для вещественных доказательств с возможным привлечением специалиста. При этом данные доказательства никак не идентифицируются законодателем с точки зрения отнесения к прямым или косвенным, первоначальным или производным доказательствам [8].

Скриншоты могут быть заверены нотариусом до обращения в суд в порядке обеспечения доказательств. Так, нотариус составляет протокол, в котором описывает скриншот, и подшивает к нему непосредственно распечатку с экрана. После этого лицо, представляющее доказательство, и нотариус расписываются в протоколе. Кроме того, протокол или распечатка должны содержать все необходимые данные о «скриншоте» [12]. Большой интерес представляет исследование Н.А. Артебякиной, констатирующей необходимость фиксации значительного количества дополнительной технической информации при составлении протокола осмотра Интернет-страницы. А именно установлению подлежит возможность совершения нотариального действия по обеспечению доказательств (трассировка), IP-адрес сайта, информация с которого подлежит фиксации, его принадлежность, и др. [1]. К протоколу осмотра Интернет-страницы прилагается текстовая и графическая информация, содержащаяся на ней, а также компакт-диски (другие носители), содержащие медиа-файлы с Интернет-страницы. Оценивая доказательственную силу нотариально удостоверенной Интернет - информации, Е.А. Кириллова справедливо не соглашается с позицией о суженных пределах ее доказательственной силы как производного доказательства – копии документа. Автор полагает, что в случае составления протокола осмотра нотариусом, Интернет-информацию следует считать первоисточником [10]. И, тем не менее, протокол осмотра скриншота, составленный нотариусом, не является панацеей,

поскольку представляет собой исключение из принципа непосредственности при исследовании судом доказательств, его составление не распространено среди нотариусов и не приемлемо по стоимости для многих участников споров.

Одновременно программисты ведут активную работу по разработке различных софт-программ, которые имеют в своём функционале заверение электронных документов. Например, WHOIS; ВЭБДжастис - это один из известных в России онлайн-сервисов по дистанционному нотариальному обеспечению доказательств, размещенных в сети Интернет. Один из сервисов «ВЭБДжастис» – «Скриншот.Лигал» позволяет правильно заверить (зафиксировать) содержимое сайта для суда. В ходе осмотра информации робот выполняет запрос whois данных о владельце домена, проверяет доступность осматриваемой страницы, открывает заданную страницу в интернете и производит ее снимки, которые режет под формат А4 и формирует итоговый документ - протокол автоматизированного осмотра. Сервис предлагает заверить файлы из переписки через все мессенджеры, записать файлы, голосовые сообщения и видео из переписки на диск, либо отдельно заверить видеофайлы.

Создатели сайта продвигают еще один сервис программного комплекса «ВЭБДжастис» - мобильное приложение ShotApp, обеспечивающий снятие скриншотов, видео и фотографий на смартфонах с последующим формированием письменного доказательства - протокола для его представления в суд или досудебного урегулирования спора. Подобное программное обеспечение, несомненно, отвечает потребностям судебной практики, отражая содержание электронной переписки как сложного набора электронных файлов, имеющих признаки различных средств доказывания: текстов, фотографий, аудио-сообщений, видео-файлов. Создатели соответствующего программного продукта гарантируют принятие протокола автоматизированного осмотра судом, это действие целиком зависит от усмотрения судьи. В настоящее время данные документы не получили признания в качестве официального способа заверения электронных доказательств и по своей значимости не имеют приоритета перед другими письменными доказательствами, несмотря на то, что их цель подтвердить самостоятельное доказательство. Названные вспомогательные способы фиксации прямых электронных и производных от них доказательств не исключают право судьи в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства провести осмотр копий страниц сайтов в сети «Интернет» [15]. На наш взгляд, это самый доступный способ использования электронных доказательств в гражданском процессе, предполагающий наличие необходимого оборудования и некоторых технических познаний у суда. Переписка на мобильном телефоне с использованием мессенджеров не столько проста и приемлема для исследования в судебном заседании. Комплексный характер такого средства доказывания, а также необходимость установления ряда правил исследований и оценки доказательств, сопряженного с использованием специальных технических устройств, знаний и программ, обуславливает признание факта возникновения нового вида средств доказывания – цифровых доказательств в гражданском процессе.

Список использованных источников:

1. Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.
2. Борискина Н.И. Иные документы и материалы как доказательства в гражданском судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2018. № 3.
3. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.
4. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.
5. Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2.
6. Зазулин А. Цифровые доказательства в суде. Как правильно представлять в суд видео- и аудиозаписи и электронную переписку в качестве доказательств // Наше право. 2020. № 1.
7. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.
8. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.
9. Зарубина М.Н., Павлов А.А. О процессуальных реалиях и потенциальных возможностях использования электронных доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.
10. Кириллова Е.А. К вопросу о доказательственной презумпции информации, размещенной в сети Интернет // Нотариус. 2018. № 5.
11. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4.
12. Поляк М.И. Использование скриншотов в качестве доказательства в суде // СПС КонсультантПлюс. 2020.
13. [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»](#) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

16. Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10).

Сухова Надежда Вадимовна,
к.ю.н., доцент кафедры
гражданско-правовых
дисциплин Тюменского
государственного университета

ВЫЗОВЫ ГРАЖДАНСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Отправной точкой для моего доклада являются выводы, к которым я пришла в результате совместного, с венгерскими коллегами, научного исследования, предпринятого в сравнительной перспективе, и посвященного последним тенденциям в области гражданской и административной юстиции, связанным с глобальными вызовами современного мира, поставленными перед процессуальными системами всех государств.

Совместное сравнительное исследование показало, что процессы трансформации процессуальной системы двух стран в целом схожи.

С 1990-годов в России и Венгрии (как в других бывших социалистических странах) наблюдался ряд повторных реформ. В любом случае с начала XXI в. во многих национальных процессуальных системах возникло ощущение кризиса, что сопровождалось общими попытками найти новый подход к гражданскому и административному судопроизводству. Но самым большим камнем преткновения реформ судебной власти было надлежащее функционирование системы правосудия, обеспечение эффективной и своевременной правовой защиты [1].

В частности, после многолетнего подготовительного процесса (и, конечно же, после долгих дебатов) парламент Венгрии принял новый Гражданский процессуальный кодекс («новый ГПК») 22 ноября 2016 года. Он заменил предыдущий Кодекс, который прослужил 65 лет в качестве основной отправной точки для всех судебных споров и судебных разбирательств гражданских и административных дел; новый ГПК занял его место 1 января 2018 года. Еще одно важное изменение состоит в том, что новый венгерский ГПК (также как ГПК РФ) не распространяется на процедуры судебного пересмотра административных решений. С 1 января 2018 года в Венгрии действуют и новый Административный процессуальный кодекс и новый ГПК.

В то же время Российские процессуальные реформы 2018-2019 гг. знаменуют следующий крупный шаг в развитии правосудия по гражданским и административным делам после принятия ГПК РФ 2002 г. и Кодекса административного судопроизводства РФ 2015 г. Современные преобразования в области гражданской, арбитражной и административной юстиции России, с вступлением в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451 [2] также делают систему национального процессуальную права более сложной.

Новое законодательство как в России, так и в Венгрии было вызвано рядом внешних факторов. Например, в Венгрии – это существенные изменения в целом ряде нормативных правовых актов, принятие нового Гражданского кодекса. В России – оно составляет квинтэссенцию процесса законодательных новелл позитивного права, начавшегося в 2018-2019 гг. Очевидно, что также как Венгрии, в российском обществе трансформация в сфере разрешения споров диктуется прежде всего необходимостью в более эффективном процессе по гражданскому делу, который лучше соответствует интересам общества 21 века. Хотя, осознанного стремления к этому национальные законодатели не демонстрируют.

Если бы ничего не произошло, все эти законодательные новации все еще были бы на начальной стадии своего развития. И в самом деле, казалось, что долгие годы суды будут выстраивать свою деятельность в соответствие с ними. Но пандемия новой коронавирусной инфекции COVID – 19 преподнесла много неприятных сюрпризов всем странам мира, вторгнувшись даже в процессуально-правовое пространство. Это, конечно, коснулось гражданской и административной юстиции. Однако нынешняя ситуация – задачи, которые поставил перед нами 2020 год, – еще более тревожна и сложна. В жизни процессуального права этот период является моментом согласования целей судопроизводства, идей и юридической практики и, конечно же, этапом незначительных или крупных изменений, предоставляя пищу для анализа *pro et contra* с разных ракурсов.

Синхронное сравнение процессуальных систем в сочетании с диахроническим сравнением по некоторым аспектам истории судопроизводства по гражданским и административным делам России и Венгрии указывают на то, что глубокие перемены в настоящее время являются не только непременным условием выживания государственных судов; ситуация кризиса – далеко не всегда деструкция, разрушение. Её также можно рассматривать как источник новых возможностей для возникновения различного рода инноваций. В рамках такой логики задача государства заключается не только в том, чтобы обеспечить пути выхода из коронакризиса, но и обозначить существование разных перспектив в поиске стратегий принятия решения в области процессуального права, которые могут быть использованы в целях преодоления возникших трудностей,⁴ и тем самым, способствовать обеспечению доступности правосудия в истинном его понимании в качестве правовой ценности. Рассуждая, таким образом, о преодолении кризиса, в настоящее время подчёркивают в первую очередь смещение исследовательской оптики от различных моделей мотивации выживания к моделям мотивации преадаптации, поиска разных форм, и готовности к развитию в непредсказуемых ситуациях. Исходя из этого мы понимаем преодоление не только как способ совладения с трудными ситуациями, к которым безусловно относится коронавирус, а главным образом как способ выстраивания смысловых перспектив,

⁴ Сегодня развить такую логику позволяет анализ феномена преодоления, рассматриваемого во многих психологических концепциях (Г. Олпорт, М. Эриксон, В. Франкл, Э. Фромм, Ф. Василюк, А. Маслоу, А. Лазарус и др.).

необходимых для успешного преодоления кризиса и нацеленных в будущее в поисках окон возможностей (Дж. Мид) и новой нормальности.

В этом смысле и с этой точки зрения нынешние события, однако могут доказать, что предсказания известного российского правоведа Валерия Рязановского [3] и крупного итальянского учёного-процессуалиста, Мауро Каппеллетти [4], о необходимости глубокой трансформации и даже революции в области правосудия по гражданским и административным делам являются неточными только до созревания. Нет единственного фактора, который приводит к такому выводу – это скорее совокупность нескольких процессов как вне, так и внутри национальных систем. Важным процессом сегодня является изменение даже не столько методов взаимодействия между людьми, сколько самого контекста, не только социального, но прежде всего психологического, нравственного, что выводит потребность в глубокой трансформации на совершенно новый уровень.

В настоящее время под новой нормальностью (New Normal) (в отличие от финансового кризиса 2008 г.) понимают не столько экономические, сколько социальные и психологические последствия коронакризиса, а иногда и вовсе мировой порядок в целом. В таком контексте новая нормальность предстаёт как искажение привычного ракурса восприятия пространственно-временных отношений, которая требует набора новых правил и идей.⁵

Мы поддерживаем гипотезу «новой нормальности». При этом в отличие от ряда других её сторонников, мы полагаем, что на этом этапе человечество сталкивается не только с различными системными кризисами, но с кризисом общего характера, кризисом планетарной идентичности. Коронакризис как экзистенциальный тест на человечность сегодня затрагивает любые стороны человеческой жизни. Пандемия поставила во главу угла благополучие и стабильность человека, определила рост значимости человеческой жизни и потребности в безопасности. В связи с этим ключевыми проблемами становятся проблемы, связанные с психическим здоровьем, социальной и психологической устойчивостью, вызванные многочисленными факторами: изоляцией, проблемами адаптации к новой «нормальности», и в том числе изменением социально-психологической специфики доверия общественности к судебной власти; запросами на справедливое судебное разбирательство перед независимым и беспристрастным, эффективным судом; трансформацией судебных повседневных практик офлайн, онлайн и в смешанной реальности, в связи с ускоренным переходом к электронному судебному процессу.

А, следовательно, ставки высоки. Отсюда столь велики риски принятия или даже предложения разных решений властей, особенно тех, которые не учитывают так называемую мотивационную обратную связь и вступают в резкий когнитивный, и главное, ценностный диссонанс с ожиданиями

⁵ Экономист Мохаммед Бухеджи и футурист Чек Сиск при этом подчёркивают, что трудно ещё найти такое время в истории для поиска «новой нормальности», когда столь большое количество изменений происходили бы одновременно: эпидемия, которая затрагивает весь мир, изменение климата, экономический кризис, смена главенства Запада в международных делах на более многополярный мир, и данный список может быть продолжен. (См.: Buheji, M., & Sisk, C. W. *You and the new normal*. UK: AuthorHouse, 2020. – 247 p.).

населения относительно доступности правосудия. Необходимость обсуждения этой проблемы посредством широкой научной дискуссии очевидна.

Ведь, когда мы говорим о новой нормальности, мы в определённом смысле предполагаем уже некоторую нормализацию ситуации, но на самом деле это вовсе не так. Новая нормальность – это VUCA-мир, то есть мир, характеризующийся высоким уровнем нестабильности и сложности. А следовательно, эффективность материального и процессуального права под угрозой. Тем не менее сегодня у нас достаточно поводов для сдержанного оптимизма.

В настоящее время, взглянув со стороны, ряд российских правоведов и юристов обоснованно полагают, что государственные суды, оказавшись в экстремальной ситуации, служат важным целям правосудия, и не в последнюю очередь это касается разработки и толкования законов, развития права, в том числе в процессуальной сфере (Решетникова И.В. [5], Ярков В.В. [6]). Однако эта цель то же оказывается под угрозой, если государственная судебная система окажется не в состоянии справиться с проблемами, вызванными нынешними изменениями в обществе и технологиях.

Действительно, что касается России, пандемия придала большой стимул судейскому правотворчеству. В первую волну коронакризиса было принято несколько Постановлений Президиума Верховного Суда РФ совместно с Президиумом Совета Судей, 2 так называемых ковидных Обзора Верховного Суда РФ, относительно большая судебная практика в базах данных, руководствуясь которыми стали проводиться судебные процессы в режиме веб-конференций – все это вводилось через судебную практику, а не через изменения законодательства, что совсем не характерно для российского судопроизводства, где каждое процессуальное действие должно быть регламентировано на уровне федерального закона. Причем при этом суды создали новые правила, которые не противоречат, а напротив, соответствуют в полной мере основным принципам гражданского процессуального права и административного судопроизводства.

Говоря, таким образом, в частности, об усилившейся роли судейского усмотрения мы хотим заострить внимание на том, что это – не просто «ошибка развития», которую необходимо скорректировать для того, чтобы реальность соответствовала традиционной теории права и процессуальной доктрине. Это – новая, неизбежная, реальность в экстремальных условиях, на которую должны распространяться новые подходы, как описывающие её, так и нормирующие её (например, в терминах коммуникации с использованием плюралистического подхода и новых теорий, которые должны в том числе принимать в расчёт информационные технологии, искусственный интеллект, цифровое опосредствование: как новые инструменты разума). Такой синергетический подход должен предохранить нас от одностороннего анализа и выводов.

Принципиальными становятся вопросы, что и как быстро законодатель, правоведы, судьи и другие участники процесса готовы понять и принять, как изменяется их восприятие мира и себя, какие смыслы и ценности можно и нужно сохранить, а от чего придётся отказаться.

Это также увеличивает потребность в большем внимании, уделяемом анализу феномена судебного процесса через призму взаимодействия между намеченными задачами и целями гражданского, административного судопроизводства, и центральными процессуальными принципами, а также идеями, обусловленными современными реалиями в развитии процессуального законодательства и правоприменении. Как показывают сравнительно-правовые исследования, концепция надлежащей роли суда (судьи) влияет на структуру судебного процесса. Кроме того, имея дело с процессами, которые сегодня разворачиваются в качестве эффекта цифровизации правосудия, мы сталкиваемся с новыми элементами реальности – цифровыми процессуальными правами, свободной оценкой доказательств в условиях применения сегодня онлайн-заседания, при отсутствии нормативно-правового регулирования таких прав и проведения судебных заседаний в режиме веб-конференций, а наряду с этим, – формой возникающих структур (подача и принятие исковых заявлений (заявлений), апелляционных и кассационных жалоб, иных документов с применением электронных технологий, проведение онлайн заседаний, цифровизация судебного приказа, упрощённого производства и т. п.), – что то же требует, – по крайней мере, до некоторой степени, – реформы центральных концепций. Задача не отставать от технологических достижений также фундаментально трансформируют правосудие по гражданским и административным делам. Более того, пандемия показала, что талантливая постановка задачи, которая могла бы существенно продвинуть нас в решении ключевых проблем в процессуально-правовой сфере, оказывается важнее возможностей техники.

В современной системе гражданского правосудия и административного судопроизводства также присутствует в значительной степени человеческий фактор.

Это означает, что современные технологии – это не инструмент, который просто помогает администраторам и судьям делать, что они делали в прошлом, а инструмент, который помогает им делать свою работу с более высокой эффективностью и с меньшими затратами. Вместе с тем процессуальная форма также играет ключевую роль. Форма определяет существование структуры судопроизводства и, тем самым способствует юридической уверенности и предсказуемости.

Творя новые смыслы и значения, как пишет Дж. Мид, люди изменяют мир [7]. В рамках такой логики, преодолевая сегодня кризисную ситуацию, созданную коронавирусом, а точнее, принимая новое, мы прорываемся к новому будущему, трансформируя также не только настоящее, но и прошлое. С этой точки зрения коронакризис как кризисная жизненная ситуация, как некое препятствие на пути трансформации современных систем правосудия должен стать осмысленным событием, соединяющим в себе прошлое, настоящее и будущее. Эта та точка бифуркации, когда сам окружающий мир подталкивает нас к эволюционным изменениям.

Подводя итог сказанному выше отметим, что сегодня цифровизация в области разрешения споров обрела в общественном сознании более вытесненные черты, резко выделившие её из ряда таких понятий, как «автоматизация

судопроизводства», «оптимизация судебного процесса», его «технологическая модернизация». В этом смысле развитие данной тенденции требует фундаментальной трансформации систем правосудия по гражданским и административным делам, правовых рынков и самого закона. А тем самым, – до некоторой степени – реформы традиционной процессуальной доктрины.

Без усилий научного сообщества, способных обозначить обновлённую систему позитивных принципов и категорий, не могут получить адекватного отражения современные вызовы и изменения, и тем более не могут быть объективно определены смысл и направление означенного движения.

В таком контексте, с этой точки зрения, интегральная технологическая модернизация может рассматриваться как некий прогностический инструмент, как форма глубокой трансформации правосудия по гражданским и административным делам. В этом же смысле сквозь нашу оптику мы видим, что, занимаясь поиском будущего, на самом деле, мы озабочены конструированием сегодняшнего дня. Соотношение индивидуального и общественного юридического опыта в развитии ландшафтов гражданской и административной юстиции в контексте прошлого, настоящего и будущего позволяет придать ему смысл и связанность. И наконец, последнее замечание: любой новый опыт в развитии способов разрешения споров в суде, либо вне суда, имеет «привкус новизны». В этом плане каждая новая перспектива возникает из уже существующих порядков гражданской и административной юстиции в мире, хотя люди и являются творцами новых перспектив. Поэтому поиск новых «горизонтов возможностей» не может происходить вне механизмов социальности.

Список использованных источников:

1. Sukhova N.V., Babikova Y.L. Challenges of and Responses to Various Legal Mechanisms for the Harmonization of Civil Procedure in Eurasia. *Russian Law Journal*. 2020. № 8(3). – P. 141-161. DOI 10.17589/2309-8678-2020-8-3-141-161.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018. № 415-ФЗ (ред. от 26 июля 2019) // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523; 2019. № 30. Ст. 4099.

3. Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. Москва: ОАО «Издательский “Дом Городец”», 2005. – 80 с.

4. Cappelletti M. La protection d'intérêts collectifs et de groupés dans le procès civil (Métamorphoses de la procédure civile) / M. Cappelletti. *Revue internationale de droit comparé*. 1975. № 27(3). – Pp. 571–597.

5. Судебная защита : новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении : монография / Отв. ред. Туманова Лидия Владимировна. Москва: Издательство «Проспект», 2021. – 231 с.

6. Ярков В.В. Цифровизация правосудия и принципы гражданского процессуального права. Глава в книге «Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве:

российский и зарубежный опыт», монография. М.: ООО «Проспект», 2020. – С. 534–547.

7. Mead, G. H., Brewster, J. M., Dunham, A. M., Miller, D. L. & Morris, C. W. The Philosophy of the Act. Edited, with Introd. By Charles W. Morris in Collaboration with John M. Brewster, Albert M. Dunham [and] David L. Miller. University of Chicago Press, 1967.

Чикирева Ирина Павловна,
к.ю.н., доцент кафедры
гражданско-правовых
дисциплин
Тюменского государственного
университета

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее ТК РФ) особенности регулирования труда дистанционных работников регулируются главой 49.1, в которой определены особенности заключения трудового договора и дополнительного соглашения к трудовому договору, предусматривающих выполнение работником трудовой функции дистанционно, порядка взаимодействия дистанционного работника и работодателя, режима рабочего времени и времени отдыха, организации труда, дополнительные гарантии по оплате труда, охраны труда, дополнительные основания прекращения трудового договора с дистанционным работником, порядок временного перевода работника на дистанционную работу по инициативе работодателя в исключительных случаях [1]. Внесение изменений в эту главу в 2020 году свидетельствует о процессе адаптации Российского трудового права к развитию информационных технологий, трансформации и видоизменению трудовых правоотношений [2].

В период пандемии по ковид-19 возможность применения дистанционного труда работников способствует развитию гибких форм занятости [3] и в определенной степени преодолению дискриминации, препятствует распространению заболеваний, позволяет сохранить производство и кадры. Но расширение масштабов применения дистанционного труда обозначило пробелы проблемы правового регулирования [4], повлекло за собой увеличение судебных споров, значительная часть которых связана с привлечением дистанционных работников к дисциплинарной ответственности.

Согласно статье 192 ТК РФ дисциплинарные взыскания могут быть наложены за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. В соответствии со статьей 312.1 ТК РФ дистанционной (удаленной) работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая

расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", и сетей связи общего пользования.

Решение суда о правомерности привлечения дистанционных работников к дисциплинарной ответственности зависит от того, как урегулированы особенности режима рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника и порядок взаимодействия дистанционного работника и работодателя.

Статья 312.3. 312.4. ТК РФ предусматривает, что режим рабочего времени дистанционного работника и порядок взаимодействия может определяться коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору.

Эти четыре источника информации должны быть проанализированы судом. Если в них не предусмотрен режим рабочего времени, то он устанавливается дистанционным работником самостоятельно по своему усмотрению.

Все время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время.

Значимым является и то обстоятельство, является ли дистанционная работа временной или постоянной. В случае привлечения к дисциплинарной ответственности за то, что работодатель вызвал для выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте работника, выполняющего дистанционную работу временно, а он не явился, необходимо установить был ли предусмотрен названными выше источниками условия и порядок вызова работодателем дистанционного работника, временно выполняющего дистанционную работу.

При анализе порядка взаимодействия дистанционного работника и работодателя имеет значение установление юридического факта подписи документов, а так же подтверждение направления, получения документа и ознакомления с ним, обмена электронными документами.

Значимым является установление самого факта дистанционной работы.

Например, в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции г. Москвы от 22.09.2020 по делу № 88-19758/2020 сделан вывод о том, что работник признается дистанционным, если он с ведома работодателя фактически чередует выполнение работы из офиса и из дома. По обстоятельствам дела работника уволили за прогул. Он счел расторжение трудового договора незаконным. Свой иск обосновал тем, что по согласованию с руководителем работал по следующему графику: со вторника по четверг – в офисе, в понедельник и пятницу – удаленно с использованием специальных технических средств.

Признавая увольнение истца по подпункту "а" пункта 6 части 1 Статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации за прогул законным, суд первой инстанций исходил из того, что работник допустил грубое нарушение трудовой дисциплины, а именно в нарушение положений отсутствовал на рабочем месте более четырех часов подряд.

Между тем, истец в обоснование исковых требований о незаконности увольнения за прогул приводил доводы о том, что он согласовал с техническим директором следующий график своей работы: со вторника по четверг с 11 час. 00 мин. до 20 час. 00 мин. - работа в офисе, понедельник и пятница с 10 час. 00 мин. до 20 час. 00 мин. - удаленно с использованием специальных технических средств и в период трудовой деятельности фактически работал по данному графику, при этом работодателем ему был предоставлен удаленный доступ к рабочей системе работодателя, в которой он получал и выполнял рабочие задания, все вопросы, связанные с работой, разрешались через электронную переписку, в оспариваемые дни он находился по месту осуществления дистанционной работы, был доступен для звонков и сообщений. Ответчик данные доводы истца ничем не опроверг.

Таким образом, с учетом положений статьи 72 и части 2 статьи 67 Трудового кодекса Российской Федерации, по смыслу которых в их взаимосвязи следует считать заключенным и не оформленным в письменной форме соглашение сторон об изменении определенных сторонами условий трудового договора, если работник приступил к работе в таких измененных условиях с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя, судебная коллегия пришла к выводу о том, что работодателем были допущены нарушения по надлежащему, основанному на нормах трудового законодательства оформлению изменения условий работы истца. Соответствующий режим работы был согласован с непосредственным руководителем, работнику был предоставлен удаленный доступ к рабочей информационной системе, в которой он получал и выполнял рабочие задания, все вопросы, связанные с работой, разрешались через электронную переписку. Таким образом, работник правомерно чередовал работу из офиса и дистанционно [5].

В Апелляционном определении Московского городского суда от 18.11.2020 по делу № 33-416582/2020 сделан вывод о том, что работодатель нарушает трудовое законодательство, если он не заключает дополнительное соглашение о дистанционной работе с работником, фактически работающим дистанционно. Судом установлено, работник был уволен за прогул. Считая увольнение незаконным, он обратился в суд, ссылаясь на выполнение работы дистанционно, что взаимодействие с работодателем осуществлялось посредством телефонных переговоров и переписки по электронной почте. Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований о признании увольнения незаконным и восстановлении на работе, суд первой инстанции исходил из того, что факт отсутствия истца на рабочем месте без уважительных причин имел место, в связи с чем у ответчика были основания для увольнения истца по подпункту "а" пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации за однократное грубое нарушение работником

трудовых обязанностей - прогул. Довод истца о том, что работа осуществляется ею дистанционно, по мнению суда первой инстанции, является несостоятельным, поскольку в трудовом договоре, заключенном между истцом и ответчиком, не содержится условий о дистанционной работе.

Суд первой инстанции счел, что истцом не представлено документов, подтверждающих выполнение ею трудовой функции удаленно и исполнение трудовых обязанностей дистанционно, а также указал на отсутствие доказательств, свидетельствующих о наличии каких-либо договоренностей с работодателем в отношении осуществления работником работы вне места нахождения работодателя.

В апелляционной инстанции отмечено, что изменение определенных сторонами условий трудового договора допускается по соглашению сторон, которое также заключается в письменной форме. Вместе с тем трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным в случае фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. Соответственно, следует считать заключенным и не оформленное в письменной форме соглашение сторон об изменении определенных сторонами условий трудового договора, если работник приступил к работе в таких измененных условиях с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя.

Применительно к указанному спору с учетом характера отношений сторон, заявленных истцом исковых требований, их обоснования, возражений на иск ответчика, а также подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, в том числе нормативных положений главы 49.1, регулирующей особенности труда дистанционных работников, имеющими значение для дела обстоятельствами являются: где находилось рабочее место заявителя; был ли работник фактически допущен с ведома или по поручению ответчика (работодателя) или его уполномоченного на это представителя к выполнению определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя (по своему месту жительства); выполняла ли заявитель определенную ее трудовым договором трудовую функцию вне места нахождения работодателя, в том числе на момент ее увольнения; допустила ли работник (с учетом ее доводов о дистанционном исполнении по согласованию с работодателем своих трудовых обязанностей) прогул, то есть отсутствие на рабочем месте без уважительных причин. Суд первой инстанции при разрешении вопроса о законности увольнения истца за прогул сослался на приведенные выше нормы материального права, однако не применил их во взаимосвязи, вследствие чего неправильно установил юридически значимые обстоятельства по делу. Таким образом, неисполнение работодателем обязанности по надлежащему оформлению дистанционной работы не свидетельствует о том, что стороны не договорились о дистанционной работе, и не может повлечь для работника неблагоприятных последствий [6].

Следует отметить, что Федеральным законом от 22.11.2021 N 377-ФЗ ТК РФ был дополнен статьями 22.1, 22.2, 22.3, регулируемыми электронный документооборот в сфере трудовых отношений, под которым понимается

создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе, за исключением случаев, предусмотренных Трудовым кодексом.

Электронный документооборот может осуществляться работодателем посредством следующих информационных систем:

Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений "Работа в России", а так же информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями Трудового Кодекса, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений.

При создании электронных документов применяются единые требования к составу и форматам электронных документов, что должно положительно отразиться на содержании трудовых договоров.

Статья 22.2. ТК РФ определяет, что электронный документооборот вводится работодателем на основании локального нормативного акта, который принимается им с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в порядке, установленном статьей 372 ТК РФ для принятия локальных нормативных актов, и который содержит: сроки подписания работником электронных документов и (или) ознакомления с ними с учетом рабочего времени работника, периодичность такого подписания и ознакомления. Статья 22.3 ТК РФ регулирует взаимодействие работодателя и работника посредством электронного документооборота.

Указанные изменения с одной стороны свидетельствуют о совершенствовании правового регулирования трудовых отношений в цифровой среде, с другой стороны определяют новые проблемы. Но в целом они должны способствовать совершенствованию локально договорного регулирования труда дистанционных работников, что должно положительно отразиться и на защите их прав.

Список использованных источников:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30 декабря 2001 г.: по состоянию на 22.11.2021 // Российская газета. 2001. № 256.
2. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. №6 (103). С. 98-107.
3. Закалюжная Н.В. Заемный труд и дистанционная занятость как основные формы нетипичных трудовых отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. №4. С. 97-104.
4. Лютов Н. Л. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. 2018. №10 (143). С. 30-39
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции г. Москвы от 22.09.2020 по делу № 88-19758/2020 [Электронный ресурс]
<https://2kas.sudrf.ru>

6. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.11.2020 по делу № 33-416582/2020 [Электронный ресурс] <https://mos-gorsud.ru>

Егембердиев Ержан Ошакбаевич,
к.ю.н., профессор Научно-образовательного центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

РАССМОТРЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И КАЗАХСТАНА

Внедрение и развитие электронных сервисов правосудия способно значительно ускорить процесс гражданского судопроизводства, сократить нагрузку на аппарат суда, повысить уровень открытости судебной процедуры, а главное – повысить уровень доступа физических и юридических лиц к судебной процедуре через сокращение судебных расходов.

Первый такой шаг в Казахстане был сделан 2 апреля 2019 году, когда был подписан Закон РК №241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности» (далее – «Закон») [1].

Данный Закон внес существенные новшества в Гражданский процессуальный кодекс РК (далее – «ГПК РК»). В частности, была внесена Глава 11-1 «Особенности электронного судопроизводства», в которую входят ст.ст. 133-1 «Формат гражданского судопроизводства», 133-2 «Электронные документы» и 133-3 «Участие в судебном заседании путем использования технических средств связи», отсутствовавшие в ГПК РК ранее. Спустя год, в соответствии с Законом РК от 10.06.2020 № 342-VI «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам внедрения современных форматов работы судов, сокращения излишних судебных процедур и издержек», Глава 11-1 была дополнена статьей 133-4 «Электронный протокол» [2]. Эти новеллы создали правовую основу судам Казахстана для осуществления электронного правосудия по гражданским делам.

В период ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией COVID-19, судебная система Казахстана и другие страны сделали значительный шаг вперед в цифровизации правосудия. Хотелось бы поделиться информацией об особенностях рассмотрения и разрешения гражданских дел в режиме on-line по опыту зарубежных стран и Казахстана.

АВСТРАЛИЯ

В Австралии возможность онлайн-проведения судебных заседаний Федерального суда Австралии и Федерального окружного суда Австралии реализована при использовании системы онлайн-залов eCourtroom. Данная

система интегрирована с картотекой дел, рассмотренных Федеральным окружным судом, Федеральным судом Австралии и Федеральным судом магистратов. Информация о делах, рассмотренных с использованием eCourtroom, доступна для широкого круга лиц, однако конкретные документы, поданные в рамках дела, могут быть просмотрены только сторонами спора и сотрудниками суда. Решение о рассмотрении дела в виртуальном зале eCourtroom принимается судом с учетом характера и сложности вопросов, подлежащих урегулированию, численности участников, наличия доступа сторон спора к eCourtroom, характера и объема доказательств, срочности дела, мнения сторон спора и т.п. Судья может прекратить использование зала eCourtroom в любое время по собственной инициативе либо по ходатайству сторон спора. Каждая сторона или участник eCourtroom имеет уникальную учетную запись, данные которой конфиденциальны и охраняются законом.

Процесс рассмотрения дела в виртуальном зале не отличается от обычного заседания, а вынесенные судьей решения – от обычных решений. Работа виртуального зала регламентируется следующими правилами:

- eCourtroom должен использоваться только для рассмотрения споров, подсудных соответствующему суду;
- eCourtroom не должен использоваться исключительно для общения между сторонами спора и/или их представителями;
- показания, данные в eCourtroom стороной или ее представителем, имеют обязательную силу, как если бы они были даны в обычном зале суда;
- язык, правила коммуникации и правила поведения участников процесса не отличаются от применимых в обычном судебном заседании;
- копия решений, принятых в eCourtroom, размещаются на сайте суда, если иное не предусмотрено решением судьи [3].

КАНАДА. Трибунал по гражданским делам (CRT)

Трибунал по гражданским делам (CRT) провинции Британская Колумбия является первым онлайн-трибуналом в Канаде.

Ему подсудны споры с суммой исковых требований менее \$5 тыс. и споры о праве собственности. С 1 апреля 2019 г. CRT также начал рассматривать иски о ДТП с требованиями менее \$50 тыс. Взаимодействие сторон проходит через сервис «Solution explorer». Сервис анализирует ответы заявителя на стандартные вопросы и определяет категорию спора.

Сторонам также предоставляется бесплатная юридическая информация и шаблоны необходимых документов. Стороны могут использовать переговорную онлайн-платформу CRT для согласования позиций.

Результатом применения рассмотренного программного продукта является существенное сокращение нагрузки на судей трибунала – около 94% споров, поступающих в трибунал, разрешаются сторонами самостоятельно.

С 11 февраля 2019 г. Офис генерального прокурора Канады реализует проект «Цифровое пространство для слушаний» (DHW), который представляет собой онлайн-платформу, обеспечивающую доступ сторон спора к электронным копиям материалов дела в режиме реального времени [4].

КИТАЙ

В настоящее время в Китае проводится политика перевода процесса рассмотрения миллионов судебных дел в онлайн.

Одним из элементов данной политики является проект «Умные суды» («Smart courts»), предполагающий разработку программного продукта, в рамках которого дело рассматривается виртуальным судьей (с использованием технологий искусственного интеллекта и блокчейн). Система позволяет сторонам спора загружать документы в электронном виде, участвовать в виртуальных заседаниях, вести переговоры и получать судебные решения с помощью видеосвязи, чата и основных мессенджеров.

Первый интернет-суд, рассматривающий споры, связанные с финансовыми займами, авторским правом и онлайн-торговлей, был создан в г. Ханчжоу в 2017 г. [5].

Несмотря на то, что в интернет-судах используются технологии искусственного интеллекта, судьи следят за процессом и принимают наиболее важные решения.

Статистика показывает, что в период с марта по октябрь 2019 г. в интернет-судах было совершено более 3,1 млн юридических действий. В системе зарегистрировано более 1 млн лиц, включая примерно 73 тыс. юристов.

В целом, в последние годы в Китае наблюдается резкий рост числа дел, рассматриваемых интернет-судами. Данная ситуация обусловлена стремительным ростом количества мобильных переводов, интернет-операций и интернет-пользователей в целом (около 850 млн чел) [6].

В 2018 г. интернет-суды, аналогичные созданному в г. Ханчжоу, были открыты в Пекине и Гуанчжоу. В общей сложности они приняли к рассмотрению 118,8 тыс. дел, а рассмотрели 88,4 тыс. дел [5].

90% китайских судов имеют возможность рассмотрения дел в режиме онлайн [7]. Средняя продолжительность судебного разбирательства составляет 38 дней, что примерно на 50% меньше, чем в обычных судах [8].

В рамках проекта «Умные суды» решения принимаются на основе анализа базы данных дел, рассмотренных судами 65 стран и имеющих существенное значение для практики разрешения коммерческих споров. В суде West Lake Court in Hangzhou также функционирует платформа, позволяющая обеспечить процесс онлайн-посредничества и медиации на ранней стадии урегулирования разногласий [9]. В перспективе Китай стремится интегрировать в рамках интернет-судов технологии искусственного интеллекта, анализа данных, распознавания речи, электронного документооборота и автоматических средств анализа документов [10].

ЭСТОНИЯ

Согласно проекту реформы судебной системы, в Эстонии в ближайшем будущем планируется внедрение инструментов автоматического рассмотрения дел о мелких правонарушениях (с суммой ущерба менее €7 тыс.). Вынесенное решение будет содержать ссылки на юридические документы, а также учитывать информацию, размещенную в интернете и касающуюся сторон спора. Важно, что в любом случае у сторон спора останется право на обращение в традиционный суд [11].

НИДЕРЛАНДЫ

В настоящее время в Нидерландах функционирует платная онлайн-платформа рассмотрения бракоразводных споров Uit Elkaar. Платформа положительно воспринимается как пользователями, так и юристами. Пользователи имеют возможность урегулировать спор в режиме онлайн в удобное для них время. Практика показывает, что среднее время, которое требуется для урегулирования всех вопросов – 24 часа. Из-за возможности пользователей распределять время по своему усмотрению 84% опрошенных полагают, что они имеют больший контроль над процессом расторжения брака, чем это было бы в традиционном суде. В марте 2017 г. Совет по правовой помощи Нидерландов объявил, что финансирование платформы будет прекращено, однако позже были найдены альтернативные источники достаточного финансирования [12].

СИНГАПУР

В Сингапуре реализуются проекты, связанные с созданием новых технологий урегулирования споров в режиме онлайн и проведения виртуальных слушаний. Сингапурский международный торговый суд (SICC) также призывает международных судей использовать теле- и видеоконференц-связь на ранних стадиях рассмотрения дел. Таким образом судьи могут помочь сторонам значительно сузить круг спорных вопросов, проводя заседания дистанционно [10].

ОАЭ

Стратегия правительства Дубая в области использования криптовалюты имеет целью к 2020 г. обеспечить полный перевод всех правительственных транзакций на технологию блокчейн. С этой целью суды Дубайского международного финансового центра (DIFC) и Smart Dubai проводят совместную работу по созданию первого в мире суда с поддержкой технологии блокчейн. Разработчики стремятся создать механизм трансграничного исполнения судебных решений в сфере финансов. На данном этапе DIFC пользуется репутацией компетентного и инновационного судебного органа, имеющего многочисленные соглашения с судами разных стран мира [10]. Еще одним примером информатизации процесса рассмотрения судебных дел является практика использования приложений мгновенного обмена сообщениями для уведомления ответчиков в Цифровом суде по малым искам (SCT) [3].

США

Электронные приказы (Верховный суд Сан-Бернардино) Система обеспечивает электронную обработку всех типов приказов в несудебные часы. Судебный контроль обеспечивается стандартным web-приложением, которое может быть запущено на iPad или подобном мобильном устройстве. Судьи уведомляются о приказе, подлежащем обработке, по телефону, по электронной почте или по SMS [13]. Электронный вызов ответчика в суд (Верховный суд Санта-Клары) 33% исковых заявлений по делам о дорожных правонарушениях в округе Санта-Клара подаются правоохранительными органами и Калифорнийским дорожным патрулем в электронном виде. В настоящее время семь агентств подают заявки в электронном виде [14]. Медиация по Skype (Верховный суд Санта-Клары) Суд в рамках семейных споров предоставляет

возможность участия в процедурах медиации с использованием Skype [15]. Mental Health Offsite Hearings (Верховный суд Санта-Клары) Верховный суд Санта-Клары внедрил возможность участия в судебном процессе с использованием видеосвязи для пациентов нескольких государственных больниц, чтобы сократить расходы и неудобства, связанные с их визитом в суд. В среднем суд проводит 2-3 подобных слушания в месяц [15]. Аналогично, виртуальные залы судебных заседаний используются, например, в штате Делавэр [16].

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

В Великобритании в последнее время получила распространение практика проведения видеослушаний по ряду дел, рассматриваемых в налоговых трибуналах. Пользователи могут присоединиться к слушаниям из своего дома или офиса. В настоящее время в экспериментальном порядке такие слушания проводятся и по некоторым категориям семейных дел. Жертвы насилия в семье могут добиться вынесения срочного судебного запрета, не испытывая при этом стресса, связанного с поездками, и не выступая в суде лично [17]. Money claim Online (предъявление денежного требования онлайн) В Великобритании с 2018 г. действует государственная программа, целью которой является стимулирование практики рассмотрения споров о задолженностях вне судебных органов. По правилам программы онлайн могут быть рассмотрены споры о взыскании не более чем £10 тыс. [18]. Для запуска процедуры необходимо сформировать соответствующий запрос на сайте Правительства и оплатить пошлину. Решения, вынесенные в рамках данной процедуры, обязательны для исполнения и гарантируются государством. Эксперты положительно оценивают эффективность данной программы. За все время ее действия было рассмотрено около 25 тыс. споров, 90% пользователей остались довольны полученным результатом. Главным результатом программы стало снижение нагрузки на традиционные судебные органы.

РОССИЯ

В России аналогом электронного судопроизводства является институт заочного приказного и упрощенного порядка рассмотрения дел. Данные формы судопроизводства не предусматривают активного взаимодействия судьи и сторон спора помимо обмена требованиями и возражениями на этапе поступления дела в суд. В случае искового производства, несмотря на функционирование в российских арбитражных судах системы электронного документооборота, ключевую роль в судебном процессе играет все же активность сторон спора на стадии очных слушаний. В российском арбитражном производстве в ближайшей перспективе будут внедрены сервисы по автоматизации и «роботизации» рассмотрения дел в порядке приказного производства, основанные на применении технологий искусственного интеллекта, что повысит качество и прозрачность судопроизводства по соответствующим категориям дел. Технологизация поможет повысить качество аналитической работы. Ее будут плотнее привязывать к конкретным проблемным вопросам, выявляемым как с помощью «опросов» судов, так и методов статистического анализа. Для решения данной задачи будут использоваться возможности, предоставляемые технологиями «анализа

больших данных», получаемых из КАД. Это позволит заранее предвидеть «внезапный» рост нагрузки по отдельным категориям споров и нивелировать возможные негативные последствия данного роста [19].

КАЗАХСТАН

В настоящее время залы судебных заседаний республики оснащены техническими средствами связи, в том числе системой аудио-видео фиксации. Цифровизация судов в Казахстане расширяет возможность участников процесса по использованию технических средств. Все судебные разбирательства по гражданским делам проводятся в on-line режиме, процессуальные действия фиксируются в электронном протоколе судебного заседания. Суды доказали свою готовность к работе дистанционным способом и цифровом формате, участники процесса не присутствуют в зале судебного заседания и участвуют в большинстве случаев посредством мессенджера «WhatsApp», «Zoom», «Skype», «Mind Meeting» и т.д.

Количество дел, оконченных в on-line режиме, не составляет 100%, так как дела в порядке упрощённого производства (письменное/приказное) подлежат рассмотрению без вызова сторон. Поскольку сторонами по гражданским делам являются не только жители городов, но и населённых пунктов областей, а также других городов и областей, то использование вышеуказанных приложений выгодно не только участникам процесса, но и судам ввиду экономии времени и материальных расходов, влечёт оперативное разрешение спора и позволяет физическим и юридическим лицам независимо от их места жительства либо нахождения реализовать своё процессуальное право на участие в судебном заседании.

Верховный Суд РК и его аппарат через СМИ и соцсети ведут разъяснительную работу по преимуществам и возможностям электронного судопроизводства, работу IT-сервисов, а также нормы законодательства о продлении и восстановлении процессуальных сроков, включая сроки исковой давности и обжалования. Для участников гражданского процесса, которые не всегда могут обращаться с гаджетами, разработали специальную памятку по подготовке к дистанционному судебному разбирательству. Её опубликовали на сайте Верховного Суда РК.

Для эффективного осуществления правосудия по гражданским делам в режиме on-line помогают судебные IT-сервисы: «Торелик», «Судебный кабинет», «Суды-Gis» «Digital Agent». Только за 6 месяцев 2021 года было окончено 194 тыс. гражданских дел. Для сравнения, например, в 2019 году было окончено 637 тыс. гражданских дел, а в 2020 году – 398 тыс. гражданских дел [20].

Кроме того, в мае 2020 года Верховный Суд РК принял стратегию ИКТ (цифровизации) судебной системы Республики Казахстан. Она предусматривает внедрение «Электронного зала судебных заседаний», «e-Court в судопроизводстве», «e-Court для населения» и др. электронных систем.

Заключение

Лидирующие позиции в процессе перевода судопроизводства в онлайн занимают Китай, Канада и Австралия, где некоторые категории споров (как

правило, также с небольшими суммами требований) рассматриваются в виртуальных залах и чатах. При этом важно отметить, что в Австралии решение о применении такой формы разрешения спора остается за судьей, в то время как в Канаде это происходит автоматически – онлайн-процедура применяется в зависимости от суммы иска.

События, связанные с особенностями отправления правосудия в эпоху действия ограничительных (карантинных) мероприятий, свидетельствуют об актуальности мер, направленных на совершенствование регулирования процесса дистанционного участия лиц в судебных заседаниях.

Также перспективным выглядит постепенное внедрение в судебный процесс механизмов автоматизированного рассмотрения бесспорных требований (при использовании технологий искусственного интеллекта).

Список использованных источников:

1. Закон РК от 02.04.2019 г. №241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000241>

2. Закон РК от 10.06.2020 г. № 342-VI «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам внедрения современных форматов работы судов, сокращения излишних судебных процедур и издержек» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000342/history>

3. Online Courtroom for Registered Users (eCourtroom) // Federal court of Australia. URL: <http://www.fedcourt.gov.au/online-services/ecourtroom>

4. Ontario Courts Finally Go Digital (Almost) // Slaw, 2019. URL: <http://www.slaw.ca/2019/02/03/ontario-courts-finally-go-digital-almost>

5. Аватар вместо мантии: какое будущее ждет судебную систему в эпоху инноваций // Российская газета, 2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/30/avatar-vmesto-mantii-kakoe-budushchee-zhdet-sudebnuiu-sistemu-v-epohu-innovacij.html>

6. Brave new world of China's digital courts, judges are AI and verdicts come via chat app // The Japan Times, 2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/12/07/asia-pacific/crime-legal-asia-pacific/ai-judges-verdictsvia-chat-app-brave-new-world-chinas-digital-courts/#.Xkf97C1eNPt>

7. China unveils its digital courts with AI judges and verdicts revealed on chat apps as Beijing introduces cyber justice to deal with backlog in cases // Mail Online, 2019. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7763591/AI-judges-verdicts-chat-app-brave-new-world-Chinasdigital-courts.html>

8. China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201808/18/WS5b77c8f4a310add14f386801.html>

9. China's innovative Internet Courts and their use of blockchain backed evidence. URL: <https://conflictoflaws.net/2019/chinas-innovative-internet-courts-and-theiruse-of-blockchain-backed-evidence/>

10. What we can learn from Asia's courts of the future // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/11/what-we-can-learn-from-asia-s-courtsof-the-future>

11. URL:

<https://hackernoon.com/artificial-intelligence-on-making-court-decisions-to3v33ka>

12. <https://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/chief-justice-allsof/allsof-cj-20190326>

13. Electronic On-Call Warrants – San Bernardino Superior Court // California courts. URL: <https://www.courts.ca.gov/27655.htm>

14. Electronic Filing of Citations – Santa Clara Superior Court // California courts. URL: <https://www.courts.ca.gov/27770.htm>

15. Mediation Participation by Skype – Santa Clara Superior Court // California courts. URL: <https://www.courts.ca.gov/27663.htm>

16. ECourtrooms // Delaware Courts. URL:

https://courts.delaware.gov/superior/elitigation/tech_crtms.aspx

17. Reformer thoughts – delivering digital courts // Reform, 2018. URL: <https://reform.uk/research/reformer-thoughts-delivering-digital-courts>

18. Make a court claim for money // GOV.UK. URL:

<https://www.gov.uk/make-court-claim-for-money/court-fees>

19. Арбитражные суды становятся технологичнее // Право.ru, 2020. URL: https://pravo.ru/news/218621/?desc_search=

20. Сборник Верховного Суда РК «ПРАВОСУДИЕ КАЗАХСТАНА: реалии, тренды, перспективы». – г.Нур-Султан, июль 2021 // <https://sud.gov.kz/rus/content/pravosudie-kazahstana-realii-trendy-perspektivy>

V. Цифровизация уголовного судопроизводства в контексте соблюдения прав человека

д-р Керстин Асхауер,
руководитель департамента по
вопросам тюремного
заключения и пробации
Министерства юстиции и
конституционных дел
федеральной земли
Бремен/Германия

Ханна ван Эльсберген,
юрист-стажер
Министерства юстиции и
конституционных дел
федеральной земли
Бремен/Германия

ВИДЕОЗАПИСЬ ДОПРОСА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПОТЕРПЕВШИХ

Основной целью защиты потерпевших является предотвращение причинения им дополнительного вреда в ходе уголовного процесса. Применение аудиовизуального способа ведения допроса направлено на обеспечение интересов потерпевших, каковы интересы охраняются в качестве основных прав. Ведение видеозаписи призвано прояснить обстоятельства дела и при этом избежать процессуальных ошибок и не допустить так называемой «вторичной виктимизации». Возможность проведения допроса в режиме аудиовизуальной записи следует иметь в виду особенно в тех случаях, когда речь идет о детях. Благоприятная для ребенка обстановка и способ ведения допроса являются менее стрессогенными, с одной стороны, а с другой – обеспечивают получение более качественных показаний в уголовном процессе.

I. Вступление

Дети-свидетели требуют проявления к ним особой заботы и внимания со стороны судебных органов в связи с состоянием их психики, находящейся в развитии. Использование видеотехнологий предоставляет дополнительную возможность для снятия стресса [2]. Статья 58а Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Германии предусматривает возможность записи показаний детей-свидетелей в ходе предварительного разбирательства. Эту цель также преследует Ст. 9 Директивы ЕС 2016/800 [2], в которой интересы ребенка рассматриваются в качестве определяющего фактора при решении вопроса о соразмерности применения метода аудиовизуального допроса. С опорой на это четкое изъяснение воли европейского и немецкого законодателей

в данной работе будет более подробно рассмотрена практическая реализация этого метода в Бремене.

II. Допрос: определение и цель

Концепция допроса предусматривает, с одной стороны, наличие официальных полномочий у лица, ведущего допрос. Во-вторых, допрашивающий должен требовать от допрашиваемого информацию в своем официальном качестве, действуя по побуждению органов, осуществляющих уголовное преследование [2]. Частные лица не обладают официальными полномочиями, даже если они действуют по побуждению органов, осуществляющих уголовное преследование [3]. Официальные полномочия должны быть распознаваемыми свидетелем. Если официальные полномочия присутствуют, но они неочевидны, то это – не допрос (как, например, в случае полицейского следователя, работающего «под прикрытием») [2].

Целью каждого допроса является получение максимально объективной информации. На практике, в результате допроса должно появиться как можно больше информации о допрашиваемом лице, о других лицах, о существе дела, о ходе событий или о местах событий. Эта информация может быть важной для различных целей, например, для самозащиты, предотвращения опасности, уголовного преследования или для использования в ходе судебного разбирательства. Однако главной целью допроса является получение информации, которая необходима для рассмотрения уголовного дела в суде [2].

С учетом этих обстоятельств дети-потерпевшие, привлекаемые в качестве свидетелей, должны иметь возможность давать объективные и необремененные какими бы то ни было обстоятельствами показания в уголовном процессе [2]. В № 19 Руководства по уголовному судопроизводству и производству по делам о штрафах регламентируются принципы допроса детей с целью обеспечения того, чтобы способ его ведения был для них подходящим. Прежде всего, суд должен всегда установить, является ли допрос ребенка абсолютно необходимым. Если свидетели младше 18 лет, то следует рассмотреть возможность записи на аудиовизуальные носители, чтобы избежать повторного допроса. В ходе основного слушания допрос можно заменить видеозаписью предыдущего слушания, чтобы избежать значительного стресса от нового слушания (§ 255а II 1 УПК Германии) [2]. В этой связи рекомендуется проводить слушание дела в суде (§§ 168с, 168е УПК Германии). Ребенка могут/должны сопровождать законные представители. Если существует право отказа от дачи показаний, необходимо убедиться в том, что ребенок обладает необходимой психической зрелостью, чтобы осознать значение этого права. Все обстоятельства, имеющие отношение к достоверности показаний ребенка, должны быть установлены заблаговременно. Целесообразно поговорить об этом с родителями, учителями, воспитателями или другими лицами, обеспечивающими заботу о ребенке; при необходимости следует привлечь сотрудников отдела по делам молодежи. Если остаются сомнения относительно достоверности, то следует проконсультироваться с экспертом, обладающим специальными знаниями и опытом в области детской психологии.

Хотя способ аудиовизуального допроса нарушает принцип непосредственности, он имеет то преимущество, что оказывается возможным

обеспечить наилучшее воспоминание свидетелем обстоятельств преступления. Фиксация важна при особенно значимых первоначальных показаниях детей, поскольку долговременная память у детей хуже, а способность вспомнить события может ослабляться механизмами психологической защиты [2].

III. Важность ведения видеозаписи допроса для защиты потерпевших

1. Главная цель защиты потерпевших

Важнейшие процессуальные цели защиты потерпевших – всестороннее выяснение фактов без допущения исправимых процессуальных ошибок, защита потерпевших, недопущение так называемой «вторичной виктимизации» (то есть, причинения потерпевшим дополнительного вреда в результате процессуальных действий), ускорение процессуальных действий [2].

2. Допрос с применением видеосвязи как способ защиты потерпевших

Метод допроса оказывает влияние на возможность оценить правдивость показаний. Метод допроса должен гарантировать, что полученные показания будут как можно более беспристрастными. С учетом этого обстоятельства детей в любом случае следует допрашивать в соответствии с их возрастом и степенью зрелости [2]. Следует обратить внимание на одежду присутствующих, которая должны благоприятствовать созданию надлежащей атмосферы (без мантий, форменной одежды и т.д.); дизайн комнаты для допроса детей в качестве свидетелей должен быть подходящим для них. Для обеспечения потребности детей в защите следует определять количество и состав участников допроса, присутствующих в комнате [2]. Структура ведения допроса должен быть заранее продумана и быть «открытой». Точное знание конкретных фактов является в таких ситуациях ключевым.

Дети младшего возраста часто отвечают очень короткими предложениями, и такие показания особенно затрудняют раскрытие преступных деяний, потерпевшими в которых были дети. Это обстоятельство заставляет лиц, ведущих допрос, задавать много вопросов, чтобы обеспечить связность в показаниях и по возможности исключить воздействие на показания наводящих вопросов, чему особенно подвержены дети. В то же время такой метод как раз усиливает воздействие наводящих вопросов, и существует опасение, что результат допроса не будет четко отражать ход преступления [14]. Поэтому при допросах детей центральное место должны занимать вопросы, содержащие слово «как». А вот, например, расспросы детей об их рисунках или о кукольных спектаклях могут сильно исказить результат [14].

а. Правовые основания для ведения допроса с применением аудиовидеозаписи

В соответствии с Статьей 58а I 3 УПК Германии допрос потерпевшего в качестве свидетеля в ходе предварительного разбирательства в принципе должен проводиться судьей, ведущим судебное следствие, и, с согласия свидетеля, а также записываться на видео- и аудионосители. Статья 168е Уголовно-процессуального кодекса Германии позволяет судье, ведущему судебное следствие, проводить допрос без лиц, имеющих право присутствовать, если существует непосредственная угроза благополучию свидетеля, которую нельзя предотвратить иным способом. В этом случае

допрос транслируется одновременно в видео- и аудиоформате. Согласно формулировке, под действие статьи 58а УПК подпадают все свидетели, независимо от их статуса потерпевшей стороны, возраста и вероятности дачи показаний на суде, но не обвиняемые [3].

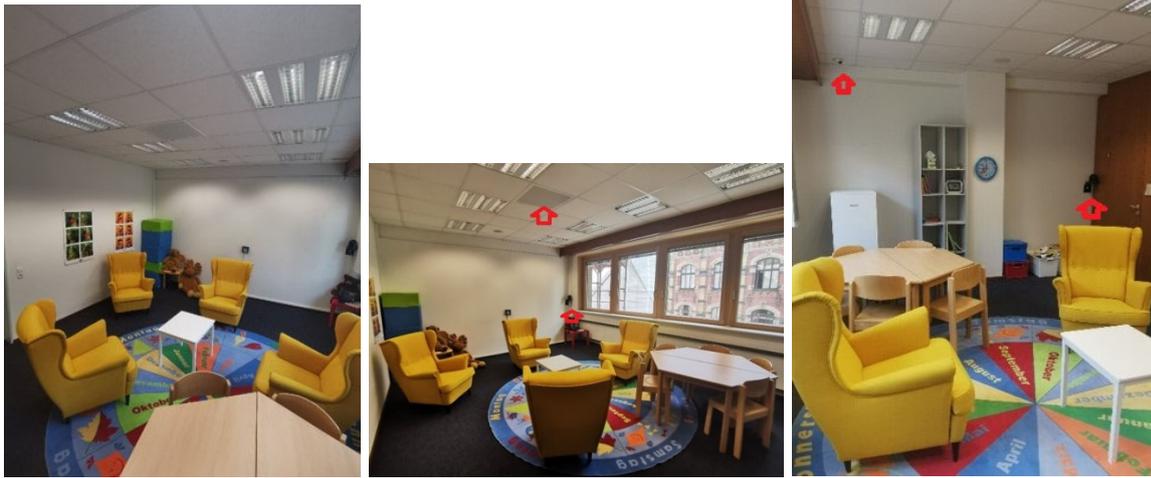
На основе статьи 83 Договора о функционировании Европейского союза разработано большое количество европейских директив, которые направлены на гармонизацию законодательства в области уголовного и уголовно-процессуального права и посвящены как материальному, так и процессуальному праву [3]. Согласно Статье 9 Директивы ЕС 2016/800, допрос детей полицией или другими правоохранительными органами должен записываться аудиовизуально или в другой соответствующей форме. Это связано с тем, что дети не всегда могут понять содержание допроса, которому они подвергаются, и поэтому должны быть адекватно защищены [3]. Даже если формулировка здесь распространяется не на детей в качестве потерпевших или свидетелей, а на детей, которые становятся подозреваемыми или обвиняемыми, европейская законодательная интенция ясна и вместо судьи, ведущего судебное следствие, допросы проводят правоохранительные органы. В соответствии с этим принципом, при рассмотрении вопроса о применимости аудиовизуальной записи, в первую очередь, должны приниматься во внимание интересы ребенка [3].

в. Практический пример из Бремена: помещение для опроса свидетелей в местном суде Бремена

Допрос в комнате для допроса детей является менее стрессогенным для ребенка, чем в зале суда. Такая обстановка неизбежно приводит к получению более качественных показаний [3].

Комната для опроса свидетелей должна содержать оборудование, подходящее – среди прочего – также для детей или других потерпевших, и обеспечивать достаточное пространство для свидетелей, адвоката, доверенного лица, переводчика, судьи и любых иных участников процессуального действия, если это требуется [3]. Она должна быть оборудована камерой с углом обзора 360 градусов плюс камерами с объективом-трансфокатором, ведущими съемку с двух ракурсов и показывающими в кадре одновременно допрашивающего и свидетеля [3]. Комната допроса и операторская связаны акустически.

В начале апреля 2017 года в Бременском региональном суде была введена в эксплуатацию новая система видеодопроса. Система позволяет осуществлять аудиовизуальные записи, трансляции и быстрые повторы. Помимо видеоконференций, система также позволяет удовлетворять запросы о правовой помощи и, прежде всего, записывать и мгновенно воспроизводить в эфире показания свидетелей в уголовном процессе. Для проведения судебных слушаний имеются два помещения (по 27 м² каждое) в Бремене и одно помещение (около 30 м²) в Бремерхафене. Они также могут использоваться другими судами.

Изображение 1: Помещение для допроса детей оборудуется камерами таким образом, что одна камера постоянно держит в поле обзора все помещение, так что можно видеть тех, кто находится в помещении, и следить за тем, чтобы на ребенка не оказывалось никакого давления.

Изображения 2 и 3: В помещении для допроса установлены две камеры видеонаблюдения (с подвижной головкой для панорамирования, наклона и зуммирования), которыми можно управлять из аппаратной. Для обеспечения высокого качества звука на потолке помещения монтируется дополнительный микрофон (Рис. 2), поскольку встроенных в камеры микрофонов недостаточно.

Изображение 4: Одна камера постоянно направлена на ребенка и опрашивающего.

Изображение 5: На заднем плане видны электронные часы, показания которых также записываются. Показания этих часов сравниваются с показаниями фиксатора времени, встроенного в камеры, что предотвращает попытки манипуляций.

Изображение 6: Оборудование для управления и записи установлено в аппаратной. Камеры управляют отсюда. Большой дисплей позволяет всем присутствующим следить за допросом.

Изображение 7: Председательствует судья (когда он или она не находится в комнате для допроса свидетелей и не ведет допрос), а эксперт и компьютерный специалист находятся посередине. Справа – место для государственного обвинителя, слева – для обвиняемого и адвоката.

IV. Виды на будущее

Применение технологии аудиовидеозаписи в судопроизводстве имеет большое значение и гарантирует соблюдение прав человека. Статья 58а УПК Германии создает соответствующую правовую основу для записи опроса свидетелей и может расцениваться как сигнал к принятию во внимание интересов свидетелей, особо нуждающихся в защите уже на стадии предварительного разбирательства [13]. Аудиовизуальные записи надолго фиксируют содержание показаний и поведение свидетеля и делают возможным воспроизведение показаний без каких-либо ограничений в принципе. Это связано с посягательством на общее право свидетеля на частную жизнь, что компенсируется требованиями ограничительной допустимости. Например, данная мера допустима только в том случае, если она существенно необходима для установления истины и допрашиваемое лицо дало на это прямое согласие [13].

Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Республикой Казахстан вступило в силу 1 марта 2020 года. Соображения, лежащие в основе статьи 58а УПК Германии и статьи 9 Директивы ЕС 2016/800, могут иметь отношение к вопросам верховенства закона и прав человека и быть полезными Казахстану в реализации его планов модернизации.

Список использованных источников:

1. Решение федерального конституционного суда Германии от 27 февраля 2014 года: BVerfG 27.02.2014, NJW 2014, 1082, 1083.
2. Сборник публикаций Парламента Германии от 19 июня 1996 года: BT-Drcks. 13/4983 S.9.
3. Директива ЕС от 25 мая 2016 года: Директива ЕС 2016/800 vom 11. Mai 2016.

4. Решение федерального верховного суда Германии от 13 мая 1996 года: BGH 13.05.1996, NJW 1996, 2940, 2941.
5. Решение федерального верховного суда Германии от 13 мая 1996 года: BGH 13.05.1996, NJW 1996, 2940, 2941; *Шмитт* в Мейер-Госснер/Шмитт 2019, § 136a Rn. 4b.
6. Решение федерального верховного суда Германии от 31 марта 2011 года: BGH 31.03.2011, wistra 2011, 350, 350 f.
7. Решение федерального верховного суда Германии от 26 ноября 2019 года: BGH 26.11.2019, NStZ 2020, 181, 181.
8. Сборник публикаций Парламента Германии от 19 июня 1996 года: VT-Drcks. 13/4983 S. 4, 9.
9. Сборник публикаций Парламента Германии от 19 июня 1996 года: VT-Drcks. 13/4983, 4; *Ренциковски* в МүКоStGB 2021, Предварительное замечание на § 174 StGB Rn. 63.
10. Сборник публикаций Парламента Германии от 11 марта 1997 года: VT-Drcks. 13/7165, S. 6; *Ренциковски* в МүКоStGB 2021, Предварительное замечание на § 174 StGB Rn. 63; *Шольц*, Задачи психологического эксперта при подозрении на сексуальное насилие, NStZ 1995, 6, 9.
11. Решение федерального верховного суда Германии от 26 ноября 2019 года: BGH 26.11.2019, NStZ 2020, 181; *Вернер* in Вебер, Юридический словарь 2021, Защита потерпевших; *Лейпольд*, Видеозапись, NJW Spezial 2005, 471, 471 f.
12. Основание No. 44 EU-RL 2016/800.
13. Сборник публикаций Парламента Германии от 11 марта 1997 года: VT-Drcks. 13/7165, S.10.
14. *Шольц*, Задачи психологического эксперта при подозрении на сексуальное насилие, NStZ 1995, 6, 9; соответствующие положения были выявлены в ходе многочисленных допросов: *Renzikowski*, МүКоStGB 2021, Vorbemerkung zu § 174 StGB, Rn. 63.
15. *Шольц*, Задачи психологического эксперта при подозрении на сексуальное насилие, NStZ 1995, 6, 9.
16. *Майер* в МүКоStPO, § 58a, Rn. 21; *Лейпольд*, Видеозапись, NJW Spezial 2005, 471, 471.
17. *Хольтерхус*, *Миттвох*, *Эль-Гази*, Влияние международного и иностранного права на правовую систему Германии, JuS 2018, 313, 324.
18. Основание No. 25 EU-RL 2016/800.
19. Основание No. 42 EU-RL 2016/800.
20. в основном о психологическом стрессе детей-свидетелей в зале слушаний: Сборник публикаций Парламента Германии от 19 июня 1996 года: VT-Drcks. 13/4983 S.4.
21. Сборник публикаций Парламента Германии от 11 марта 1997 года: VT-Drcks. 13/7165, S.10.
22. *Лейпольд*, Видеозапись, NJW-Spezial 2005, 471, 471
23. Сборник публикаций Парламента Германии от 11 марта 1997 года: VT-Drcks. 13/7165, S.7.

24. Сборник публикаций Парламента Германии от 11 марта 1997 года BT-Drcks. 13/7165, S.6.

Ахпанов Арстан Нукешович,
д.ю.н., профессор Евразийского
национального
университета
имени Л.Н. Гумилёва

ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Для введения института финансового расследования [1], в том числе в формате международного сотрудничества по уголовным делам, в РК созданы правовые предпосылки. Казахстаном ратифицирована Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) [2]. В обозримой перспективе следует также рассмотреть возможность о ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.), согласно статье 4 которой должны приниматься соответствующие законодательные меры. В Республике действует Закон от 28 августа 2009 года № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

В контексте финансового противодействия преступности целесообразно прежде всего снять искусственные преграды, препятствующие применению в Казахстане Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, совершенную в Страсбурге 8 ноября 1990 года.

При её ратификации Законом РК от 2 мая 2011 года № 431-IV Парламентом нашей страны были сделаны следующие две недопустимые, на наш взгляд, оговорки:

- 1) в соответствии с пунктом 2 статьи 2 и пунктом 4 статьи 6 Конвенции Республика Казахстан применяет пункт 1 статьи 2 и пункт 1 статьи 6 Конвенции в отношении только тех правонарушений, которые влекут уголовную ответственность в соответствии законами Республики Казахстан;
- 2) в соответствии с пунктом 3 статьи 14 Конвенции Республика Казахстан применяет пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 6 и пункт 2 статьи 14 Конвенции в соответствии с Конституцией и законами Республики Казахстан.

Эти оговорки, с одной стороны, противоречат пункту 3 статьи 4 Конституции РК, устанавливающей приоритет международных договоров, ратифицированных Республикой, перед её законами. С другой – они послужили основанием для отказа в принятии на хранение в депозитарий Совета Европы подлинного текста ратифицированного закона, что логически исключило возможность практического применения Страсбургской Конвенции на территории Казахстана.

Для эффективного противодействия экономической, коррупционной, организованной и иным опасным видам преступности, отмыванию доходов от преступной деятельности представляется очевидным и разумным снять две оговорки, допущенные при ратификации Казахстаном данной Конвенции.

Успешное решение задачи по выявлению и возвращению преступных активов, поставленной Главой государства перед Агентством финансового мониторинга, Агентством по противодействию коррупции, другими правоохранительными, фискальными и иными органами, затруднительно без внедрения в казахстанский уголовный процесс полноценного института финансового расследования.

Институт финансового расследования как совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих правоотношения в рамках традиционного и параллельного досудебного расследования, а также в стадии исполнения приговора, призван обеспечить процессуально-правовую основу внутреннего и международного розыска, замораживания, ареста, изъятия и конфискации полученных преступным путём денежных средств и имущества, а также преступных доходов.

Полагаем, что структурно финансовое расследование может состоять из последовательных и взаимосвязанных этапов:

- 1) параллельное финансовое расследование, производимое наряду или в рамках (традиционного, ординарного) предварительного следствия;
- 2) досудебное производство о конфискации имущества, добытого преступным путем, без приговора суда (конфискация *in rem*) в порядке, предусмотренном главой 71 УПК РК;
- 3) финансовое расследование на основании вступившего в законную силу приговора суда.

Во исполнение Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы разработан План действий по её реализации, которым предусматривается внедрение института параллельного финансового расследования (*follow the money*). Задачами данного вида досудебного производства станут поиск похищенных активов и преступных доходов, сопоставление доходов и расходов, возврат и конфискация активов [3].

В настоящее время Рабочей группой при Администрации Президента РК по реформированию правоохранительной системы страны прорабатывается вопрос о законодательной регламентации института финансового расследования в части *follow the money*. Одним из вариантов его решения может быть издание межведомственной инструкции на основании соответствующих норм УПК РК (ст.ст. 194, 195 и др.).

В этой связи для Казахстана актуальны Рекомендации ФАФТ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), направленные на проведение наряду с основным параллельного финансового расследования.

Особое внимание обращаем на рекомендацию № 30:

«1. Должны быть определены уполномоченные правоохранительные органы, отвечающие за обеспечение должного расследования путём проведения финансового расследования по отмыванию денег, предикатным преступлениям и финансированию терроризма. Странам следует также определить один или

несколько компетентных органов для выявления, отслеживания и инициирования замораживания и ареста имущества, которое является или может стать предметом конфискации.

2. «Финансовое расследование» означает расследование финансовых дел, имеющих отношение к преступной деятельности, с целью:

- выявления масштаба преступных сетей и/или масштабов преступности;
- выявления и отслеживания доходов от преступлений, средств террористов или иного имущества, которые подлежат или могут подлежать конфискации;
- разработки доказательств, которые могут быть использованы в уголовном судопроизводстве.

3. «Параллельное финансовое расследование» относится к проведению финансового расследования наряду или в рамках (традиционного) уголовного расследования отмывания денег, финансирования терроризма и/или предикатного преступления (преступлений). Следователи правоохранительных органов при расследовании предикатных преступлений должны быть уполномочены параллельно проводить расследование связанных преступлений по отмыванию денег и финансированию терроризма либо иметь возможность передать дело в другой орган, который провел бы такие расследования.

4. Странам следует рассмотреть вопрос о принятии мер, включая законодательные меры на национальном уровне, с тем чтобы позволить своим компетентным органам, проводящим расследования отмывания денег и финансирования терроризма, отложить или отказаться от ареста подозреваемых лиц и ареста денег с целью выявления лиц, принимающих участие в такой деятельности, или для сбора доказательств. Без таких мер применение таких процедур, как контролируемые поставки и агентурные операции, невозможно.

5. Рекомендация 30 применяется также и к тем компетентным органам, которые не являются правоохранительными органами как таковыми, но которые несут ответственность за проведение финансовых расследований предикатных преступлений в той мере, в какой эти компетентные органы осуществляют функции, которые подпадают под положения Рекомендации 30.

6. Органы, занимающиеся борьбой с коррупцией с функциями правоприменения, могут быть назначены для расследования преступлений отмывания денег и финансирования терроризма, вытекающих из коррупционных преступлений или связанных с ними, в соответствии с Рекомендацией 30, и эти органы должны также обладать достаточными полномочиями для выявления, отслеживания и инициирования замораживания и изъятия активов.

7. Если страны используют в финансовых расследованиях межведомственные группы, следует иметь в виду спектр упомянутых выше правоохранительных и других компетентных органов.

8. Правоохранительные органы и органы прокуратуры должны иметь достаточные финансовые, людские и технические ресурсы. Странам следует иметь процедуры для обеспечения того, чтобы сотрудники этих органов поддерживали высокие профессиональные стандарты, в том числе стандарты в

отношении конфиденциальности, отличались высокой честностью и имели соответствующую квалификацию» [4].

Модель параллельного финансового расследования в РК может быть выстроена с учётом данных Рекомендаций ФАФТ. При расследовании преступлений, прежде всего, по линии Службы экономических расследований Агентства финансового мониторинга, основное (традиционное) досудебное производство должно быть направлено на установление обстоятельств предмета доказывания (статья 113 УПК РК и диспозиция инкриминируемой статьи Особенной части УК РК). Одновременно с ним могут быть сформированы следственно-оперативные группы (в т.ч. межведомственные) для выявления, отслеживания и инициирования замораживания и ареста имущества и иных активов, которые являются или могут стать предметом конфискации, а также доходов от преступной деятельности.

Процессуальный порядок конфискации *in rem* регламентируется в настоящее время главой 71 УПК РК и по данному виду (этапу) финансового расследования необходимо набирать практику.

В стадии исполнения приговора и до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности целесообразно ввести третий этап финансового расследования по аналогии с опытом Нидерландов [5], который может повысить эффективность решения такой задачи как возмещение ущерба (вреда), причиненного уголовными правонарушениями.

Финансовое расследование, не достигшее своих целей в досудебном производстве, впоследствии вправе инициировать суд при постановлении приговора. Модель финансового расследования применительно к стадии исполнения приговора может предусматривать в качестве обязательных компонентов:

1. вступивший в законную силу судебный приговор (постановление) содержит решение судьи о проведении финансового расследования (на основании мотивированного ходатайства государственного обвинителя и материалов уголовного дела, с учётом «порогового подхода» основных преступлений, связанных с укрытием криминального происхождения активов, и любого преступления, связанного с отмытием денег);

2. заключение подсудимым, осуждённым в предусмотренном УПК РК порядке процессуального соглашения с прокурором о выдаче имущества, добытого преступным путем, денежных средств и иных ценностей, подлежащих конфискации и обеспечивающих возмещение вреда (ущерба), причиненного преступлением (со *значительным уменьшением в приговоре* суда размера наказания);

3. установление сроков финансового расследования (с момента вступления судебного акта в законную силу и до истечения срока давности исполнения обвинительного приговора);

4. пределы финансового расследования (только в рамках, необходимых для отыскания сокрытых денег и иных ценностей, добытых преступным путем, денежных средств и иного имущества, подлежащих конфискации и обеспечивающих возмещение ущерба (вреда), причиненного преступлением, а также доходов от преступной деятельности);

5. способы финансового расследования (допустимость проведения оперативно-розыскных мероприятий, гласных и негласных следственных действий, иных процессуальных действий в целях получения информации, содержащей коммерческую тайну, данные о деловых операциях, состоянии банковских счетов, об уплате налогов, а также конфиденциальные сведения личного характера);

6. запрет на применение в ходе финансового расследования уголовно-процессуального задержания и мер пресечения;

7. прокурорский надзор и судебный контроль за законностью проведения финансового расследования;

8. судебный порядок признания недействительными сделок (купли-продажи, дарения, передачи в аренду, доверительное управление и т.п.), направленных на сокрытие имущества, на которое может быть обращено взыскание, или которое может быть конфисковано по иску прокурора в интересах государства или потерпевших по уголовному делу;

9. судебное решение вопроса о судьбе выявленных в ходе финансового расследования имущества и иных активов;

10. *возможность значительного увеличения судом в стадии исполнения приговора размера ранее назначенного уголовного наказания при обнаружении скрытых имущества и иных активов (при условии отказа подсудимого и осуждённого от оказания содействия в их поиске);*

11. прекращение финансового расследования в случаях:

а) добровольного возмещения в полном объеме ущерба (вреда), подлежащего возмещению осуждённым на основании приговора;

б) обнаружения разыскиваемого имущества, денежных средств и иных ценностей;

в) смерти осуждённого;

г) истечения срока финансового расследования.

В качестве целеполагающей установки созрели предпосылки для включения в перечень задач уголовного процесса (часть вторая статьи 8 УПК РК) предписания органам уголовного преследования об обязательном и своевременном принятии мер, направленных на выявление, изъятие и конфискацию полученных преступным путём активов, доходов от использования преступно добытых активов, стимулирование к возмещению ущерба (вреда), причиненного уголовным правонарушением [6; 7].

Список использованных источников:

1. Ещё при разработке проектов УПК РК в редакции 1997 и 2014 гг. профессорами Ахпановым А.Н. и Юрченко Р.Н. впервые ставился вопрос о самостоятельной главе «Финансовое расследование». См.: Проект УПК РК. – Алматы, 1997; Рабочий проект УПК РК 2014 года.

2. Закон РК от 2 мая 2011 г. № 431-IV «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» / ИПС «Әділет» / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000431> (дата обращения 10.12.2021 г.)

3. Приложение 1 (п. 54 подраздела 3.2) к проекту Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

<https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=12628483> (дата обращения 10.12.2021 г.)

4. Пояснительная записка к Рекомендации 30 ФАФТ «Обязанности правоохранительных и следственных органов» с изменениями на октябрь 2018 года / Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. — Москва: МУМЦФМ, 2012. — 191 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/FATF%20docs/rekomendacii-fatf-2019.pdf (дата обращения 10.12.2021 г.)

5. Конференция государств – участников Конвенции ООН против коррупции. Обзор хода осуществления Конвенции ООН в Нидерландах. - Вена, 13-15 октября 2014 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/ImplementationReviewGroup/ExecutiveSummaries/V1403532r.pdf> (дата обращения 10.12.2021 г.)

6. Ахпанов А.Н. Финансовое расследование в уголовном судопроизводстве // Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности в РК в условиях перехода к рыночным отношениям: Материалы науч.-теорет. конф. - Караганда, 1996. - С. 120-123.

7. Ахпанов А.Н., Юрченко Р.Н. Об институте финансового расследования при производстве по уголовным делам // Юрист - 2013. – № 3 (141). – С. 54–55.

Абдулвалиев Алмаз Фирзьярович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовно-
правовых дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного
университета

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ТРУДНОДОСТУПНЫХ РЕГИОНАХ

Право на доступ к правосудию – это право на деятельность государственных органов по возбуждению и расследованию уголовного дела в целях установления состава преступления путём доказывания и применения обеспечительных мер в интересах правосудия, это право на деятельность суда по разрешению уголовно-правовых и уголовно-процессуальных споров [1].

Законодательные акты под доступом к правосудию понимают, прежде всего, доступ граждан к непосредственному участию в отправлении правосудия, например, в качестве присяжных заседателей. Также под доступом к правосудию понимают, право на доступ участников уголовного судопроизводства в судебное разбирательство, право подавать ходатайства и жалобы, право на личное участие в рассмотрении его дела судами общей

юрисдикции и т.п. Подобное правило в равной степени присуще законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан.

Уголовно-процессуальные нормы обеих стран устанавливают требование, например, о том, что потерпевшему обеспечивается доступ к правосудию (ст. 34 УПК РК [2], ст. 125 УПК РФ [3]). Даже в ст. 52 Конституции РФ [4] содержится это правило. Конституция РК, в отличие от Конституции РФ, не содержит в себе требования обеспечения доступа к правосудию в том числе и по уголовным делам. Но есть Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, предусматривающая расширение мер по обеспечению доступа к правосудию и достижению баланса между доступностью правосудия и загруженностью судов [5].

Учёные-процессуалисты не раз высказывались о наличии нерешённых проблем, связанных с реализацией конституционного принципа доступа к правосудию [6; 7]. Однако, и научные позиции, и законодательные акты обеих стран, не регулируют и не определяют иной, не менее значимый, аспект понятия «доступ к правосудию». И он касается географических и территориальных особенностей.

Дело в том, что Республика Казахстан и, тем более, Российская Федерация являются очень крупными государствами, имеющими большую территорию. Как в любой другой крупной стране, они имеют населённые пункты, расположенные на значительном удалении от районных центров, где находятся суды общей юрисдикции. Для Казахстана, например, такими территориями являются центральные районы, расположенные в зоне пустынь и полупустынь, где есть немало населённых пунктов, расположенных на значительном удалении (более чем на 100-150 километров) от районного и регионального центров. Для России такими районами являются территории Севера России, Сибири и Дальнего Востока, где многие населённые пункты находятся на ещё большем удалении (более чем на 500-1000 километров) от районного и регионального центров.

Кроме того, в подобных районах и территориях, где проживает десятки и сотни тысяч людей, отсутствует нормальное автомобильное и железнодорожное сообщение со многими населёнными пунктами, не позволяющее в круглогодичном режиме обеспечивать доступ жителей к центру и к различным благам цивилизации. Поэтому такие географические аспекты в определённой степени создают различные правовые и процессуальные проблемы.

Мало кто из законодателей обеих стран поднимал вопрос о том, имеются ли у лиц, проживающих на удалённой и труднодоступной территории, транспортные возможности, чтоб добраться до судебных органов? В первую очередь эта проблема касается потерпевших и свидетелей, а, в ряде случаев, и подсудимых, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, которые не находятся под стражей или домашним арестом, и уголовные дела которых, например, рассматриваются в заочном порядке. Ведь, если, допустим, они проживают неподалёку от места расположения судебного органа (даже в пределах 100 километров) и им проще и быстрее будет добраться по вызову следователя, дознавателя или в суд, то как быть с теми, кто проживает на

значительном удалении? Сколько времени у них уйдёт на то, чтоб добраться, например, до районного суда, побывать на судебном заседании и вернуться обратно домой? А если отсутствует транспортная коммуникация между поселениями и районным центром, допустим, из-за непогоды, то сколько потребуется времени, чтоб добраться участникам процесса до районного суда? И каким транспортом им придётся добираться до районного центра? И как быть участникам судопроизводства в период распутицы, когда дороги становятся непроходимыми?

К сожалению, в законодательных актах нет ответа на эти вопросы, равно как и то, что отсутствуют правовые оговорки о продлении процессуальных сроков в подобных случаях. Поэтому правосудие для многих граждан и для участников уголовного судопроизводства всё же остаётся недоступным или труднодоступным. Объективно говоря, доступ к правосудию есть только у тех лиц, кто проживает в самом региональном или районном центре, где расположен судебный орган, либо в непосредственной близости к ним (в пределах территории, являющихся агломерацией или конурбацией). Потому что в большей степени данные территории имеют хорошую развитую транспортную сеть с центром.

Мало кто из законодателей обеих стран поднимал вопрос о том, имеются ли у лиц, проживающих на удалённой территории [8] в труднодоступной местности [9], финансовые возможности, чтоб добраться до судебных органов? Как известно, для того, чтобы добраться из удалённых поселений до районного центра, необходимо затратить немало денежных средств, будь то расходы на бензин, билеты на автобус, поезд или самолёт, включая также иные транспортные и командировочные расходы. В данной ситуации в Уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Казахстан предусмотрены правовые возможности компенсации указанных затрат участникам уголовного судопроизводства. Но знают ли о таких возможностях, например, потерпевшие и свидетели? Ведь у них, в отличие от подсудимого, нет защитника либо иного юриста, кто бы бесплатно защищал их интересы и разъяснял бы им о наличии такого права. Мало того, сколько проездных документов необходимо собрать, чтоб потом направить их в суд и получить соответствующую компенсацию.

Быть может поэтому на практике свидетели и потерпевшие отказываются участвовать в судебном заседании, ссылаясь на то, что у них нет времени и лишних денежных средств, чтоб доехать до суда. Быть может поэтому правосудие для многих граждан и для некоторых участников уголовного судопроизводства остаётся недоступным или труднодоступным.

Решением данных проблем является применение системы видео-конференц-связи, которая активно и успешно применяется при рассмотрении уголовных дел. Значимость и востребованность такой технологии подтверждается позициями учёных [10]. Причём Республика Казахстан в этом плане пошла дальше Российской Федерации, установив право использовать данную систему видеосвязи и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства для допроса лиц [11]. Тогда как по УПК РФ следственные

органы и органы дознания лишены такой технической и процессуальной возможности.

Подобный дистанционный допрос упрощает жизнь потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, так как им не надо тратить время и средства, чтоб приехать по вызову дознавателя, следователя или в суд. Такой допрос также в относительной степени упрощает работу дознанию, следствию и суду, так как не нарушаются процессуальные сроки и экономится время, затрачиваемое в обычной жизни на дорогу.

Существующие цифровые технологии в суде могут быть и дальше расширены, если будет предоставлена возможность всем участникам уголовного судопроизводства участвовать, например, в судебном заседании. Особенно защитнику, эксперту, специалисту, подсудимому и иным лицам.

Однако и здесь есть немаловажная проблема. Дело в том, что существующие уголовно-процессуальные акты России и Казахстана ограничивают применение системы видео-конференц-связи, устанавливая требование осуществлять видеосвязь непосредственно с судебного органа [12], а не из дома или с работы. То есть, участникам уголовного процесса, проживающим в удалённой и труднодоступной местности, необходимо будет явиться в ближайший населённый пункт, где находится для него ближайший районный суд, чтобы в онлайн режиме принять участие в судебном заседании. А для этого снова придётся затратить время и деньги.

Подобное усложнение процедуры обусловлено тем, что система видео-конференц-связи является сложной, требуются соответствующие программно-технические комплексы и специальные каналы связи, чтобы обеспечить надлежащее качество изображения и звука. К тому же для обслуживания такой системы требуются специалисты и лица, ответственные за техническое обеспечение работы системы видео-конференц-связи, которые есть только у Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Эта проблема снова возвращает к той ситуации, когда участнику уголовного судопроизводства даже для участия в судебном заседании в режиме дистанционного допроса всё равно придётся ехать в районный суд из своего удалённого населённого пункта, расположенного ещё в труднодоступной местности.

Решением данной проблемы могло бы стать на законодательном уровне (путём внесения соответствующих поправок в УПК РК и УПК РФ) расширение технической возможности системы видео-конференц-связи, предоставив участникам уголовного судопроизводства право участвовать в судебном заседании прямо из дома в своём населённом пункте, не выезжая при этом в районные центры в суды. Тем более, что существующие программы и мессенджеры позволяют организовывать подобный дистанционный формат на относительно качественном уровне без каких-либо дополнительных сложностей. Причём подобная уголовно-процессуальная новелла была бы более актуальной в настоящее время – в связи пандемией COVID-19 [13]. Это позволило бы осуществлять в дистанционном формате судопроизводство не только по уголовным делам, но также и по гражданским, административным и арбитражным делам. Как показывают исследования некоторых учёных, суды

начинают «выходить» за рамки существующей стационарной системы видео-конференц-связи, используя для онлайн связи мессенджер WhatsApp и Skype [14]. Правда данные средства сообщения имеют определённые уязвимости и слабую защищённость перед хакерами.

Но и здесь тоже кроется немаловажная проблема. Дело в том, что до сих пор остаётся значительное количество населённых пунктов в обоих государствах, где отсутствует качественная информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»: по состоянию на лето 2020 года в Республике Казахстан – свыше 800 населённых пунктов, в Российской Федерации – свыше 25000 населённых пунктов. Дело в том, что качественное Интернет-соединение как раз необходимо, чтоб обеспечить граждан удалённых поселений связью с судебными и иными органами, т.е. обеспечить цифровой доступ к правосудию. Качественное Интернет-соединение нужно, чтоб обеспечить работу системы видео-конференц-связи в домашних условиях для участников уголовного судопроизводства. Поэтому для решения вопроса об обеспечении доступа к правосудию с помощью дистанционных технологий необходимо решить банальную техническую проблему – обеспечить все населённые пункты двух стран качественным доступом к сети «Интернет».

Существует ещё одна проблема обеспечения доступа к правосудию, и связана она, в частности в Российской Федерации, с созданием отдельных апелляционных судов общей юрисдикции и кассационных судов общей юрисдикции. Появление новых судебных органов обусловлено было обеспечением независимости и самостоятельности судов второй инстанции, чтобы, тем самым, повысить качество и объективность пересмотра решений судов первой инстанции.

Идея, конечно, хорошая. Создание отдельных судов второй инстанции является насущным и необходимым. Но их появление привело к тому, что указанные суды стали практически недоступны для граждан и участников уголовного судопроизводства. Автор статьи проводил научные исследования [15] по данному направлению и установил, что нынешнее расположение, например, апелляционных судов общей юрисдикции является неудачным и неудобным. Так, жителям Тюменской области, Курганской области, ХМАО и ЯНАО необходимо добираться до Второго Апелляционного суда, расположенного в Санкт-Петербурге. А вот жителям Чукотского автономного округа, Магаданской области, Камчатского края, Сахалинской области необходимо добираться до Пятого Апелляционного суда, расположенного в Новосибирске. В последнем примере у жителей и участников уголовного судопроизводства (особенно у потерпевшего или у защитника осуждённого) нет транспортной возможности своевременно добраться до указанного апелляционного суда, кроме случаев использования воздушного транспорта, да и то с различными пересадками в промежуточных аэропортах, что, в свою очередь, может очень дорого обойтись по финансовым затратам. И это ещё без учёта непогоды и иных особых климатических условий, которые могут послужить определёнными дополнительными препятствиями.

О каком доступе к правосудию здесь можно вести речь? Можно было бы использовать в данном случае систему видео-конференц-связи, но не стоит

забывать о том, что у участников уголовного судопроизводства есть полное право на непосредственное участие в судебном заседании, когда он может лично присутствовать при рассмотрении уголовного дела.

В связи с этим автором было предложено увеличить число апелляционных судов общей юрисдикции, чтоб в равной степени обеспечить равный доступ к правосудию для участников уголовного судопроизводства, проживающих на удалённой территории и в труднодоступной местности.

То, что уголовное судопроизводство разбалансированно не раз отмечалось учёными [16], так как, и доступ к правосудию не решён в должной мере, и современные цифровые технологии ещё не совсем способны решить вопрос непосредственного участия, например, потерпевшего или свидетеля, в судебном разбирательстве. А отсутствие сбалансированности, как следствие, нарушает гармонию и равновесие уголовного судопроизводства.

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить важность расширения системы видео-конференц-связи для его использования участниками не только в судах, но и дома, не только на стадии судебного разбирательства, но и на досудебных стадиях (при условии, что население удалённых поселений будет обеспечено качественным Интернетом). Стоит отметить важность внедрения иных более новых и перспективных цифровых технологий, которые должны оказывать содействие правосудию и, в ряде случаев, упрощать судопроизводство. Стоит отметить важность расширения и увеличения числа апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, чтоб сделать правосудие судов второй инстанции более доступным для участников судопроизводства и для населения. Тогда уже можно будет говорить о том, что конституционный принцип доступа к правосудию с географической точки зрения решён.

В завершение стоит сказать, что система видео-конференц-связи, равно как и другие современные цифровые технологии, внедряемые в судопроизводство, не должны собой подменять судей, прокуроров и иных участников процесса. Эти технологии должны быть определёнными помощниками в отправлении правосудия, должны упрощать некоторые судебные и следственные процедуры, а также в меру своих возможностей оказывать содействие в обеспечении прав и свобод человека и гражданина в судопроизводстве.

Список использованных источников:

1. Масленникова Л.Н., Топилина Т.А. — Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве России // Юридические исследования. – 2020. – № 7.
DOI: 10.25136/2409-7136.2020.7.33845.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. // Казахстанская правда, 10.07.2014 № 133 (27754); "Егемен Қазақстан" 10.07.2014 ж. № 133 (28357).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674. «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».
6. Ротар А.И. Реализация права на доступ к правосудию лицом, в отношении которого ведется уголовное преследование // Теория и практика общественного развития. 2019. №8 (138);
7. Савочкин О.А. Право граждан на доступ к правосудию и на получение квалифицированной юридической помощи // Закон и право. 2021. №8.
8. Абдулвалиев А.Ф. Территориальная удаленность как особое географическое условие, влияющее на расследование уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2016, №2 (36), С. 124-129.
9. Абдулвалиев А.Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2018, №1 (43), С. 97-104.
10. Софийчук Н. В., Колпакова Л. А. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2020. №11 (168). С.71-80.
11. Тлеубаев Д.К., Иманбаев С.М., Карымсаков Р. Ш. Цифровизация уголовного процесса в республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-journal. 2021. №11 (98).С.31-37.
12. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 №401 (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // Бюллетень актов по судебной системе, №3, 2016.
13. Андреева О.И., Качалова О. В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2020. №36. С.5-15.
14. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «Вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2020. №3 (134). С.193-200.
15. Абдулвалиев А.Ф. География апелляционных судов общей юрисдикции в России: проблемы обеспечения доступа к правосудию при пересмотре уголовных дел // Право и политика. 2020. №4. С.59-69.
16. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №10 (74). С.52-65.

Наумович Татьяна

Владимировна,

заместитель начальника Центра образовательных инноваций юридического факультета Белорусского государственного университета

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблематика домашнего насилия продолжает оставаться актуальной как для Республики Беларусь, так и для всего мира в целом. Согласно международной статистике, каждая третья женщина в мире сталкивается с сексуальным или физическим насилием со стороны человека, который ей знаком. Каждая третья женщина нуждается в помощи.

Согласно результатам исследования по распространённости насилия в отношении женщин, проведённого Институтом социологии НАН Республики Беларусь в 2018г., по заказу Фонда ООН в области народонаселения:

- каждая вторая женщина хотя бы раз подвергалась тому или иному виду насилия;

- 48,9% женщин, это почти каждая вторая, сталкивались с психологическим насилием со стороны партнёра;

- 16,9% женщин когда-либо подвергались сексуальному насилию;

- 28,4% женщин когда-либо подвергались физическому насилию;

- 16,3% женщин когда-либо подвергались экономическому насилию [1].

После распада СССР с принятием новой Конституции суверенного государства – Республики Беларусь – существенно возрос интерес к правам человека, защите его прав и свобод как высшей ценности государства. Необходимость формирования нового общества, с прогрессивными и кардинально противоположными советскому восприятию прав человека, в последние годы приобрела исключительную актуальность. Но на пути своего развития государство столкнулось и с новыми проблемами защиты прав своих граждан. Так, общество столкнулось с такой новой для себя проблемой как насилие в семье, которое долгое советское время носило больше латентный характер. Данное явление не ново ни для одного из постсоветских государств, но ранее в семейные отношения государство предпочитало не вмешиваться, считая, что это личное дело каждой семьи. Но сегодня ситуация кардинально изменилась. «Домашнее насилие», «бытовое насилие», «насилие в семье» – как бы не называли государства насилие, которое люди применяют в отношении своих близких, но для всех стало понятно, что больше государство не должно молчать и не вмешиваться в это противоправное явление.

Перед всеми государственными органами стояли тяжелые задачи: сначала – признать, что данное явление существует, и следующая задача – защитить своих граждан, чтобы их дом был для каждого члена общества – надежной крепостью, а не полем боя.

Одной из 17-ти Целей устойчивого развития, провозглашенных ООН, определяющих стратегические направления развития мирового сообщества, «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», является Цель 5.

Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Выполнение этой цели конкретизировано рядом задач, среди которых важное место принадлежит следующим:

5.1 Повсеместно ликвидировать все формы дискриминации в отношении всех женщин и девочек;

5.2 Ликвидировать все формы насилия в отношении всех женщин и девочек в публичной и частной сферах, включая торговлю людьми и сексуальную и иные формы эксплуатации.

Государства несут ответственность за достижение прогресса в обозначенных направлениях [1]. Актуальной задачей является совмещение глобальных целей с интересами конкретных стран, которые должны определяться на национальном уровне.

Республика Беларусь выразила приверженность Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь №181 от 25 мая 2017 г. был назначен Национальный координатор по достижению Целей устойчивого развития, определены государственные органы и организации, ответственные за реализацию Целей устойчивого развития и принято Положение о Национальном координаторе по их достижению.

В соответствии с Повесткой - 2030 насилие в отношении женщин и домашнее насилие классифицируются как нарушение прав человека и рассматриваются как дискриминация по гендерному признаку. Это одна из наиболее актуальных проблем как для мирового сообщества, так и для Беларуси.

В Беларуси домашнее насилие является наиболее распространенным видом насилия на гендерной почве. В национальном законодательстве отсутствует дефиниция домашнего насилия, но закреплено понятие «насилия в семье» – умышленных действий физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающих его права, свободы, законные интересы и причиняющих ему физические и (или) психические страдания [1].

Главное условие, на наш взгляд, успешной борьбы с насилием в семье – изменение парадигмы общества. Для этого необходимо кардинально изменить общественное сознание и устоявшиеся стереотипы, сформировать адекватное понимание последствий насилия в семье, не потворствовать антиобщественному поведению. Стало понятно, что каждый домашний агрессор, оставшийся безнаказанным, культивирует в себе чувство вседозволенности, которое, в свою очередь, создает почву для совершения

более серьезных правонарушений. Но государства по-разному шли по пути защиты своих граждан от насилия в семье.

Так, Республика Казахстан еще в 2009 году приняла специальный закон «О профилактике бытового насилия». Признав, что бытовое насилие – умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания, выделив четыре вида домашнего насилия:

- физическое насилие – умышленное причинение вреда здоровью путем применения физической силы и причинения физической боли,

- психологическое насилие – умышленное воздействие на психику человека, унижение чести и достоинства посредством угроз, оскорблений, шантажа или принуждение (понууждение) к совершению правонарушений или деяний, представляющих опасность для жизни или здоровья, а также ведущих к нарушению психического, физического и личностного развития;

- сексуальное насилие – умышленное противоправное действие, посягающее на половую неприкосновенность или половую свободу человека, а также действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним;

- экономическое насилие – умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, имущества, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право [3].

В Республике Беларусь, также как и в Казахстане, насилие в быту одного члена семьи по отношению к другому, признается административным правонарушением, и влечет уголовную ответственность, лишь в случае тяжелых последствий. Но в белорусском законодательстве, насилие в семье рассматривается лишь в контексте закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [2], а о специальном законе, защищающем граждан от общественно опасного деяния, которым является домашнее насилие, на современном этапе ведутся лишь споры о его необходимости. Белорусское законодательство дает такое определение: «насилие в семье – умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания», т.е. законодательно выделяются лишь три вида насилия в семье: физическое, психологическое и сексуальное. Но, увы, точного определения данных видов насилия, мы в законе не найдем. И в то же время, в юридической литературе все чаще ведутся споры, что необходимо признать существование и пагубное воздействие экономического насилия, которое зачастую является первопричиной физического и психологического насилия.

Насилие в семье, согласно белорусскому законодательству, это противоправные деяния одного члена семьи в отношении другого. А членами семьи признаются близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные граждане, проживающие совместно с гражданином и ведущие с ним общее хозяйство, тем самым, отвергается факт совершения насилия в отношении друг друга бывших супругов. А случаи домашнего насилия именно среди этой категории граждан признаны наиболее

распространенными. Принятие специального закона о противодействии домашнему насилию, дает возможность государству выделить специальные принципы профилактики этого явления. А, как известно, принципы – это основополагающие утверждения, на основе которых создают научные теории и законы, юридические документы, выбирают нормы поведения в обществе.

Так, в вышеназванном специальном законе Казахстана, выделяются такие принципы, как принцип поддержки и сохранения семьи; индивидуального подхода к каждому человеку и гражданину, находящимся в трудной жизненной ситуации; приоритета превентивных мер профилактики бытового насилия над репрессивными; комплексности и системности, в то время, как, если рассматривать насилие в семье как один из видов общих правонарушений, то перед органами, принимающими участие в работе по реализации данного закона, не будет стоять задача сохранения семьи и комплексной помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, кем и являются пострадавшие от рук домашнего тирана.

Общим, что объединяет законодательства и Республики Казахстан и Республики Беларусь, можно выделить такую инновационную меру профилактики, как защитное предписание. По закону 2009 года Казахстана защитное предписание выносится в отношении вменяемого лица, достигшего на момент его вынесения шестнадцатилетнего возраста, т.е. может быть вынесено и несовершеннолетнему лицу, но с учетом мнения потерпевшего, которое вручается для исполнения лицу, совершившему бытовое насилие либо от которого исходит угроза его совершения, под расписку. В случае отказа от подписания в защитном предписании делается запись об этом. Этим документом лицу, совершившему бытовое насилие либо от которого исходит угроза его совершения, запрещается совершать бытовое насилие, вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи. Срок действия защитного предписания составляет тридцать суток с момента его вручения лицу, в отношении которого оно вынесено. Такой же максимальный срок действия защитного предписания предусмотрен и законодательством Республики Беларусь. Но, в отличие от казахского закона, устанавливает и минимальный срок применения защитного предписания – трое суток.

Ограничительные меры воздействия на поведение виновного в совершении насилия лица значительно расширены, по сравнению с законодательством Казахстана. Так, закон разрешает временно выселить гражданина, совершившего насилие в семье, из общего с пострадавшим жилого помещения, Лицо, в отношении которого вынесено защитное предписание, не имеет права предпринимать попытки выяснять место пребывания гражданина (граждан), пострадавшего (пострадавших) от насилия в семье, если этот гражданин (граждане) находится (находятся) в месте, неизвестном гражданину, совершившему насилие в семье; посещать места нахождения гражданина (граждан), пострадавшего (пострадавших) от насилия в семье, если этот гражданин (граждане) временно находится (находятся) вне совместного места жительства или места пребывания с гражданином, в отношении которого

вынесено защитное предписание; общаться с гражданином (гражданами), пострадавшим (пострадавшими) от насилия в семье, в том числе по телефону, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет. Но, к сожалению, в цифровую эпоху отследить преследования пострадавших с использованием возможностей социальных сетей и других Интернет-возможностей становится все труднее. Все понимают, что права человека должны соблюдаться в онлайн-режиме точно так же, как и в физическом мире. Цифровые технологии предоставляют новые возможности для осуществления прав человека, но они слишком часто используются и для нарушения этих прав. Особую обеспокоенность вызывают вопросы защиты граждан и неприкосновенности их частной жизни, а также насилия и домогательств в Интернете.

Однако же институт защитного предписания все же оправдал себя. Так, по статистике только за 2015 год (т.е. уже через год после принятия закона, предусматривающего данную меру) было вынесено 1152 предписания, а это значит, что 1152 семьи получили долгожданную защиту государства.

Уровень общественной терпимости к проблеме домашнего насилия варьируется в зависимости от особенностей национальной культуры. В некоторых странах (к ним относятся и Республика Беларусь) еще не принят специальный закон о противодействии насилию в семье, но в законодательствах большинства стран уже принят и действует специальный закон о предотвращении домашнего насилия. Но каким бы методом ни защищало бы государство своих граждан от насилия, успеху этой работы во многом будет способствовать консолидация совместных усилий государства и институтов гражданского общества, в частности, взаимодействие с общественными организациями, занимающимися практическим разрешением проблем людей, подвергшихся жестокости и насилию в семье.

Насилие в семье – это не то, что нужно скрывать, замалчивать, терпеть либо страдать от него. Если говорить о насилии в семье в современной «цифровой» жизни, то оно никуда не исчезло. Семейные войны изменили форму, но часто продолжают онлайн. Наступившая цифровая эпоха трансформировала традиционные формы насилия и породила новые. Защитить своих граждан от всех видов насилия – это обязанность любого современного и уважающего себя государства.

Список использованных источников:

1. Официальный сайт Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА).- Режим доступа <https://belarus.unfpa.org/ru/publications> (дата обращения 05.12.2021).

2. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З. - Доступ из национального правового Интернет-портала Республики Беларусь «Pravo.by». - Режим доступа:

<https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11400122&p1=1>
(дата обращения 05.12.2021).

3. О профилактике бытового насилия [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV (с изм.и доп. по состоянию на 24.11.2021 г.) – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения 05.12.2021).

Мусенова Эльвира Елеусиновна,
з.ғ.к., «КАЗГЮУ» Университеті
қылмыстық сот төрелігі
департаментінің
доценті

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕ АЗАМАТТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫ МЕН БОСТАНДЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕГІ ПРОКУРОРДЫҢ РӨЛІ

Қылмыстық-процестік құқықты дамытудың басымдығы қылмыстық сот ісінің адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғауға бағытталған негізін қалаушы қағидаттарын дәйекті түрде одан әрі іске асыру болып қала бермек. Қылмыстық істер бойынша іс жүргізудің заңмен белгіленген тәртібі – негізсіз айыптау мен соттаудан, адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын заңсыз шектеулерден мүлтіксіз қорғауды қамтамасыз етуге, кінәсіз адамды заңсыз айыптаған немесе соттаған жағдайда оны тез арада және толығымен оңалтуға, сондай-ақ заңдылық пен құқық тәртібінің нығаюына, қылмыстың алдын алуға, құқыққа құрметпен қарауды қалыптастыруға ықпал етуге тиіс [1].

Алайда «құқық қорғау жүйесінің жұмысында бұрынғы дағды бойынша айыптауға бейімділік басымдау болып тұрғандығын және азаматтардың қылмыстық жауапкершілікке негізсіз тартылатын жағдайлары да аз кездеспейтіндігін, сондықтан да қылмыстық және қылмыстық-процессуалдық заңнаманың тұрақтылығын қамтамасыз етудің маңыздылығын» Қазақстан халқына Жолдауында Мемлекет басшысы атап өткен болатын [2; 3]. Осыған орай, қылмыстық-процестік заңнамаға бірқатар өзгерістер мен толықтырулар енгізілді [4; 5].

Әрине, қылмыстық процесте азаматтардың құқықтарын қорғауды күшейту қажеттілігі сөзсіз, себебі еліміздің ең қымбат қазынасы – адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары [6]. Ал адамның және азаматтың құқықтары мен бостандықтарын, заңды тұлғалардың, қоғам мен мемлекеттің заңды мүдделерін қорғауды және қалпына келтіруді жүзеге асыру ол прокуратураның міндеттерінің бірі [7]. Десек те, «прокурорлық қадағалауға келсек, бұл жұмыс үнемі кешеуілдеп жатқандығын, прокурорлар істің мән-жайымен тек сотқа жіберер алдында ғана танысатындығын» да Мемлекет басшысы атап өтіп, содан кейін прокурордың рөлін күшейту мақсатында «қылмыстық істер бойынша 2021 жылдан бастап прокурорға адам құқығы мен бостандығына қатысты негізгі процессуалдық шешімдерді келісу міндетін заң арқылы жүктеген жөн» деген талап қойды [2]. Содан кейін сотқа дейінгі тергеп-тексеру барысында қабылданатын шешімдерге прокурордың келісімі

қажет жағдайлар қылмыстық-процестік заңмен нақтыланды, атап айтсақ күдікті ретінде тану туралы және күдіктінің іс-әрекетін саралау туралы, сотқа дейінгі тергеп-тексеру мерзімдерін ұзу туралы және т.т. анықтаушы мен тергеушінің шешімдері прокурормен келісіле отырып, қабылдануы тиіс екендігі қылмыстық-процестік заңда көрініс тапты [8].

Осы тұста айта кету керек, аталған өзгертулерге дейін ҚР ҚПК-нің 202, 204-баптарының 3-бөліктеріне сай күдікті ретінде тану туралы және күдіктінің іс-әрекетін саралау туралы қаулының (басқа да шешімдердің) көшірмесі жиырма төрт сағаттың ішінде прокурорға жіберілуі тиіс еді, ол әрине прокурордың тікелей қадағалауымен байланысты екендігі де белгілі. Алайда оған қарамастан, мұндай процессуалдық шешімдерді прокурормен келісу қажеттілігі неде? Оның үстіне, прокурордың келісім беруі және оның процессуалдық тәртібі қалай жүзеге асады деген орынды сұрақ туындайды.

Одан бөлек, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамның әрекеттері мен шешімдерін прокурордың «бекітуі» тиіс жағдайлары тағы бар, мәселен, айыптау актісін, қылмыстық теріс қылық туралы хаттаманы, бұйрықтық іс жүргізуді қолдану туралы қаулыны бекітеді. Тіпті қылмыстық істі тоқтату туралы қаулыны бекіту де – прокурордың өкілеттіктерінің бірі.

Осы тұста процестік шешімдерді прокурордың «келісуі» мен «бекітуінің» ара-жігі неде деген де сұрақ туындайды. Себебі, олардың айырмашылықтары тек «келісемін» және «бекітемін» деген сөздермен ғана ерекшеленеді ме немесе ол әрекеттерді жүзеге асыру барысында өзіндік артықшылықтары да бар ма? Мұндай сұрақтың туындау себебі де жоқ емес, мәселен ҚР ҚПК-нің 42-1-бабының 3-бөлігіне назар аударсақ, қылмыстық сот ісі қағаз форматта жүргізілген кезде сотқа дейінгі тергеп-тексеру органы процестік шешімдер қабылдауға және оларды прокурормен «келісу» не «бекіту» үшін жіберу керек деп, ал ҚР ҚПК-нің 193-бабының 1-бөлігінің 6)-тармағында «Прокурордың келісуі мен бекітуі – қаулыны электрондық цифрлық қолтаңбамен куәландыру арқылы, ал қағаз түрінде ресімделген, оның ішінде құпиялылықты сақтауды талап ететін процестік шешімдер мен әрекеттер бойынша сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамның қаулысына өзінің қолымен расталатын «Келісемін», «Бекітемін» белгілерін қою арқылы жүзеге асырылады» деп көрсетілген. Тіпті ҚР ҚПК-нің 203-бабының 1-бөлігінің екінші абзацындағы «қаулыны прокуратура басшысы бекітеді» деген сөздер «қаулы прокуратура органының басшысымен келісіледі» деген сөздермен ғана ауыстырыла салған [8]. Сонда аталған сөздердің маңызы мен мағанасы өз салмағын жоғалтқандай. «Келісу» мен «бекіту» ұғымдарының айырмашылығы не қылмыстық-процестік заңда не басқа да заңдарда көрініс таппаған. Сондықтан бұл ұғымдардың ара-жігін ажыратып, түсініктеме беру, сондай-ақ іс жүргізудің біркелкілігін қамтамасыз ету мақсатында олардың процессуалдық тәртібін де нақтылау керек сынайлы.

Бастысы прокурордың «келісу» не «бекіту» барысындағы әрекеттері тергеу органдарының қылмыстық істі ашу барысына еш кері әсерін тигізбеуі тиіс, себебі, біріншіден, артық қағазбастылыққа, екіншіден, уақыттың негізсіз созбалаңға салынуы әбден мүмкін. Өйткені тергеу шешімдеріне келісім беру не бермеу үшін прокурордың қарайтын дербес мерзімдері бар, ал егер шешімге

келісімін бермесе, онда прокурордың істі қайтаратын жағдайларын тағы да ескеру керек, мәсеен ҚР ҚПК-нің 45-бабының 8-1)-тармағына сай, «прокурор сотқа дейінгі тергеп-тексеру мерзімдерін үзу туралы қаулыны үш тәулік ішінде келіседі не уәжді қаулымен оны келісуден бас тартады және қажетті тергеу әрекеттерін және процестік әрекеттерді жүргізу туралы көрсете отырып, сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамға қайтарады». Ал ҚР ҚПК-нің 48-бабының 5-бөлігіне сай, қылмыстық істің материалдарын талап етіп алдыру және зерделеу қажет болған жағдайларда, келісу немесе келісуден бас тарту туралы шешімді прокурор он тәулік ішінде қабылдайды. Сондай-ақ, прокурормен келісуге жататын тиісінше күдіктінің іс-әрекетін саралау туралы жаңа қаулы не қылмыстық құқық бұзушылықты саралау туралы жаңа қаулы жасауға міндетті [8]. Мұндай жағдайлар тергеу барысына өзінің теріс әсерін тигізетіні сөзсіз. Біздің пікірімізше, прокурордың тергеу органдарына деген орасан көмегі болуы тиіс, өйткені қылмыстық процестің мақсаты – кез келген іс бойынша ақиқатты тану. Ал ақиқат тергеуші үшін де прокурор үшін де ортақ деген пікірді кезінде И. Перлов дөп басып айтқан [9].

Тағы бір назар аударатын жайт, жоғарыда атап өткендей, ол прокурордың сотқа дейінгі тергеп-тексеруді жүзеге асыратын адамның әрекеттері мен шешімдерін «бекітуі». Мәселен, қылмыстық теріс қылық туралы хаттаманы, бұйрықтық іс жүргізуді қолдану туралы қаулыны бекітеді. Мүмкін аталған шешімдерді прокурордың бекітуі емес, оның келісім беруі орынды болар ма еді, себебі шешімнің дұрыстылығына, негізділігіне және сотта айыптауды қолдауына берген келісімі деп түсінілуі керек.

Айта кету керек, 2021 жылдың желтоқсан айынан бастап, айыптау актісін прокурордың өзі жасайтын жағдай заңмен нақтыланбақ, алайда қылмыстық істің аяқталуы туралы тергеу органдары есеп дайындайтын жағдайлары тағы бар. Мұндай жағдай тағы да жоғарыда атап өткендей қағазбастылық салдары тергеу органдарының уақытылы істі ашуына кері әсерін тигізбесіне кім кепіл.

Ерекше назар аударатын мәселенің бірі, ол ҚР ҚПК-нің 35 және 36-баптарына сәйкес қылмыстық істі тоқтату туралы прокурордың шешім қабылдау өкілеттігі, яғни ҚР ҚПК-нің 290-бабына сай прокурор қылмыстық істі не қылмыстық қудалауды толық көлемде немесе бір бөлігінде тоқтату туралы қаулыны бекітеді [8]. Алайда, істі тоқтатудың ақтайтын және ақтамайтын негіздерін назардан тыс қалыдрмау керек. Оның үстіне, тоқтатылған қылмыстық істің барысына тіпті қорғаушының қатыспауы да мүмкін. Ал тоқтатылатын қылмыстық істерде ақтайтын негіздердің орын алуын немесе ақтамайтын негіздер бойынша істің тоқтатылуына күдіктінің қарсы болуын ескеру ол да маңызды. Одан бөлек, тоқтатылған қылмыстық істер бойынша жәбірленушіге келген залалдың орнын толтыру ол да өз алдына мәселе. Сол себепті мұндай жағдайларда іс бойынша танылған күдіктінің заңмен бекітілген құқықтарын, жәбірленушінің бұзылған құқықтарын қалпына келтіру мақсатында тараптардың қатысуымен олардың пікірін назарға ала отырып, тергеу судьясының қорытынды шешім қабылдауы орынды деген пікірдеміз.

Мемлекет басшысының Халыққа Жолдауында тағы да «Құқықтық мемлекеттің маңызды шарты – туралықтан танбайтын әділ сот төрелігінің болуы. Сот жарыспалы қағидат бойынша жүруге және судья айыптаушы жаққа

тәуелді болмауға тиіс. Сол үшін адвокат пен прокурордың теңдігін қамтамасыз ету қажет» екендігін атап өткен болатын [2]. Иә, мойындау керек сотқа дейінгі сатыда тараптардың жарыспалылығына қарағанда айыптау қызметінің басымдылығын көреміз. Сондықтан да болар сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысында тараптардың жарыспалық көрінісін дөп басып айту қиын.

Сол үшін сотқа дейінгі сатыда жарыспалылықтың шынайылығын, тараптардың теңдігін күшейту мақсатында, адам құқығы мен бостандығына қатысты негізгі процессуалдық шешімдерді «бекіту» үшін тергеу судьясына жолдаған орынды болар еді. Себебі прокурор айыптау тарапы болғандықтан, объективтілікті сақтауда ешбір күман туындамауы маңызды.

Ал сот әділдігіне теңдей құқықты қамтамасыз ету мақсатында айыптау және қорғау тараптары өз дәйектерін тергеу судьясына ұсынса, екі тараптың қатысуымен дәлелдемелер жан-жақты зерттеліп, нақты шешім қабылдау ол да жарыспалылықтың, тараптардың бәсекелестігінің жүзеге асуының бірден-бір мүмкіндігі болар еді деген пікірдеміз.

Мұндай жағдай тәжірибеде де жоқ емес, мәселен ҚР ҚПК-нің 217-бабына сай айғақтарды сақтауға қою үшін тараптар тергеу судьясына дербес өтінішхат жолдай алады. Ал тергеу судьясы тараптардың қатысуымен процесік әрекеттерді жүргізеді және нәтижесінде шешім қабылдайды [8].

Міне сол сияқты да қылмыстық іс бойынша қорытынды шешімдердің де тікелей тергеу судьясына жолдануы орынды.

Сонда негізсіз айыптау мен соттаудан, адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын заңсыз шектеулерден мүлтіксіз қорғауды қамтамасыз етуге, кінәсіз адамды заңсыз айыптаған немесе соттаған жағдайда оны тез арада және толығымен ақтау сияқты қылмыстық ісін міндеттерінің бірі қажетті деңгейде жүзеге асқан болар еді.

Қылмыстық істің аясына түскен адамдардың құқықтары мен бостандықтарының қорғалуына және сақталуына байланысты жасалып жатқан шараларға осы мақалада орын алған ұсныстар мен тұжырымдар қосымша септігін тигізеді деп сенеміз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық саясат тұжырымдамасы туралы Қазақстан Республикасы Президентінің 2009 жылғы 24 тамыздағы N 858 Жарлығы. Егемен Қазақстан" 2009 жыл, 28 тамыз, N 281-283 <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/U090000858>

2. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы. 2020 жылғы 1 қыркүйек

https://www.akorda.kz/kz/addresses/addresses_of_president/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-2020-zhylgy-1-kyrkuiek

3. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы 2021 жылғы 01 қыркүйек <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-183555>

4. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне қылмыстық процесте азаматтардың құқықтарын қорғауды және сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылды күшейту мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар

енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2020 жылғы 19 желтоқсандағы № 384-VI ҚРЗ <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2000000384>

5. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне рейдерлікке қарсы күресті күшейту, кәсіпкерлік қызметті мемлекеттік органдар мен лауазымды адамдардың заңсыз араласуынан қорғау және бағалы металдардың заңсыз айналымына кедергі келтіретін шараларды күшейту мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2021 жылғы 2 шілдедегі № 62-VII ҚРЗ. <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2100000062#z101>

6. Қазақстан Республикасының Конституциясы – 1995 жыл 30 тамыз <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000>

7. Прокуратура туралы Қазақстан Республикасының заңы 2017 жылғы 30 маусымдағы № 81-VI ҚРЗ <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000081>

8. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231>

9. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1955. – 248 с.

Кулбаева Майя Муратовна,
докторант Евразийского
национального университета
им. Л.Н. Гумилёва

О СООТНОШЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРИ САНКЦИОНИРОВАНИИ СЛЕДСТВЕННЫМ СУДЬЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента РК от 15 октября 2021 г. № 674, отмечает важность вопроса обеспечения конституционных прав и свобод граждан при досудебном расследовании и отравлении уголовного правосудия [1]. Анализ текущей ситуации показывает, что до сих пор преобладают ведомственные показатели в вопросах обеспечения прав и свобод человека, что обусловлено отсутствием чётких граней между полномочиями и пределами ответственности между следствием, прокуратурой и судом.

В качестве оптимального правового механизма эффективного решения проблем обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства предложено поэтапное внедрение с 2022 года трёхзвенной уголовной модели взаимодействия полиции, прокуратуры и суда, основанного на международном опыте стран ОЭСР [1].

Внедрение трёхзвенной модели уголовного судопроизводства, по нашему мнению, всё же не устраняет имеющиеся коллизии соотношения форм процессуального контроля и надзора на досудебной стадии уголовного процесса, поскольку обозначенные УПК РК средства их реализации в силу единой тенденции их предназначения тесно взаимосвязаны, а в некоторых

случаях дублируют друг друга. С позиции системного подхода рассматриваемые нами субъекты контроля и надзора имеют единую цель – это обеспечение условий для качественного и объективного досудебного производства. Рациональное распределение полномочий на этой стадии уголовного процесса позволяет и следственному судье, и прокурору, и начальнику подразделения органов расследования вносить свою лепту в коллективное решение общей задачи – обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

В целом контрольно-надзорная деятельность за досудебным расследованием – это целостный механизм реализации контроля и надзора за соответствием действий участников уголовного судопроизводства нормам УПК РК, а при выявлении нарушений последующее их устранение.

По нашему мнению, целесообразно дискутировать не сколько в контексте необходимости и пределов прокурорского надзора или судебного контроля, или наоборот, а столько по вопросу о том, в каком оптимальном соотношении должны находиться между собой судебный контроль и прокурорский надзор в стадии досудебного расследования. И такая позиция в данном вопросе является более приемлемой, поскольку существующие радикальные предпочтения по своей сути несовершенны и не имеют рационального зерна.

Зачастую в теории не всегда правильно отождествляются формы и методы процессуального контроля и надзора. Считаем, что метод – это способ, позволяющий теоретически и практически освоить действительность, а форма демонстрирует порядок и организацию содержания контрольно-надзорной деятельности.

Для лучшего понимания форм и методов процессуального контроля и надзора целесообразно более подробно остановиться на каждом из них отдельно.

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РК прокурор – это лицо, которое осуществляет в пределах своих полномочий надзор за законностью на всех стадиях уголовного процесса [2]. При реализации закреплённых полномочий прокурор независим и подчиняется только закону. Прокурорский надзор осуществляется в соответствии с Конституцией РК и Законом РК «О Прокуратуре» и является самостоятельной и специфической отраслью государственной деятельности. Прокурор осуществляет высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.

Следует отметить, роль прокурора на стадии досудебного производства выражена в двух направлениях: во-первых, прокурор от имени государства осуществляет досудебное расследование; во-вторых, осуществляет надзор за деятельностью органов досудебного расследования (органов дознания и следствия). То есть полномочия прокурора могут распространяться как на надзор, так и на уголовное преследование.

По своей сути деятельность прокурора является публичной, которая выражается в обеспечении государственных и общественных интересов.

В отличие от прокурора, деятельность следственного судьи направлена на защиту законных интересов участников досудебной стадии уголовного

процесса от нарушений со стороны органов досудебного расследования и прокурора, а также минимизацию нарушений законов при расследовании уголовных дел.

Целью введения института судебного контроля в лице следственного судьи является, прежде всего, тот факт, что следственный суд – это независимый орган, который не связан ведомственными интересами и выступает надежным гарантом обеспечения прав и свобод личности на досудебном расследовании.

Ожидаемым результатом расширения судебного контроля стало вполне логичное вытеснение прокурорского надзора. Но следует отметить, что деятельность следственного суда хоть и оказывает влияние на законность решений, принимаемых органами досудебного расследования, но не охватывает полностью всю деятельность по расследованию уголовных правонарушений. Она затрагивает лишь те вопросы, которые касаются обеспечения конституционных прав участников уголовного процесса и никак не заменяет постоянно действующий прокурорский надзор на досудебном расследовании.

По мнению А.А. Амиргалиева, расширение судебного контроля позволило вдвое усилить охрану, защиту и соблюдение конституционных прав и свобод личности на досудебном расследовании [3]. Кроме того, им предлагается разграничить прокурорский надзор и судебный контроль по задачам, стоящим перед ними. Отмечая, что выделенные задачи не носят исчерпывающий характер, а служат для более яркого выделения характеристик рассматриваемых органов контрольно-надзорной деятельности, он предлагает выделить следующие задачи прокурорского надзора:

- обеспечение принципа законности при принятии органами досудебного расследования процессуальных решений;
- выявление причин и условий, которые способствуют нарушению закона и принятие соответствующих мер по их устранению;
- проведение профилактики по предупреждению нарушению закона;
- обеспечение достоверными статистическими данными о состоянии преступности, сведениями о следственной работе, дознании и прокурорском надзоре за законностью на досудебных стадиях уголовного процесса.

В качестве задач судебного контроля автор называет защиту от необоснованного ограничения конституционных прав и свобод и корректное применение и трактование УПК РК [3].

Приведенная точка зрения А.А. Амиргалиева нами поддерживается в том, что общая цель прокурорского надзора и судебного контроля – это обеспечение законности на досудебных стадиях, а задачи, которые приводит автор, демонстрируют, что данная цель достигается путем решения задач различными компетенциями. И такое разделение представляется нам наиболее эффективным методом их достижения и решения.

А.М. Баранов считает, что прокурорский надзор и судебный контроль целесообразно объединить в одну контрольную функцию, что «между ними нет различий». Тем не менее, он соглашается с назначением судебного контроля и прокурорского надзора, акцентировав внимание на том, что судебный контроль

должен характеризоваться признаками системности, универсальности и предметности, при исключении эпизодичности [4].

Интересной представляется мнение прокурора г. Астрахани (РФ) А.В. Петрова, который, высказываясь о назначении контрольно-надзорных полномочий прокурора и судьи, отмечает, что «суд реализует контроль только по инициативе органов досудебного расследования или по жалобе заинтересованных лиц по мере поступления конкретных заявлений или жалоб, а надзор прокурора постоянен и непрерывен во времени, носит регулярный и всеобъемлющий характер. В силу объективно присущих судебному контролю закономерностей функционирования, он не может и не должен заменять прокурорский надзор» [5].

Обращаясь к понятийному аппарату, следует заметить, что термины надзор и контроль похожи по смысловому значению. Но чётких критериев разграничения между ними нет, а в правоприменительной практике условно применяют их как идентичные понятия. Тем не менее, мы попытаемся выявить некоторые различия в их содержании.

Во-первых, на что следует обратить внимание, это тот факт, что надзор применяется к постоянно осуществляемой деятельности, а контроль к отдельным проверочным полномочиям. Согласно ч.1 ст. 193 УПК РК можно утверждать, что надзору присущ такой признак как непрерывная его реализация с момента регистрации сообщения об уголовном правонарушении и до составления прокурором обвинительного акта, что не характерно для судебного контроля. Статья 55 УПК РК в отношении контрольных полномочий следственного судьи устанавливает ограниченный перечень [2].

Во-вторых, надзор предполагает определенную отстранённость от объекта поднадзорной деятельности и реализуется извне в отличие от контроля, который может осуществляться и внутри системы.

В-третьих, при осуществлении контроля субъект, его проводящий, отвечает за все проверяемые и принимаемые им решения, например, следственный судья принимает решение о санкционировании меры пресечения, в ходе надзора такое не предусмотрено.

В-четвертых, должностное лицо, осуществляющее контроль, не имеет права самостоятельно отменять незаконные и необоснованные решения и вынужден обратиться к должностному лицу, осуществляющему надзор и обладающим такими полномочиями. Но в то же время непосредственной целью надзора не является исправление нарушения, поэтому надзор направлен на выявление нарушений, а контроль преследует цель устранения нарушений.

Надзору характерно наличие определенных параметров поднадзорной деятельности, в то время как область контроля не имеет ограничений. Другими словами, прокурор, осуществляя надзор проверяет уголовно-процессуальную деятельность на предмет соответствия закону и не имеет полномочий вмешиваться в деятельность поднадзорных органов и лиц. При осуществлении судебного контроля проверяется не только исполнение нормативных актов, но и оценивается качество уголовно-процессуальной деятельности и целесообразность средств и методов, применяемых в стадии досудебного расследования.

Расширение судебного контроля в Республике Казахстан, поставило перед учеными новые задачи в вопросе соотношения прокурорского надзора и судебного контроля, обозначив тенденцию по решению данного вопроса на основе международных норм и норм национального права, призванных гарантировать права, свободы и законные интересы граждан. Первым результатом такого развития в 2017 году стало вытеснение прокурорского надзора и постепенный переход к судебной модели контроля за наиболее правоограничительными мерами пресечения и следственными действиями.

Предоставление широких полномочий следственному суду, хоть и ограничивает полномочия прокурора, казалось бы в исконно надзорной его деятельности, таких как выдача санкций и т.д., но это вовсе не означает замену прокурорского надзора на судебный контроль. Скорее наоборот, это создает свободную площадку для реализации принципа состязательности судебных процедур, которая выступает дополнительной гарантией законности и предоставляет широкие возможности для эффективной защиты конституционных прав и свобод человека.

Одним из таких площадок, где пересекаются, а в некоторых случаях дублируются полномочия следственного судьи и прокурора является процедура санкционирования мер процессуального принуждения.

Согласно ст. 55 УПК РК следственный судья в ходе досудебного расследования санкционирует следующие меры процессуального принуждения, существенно ограничивающие права и свободы подозреваемых (обвиняемых) по уголовному делу: содержание под стражей, домашний арест, временное отстранение от должности, запрет на приближение, экстрадиционный арест, залог, наложение ареста на имущество, а также продление вышеперечисленных мер процессуального принуждения.

Прокурорский надзор осуществляется при санкционировании вышеуказанных мер процессуального принуждения, кроме того, согласно ч. 1 ст. 106 УПК РК прокурор вправе принести ходатайство на постановление, санкцию следственного судьи, если в процессе их санкционирования выявит нарушения принципа законности [2]

Меры процессуального принуждения характеризуются как наиболее правоограничительный институт досудебного расследования, поэтому, на наш взгляд, вполне оправдано установление законодателем «двойного санкционирования», как со стороны прокуратуры, так и со стороны следственного суда.

Не умаляя верховенства следственного суда при санкционировании таких мер пресечения как содержание под стражей, домашний арест и других наиболее правоограничительных мер пресечения, мы считаем, что усиление надзора со стороны прокурора минимизирует риски нарушения неотъемлемых конституционных прав, свобод и законных интересов подозреваемых (обвиняемых).

С другой стороны, положение норм УПК РК о «двойном санкционировании», на наш взгляд, нецелесообразно в отношении санкционирования следственных действий, проводимых с санкции следственного судьи. УПК РК уже устанавливает жесткие требования к

порядку их санкционирования. Дополнительная процедура будет занимать драгоценное время досудебного расследования, прежде всего необходимое для собирания доказательств.

По нашему мнению, в случаях санкционирования следственных действий ограничение прав и свобод подозреваемого (обвиняемого) не так явно, как при применении мер процессуального принуждения. Цели этих действий носят гипотетический характер. Нередко эти действия должны быть оперативны и конфиденциальны. Поэтому целесообразно ограничиться лишь общими методами прокурорского надзора, а не созданием дополнительных затратных бюрократических процедур, которые выражаются в сборе документов, справок, согласовании с прокурором постановлений, соблюдении сжатых сроков, возможном отказе прокурора в согласовании санкционирования и других нюансах, создающих еще большие правоограничения для потерпевшего, который и так пострадал от общественно-опасного деяния.

Таким образом, можем утверждать, что не во всех случаях «двойное санкционирование» является благоприятным с позиции обеспечения прав и свобод личности. Если в первом случае, при обращении к мерам процессуального принуждения, оно может быть позитивным началом для подозреваемого (обвиняемого), то во втором случае, при производстве следственных действий, может нанести ещё больший вред интересам потерпевшего, создав дополнительные ограничения прав для данного участника уголовного процесса.

Разумное сочетание преимуществ прокурорского надзора и судебного контроля в системе обеспечения гарантий законности при расследовании уголовных правонарушений и, прежде всего, конституционных прав и свобод человека и гражданина, наилучшим образом будет способствовать обеспечению как публичных и частных интересов в уголовном процессе, так и защите прав и законных интересов всех участников судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента РК от 15 октября 2021 г. № 674. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 09.01.2021)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks/140.htm (дата обращения: 10.01.2022)

3. Амиргалиев А.А. Актуальные вопросы соотношения судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля на досудебных стадиях в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.rusnauka.com/10_DN_2013/Pravo/11_131533.doc.htm

(дата обращения: 10.01.2022)

4. Баранов А.М. Система средств обеспечения законности в досудебном производстве по уголовным делам// Совершенствование норм и институтов

Уголовно-процессуального кодекса РФ. - Омск, 2006. [Электронный ресурс].
Режим доступа:
<https://cyberleninka.ru/article/n/baranov-a-m-obespechenie-zakonnosti-v-dosudebnom-proizvodstve-po-ugolovnym-delam-monografiya-omsk-omskaya-akademiya-mvd-rossii-2006-220-s> (дата обращения: 10.01.2022)

5. Петров А.В. Соотношение прокурорского надзора с судебным и ведомственным контролем. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<https://wiselawyer.ru/poleznoe/70527-sootnoshenie-prokurorskogo-nadzora-sudebnym-vedomstvennym-kontrolem> (дата обращения: 09.01.2022 г.)

РЕЗОЛЮЦИЯ

по итогам III Евразийского форума по правам человека «Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства»

10 декабря 2021 года

г. Нур-Султан

Участники III Евразийского форума по правам человека, представляющие международные организации, образовательные и научные учреждения Азербайджана, Беларуси, Германии, Кыргызстана, России, Турции, Украины, а также Казахстана (Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Каспийский общественный университет, Институт законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан, Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан),

обращая внимание на необходимость улучшения ситуации в области соблюдения прав человека во всем мире,

признавая актуальность обеспечения доступа к правосудию и права на справедливое судебное разбирательство,

разделяя мнение о необходимости соблюдения прав человека при внедрении информационных технологий в процесс отправления правосудия,

принимая во внимание особенности развития национальных правовых систем, включая органы правосудия,

выражая готовность к сотрудничеству,

приняли следующие рекомендации:

1. Признать конечной целью внедрения современных цифровых технологий в судопроизводство создание необходимых условий для полноценной реализации прав человека в области отправления правосудия.

2. Отметить, что в современном мире толчком к ускоренному внедрению технологий цифрового доступа к правосудию, электронного формата доказательств, дистанционного процесса и др. стала объективная ситуация, сложившаяся в условиях пандемии, а также наличие в государствах удалённых и труднодоступных местностей.

3. Обратить внимание на необходимость разработки постановлений высших судебных органов, разъясняющих вопросы представления электронных доказательств и их оценки судом с учетом особенностей отдельных форм судопроизводства.

4. Рассматривать в качестве перспективного направления использование нейросети, искусственного интеллекта при обработке судебных решений и данных с условием строгого соблюдения основополагающих принципов в области прав человека.

5. Поддерживать мнение о внедрении электронного формата примирительных процедур, что позволит повысить эффективность альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров.

6. Рекомендовать уполномоченным органам:

- уделять особое внимание изучению лучших зарубежных практик применения цифровых технологий в системе отправления правосудия с последующим нормативным закреплением оснований, порядка и пределов их использования в материальном и процессуальном праве;

- принять меры по повышению цифровой грамотности населения в целях обеспечения доступа к административным процедурам и эффективной судебной защите нарушенных прав в публично-правовой сфере;

- инициировать законодательное закрепление дополнительных процессуальных гарантий соблюдения прав человека при производстве дистанционных следственных действий в рамках уголовного судопроизводства.

7. Образовательным и иным организациям и учреждениям продолжить практику проведения обучающих тренингов по правам человека и особенностям их соблюдения в информационном обществе в рамках программ юридического образования и курсов повышения квалификации практикующих юристов.

Содержание

Вступительное слово к открытию Форума Баймолдиной З.Х.	3
I. Выступления с приветственными словами	4
Асанов Ж.К.	4
Абдолла С.Ж.	7
Иверсен М.	9
II. Доступность правосудия и электронные технологии: национальный и зарубежный опыт	11
Бернхардт В. Применение искусственного интеллекта в судебной системе – грядет ли робот-судья?	11
Гаджиев Х.И. Философия судебной власти в информационном обществе	20
Ищенко А.П. Электронное судопроизводство в Украине: теория и практика	25
Исмаилов Р.Р. Судебная деятельность и искусственный интеллект	28
Бурдина Е.В. Проблемы цифрового доступа к суду в Российской Федерации: теоретические и практические аспекты	32
Степанов О.А. Искусственный интеллект в практике судопроизводства	38
Солдаткина О.Л. Сквозные цифровые технологии для обеспечения доступности правосудия	39
Грибов Н.Д. Перспективы использования нейросети в правосудии	43
Кулжабаева Ж.О. Зарубежный опыт применения технологии «электронного правосудия»	47
Грачева С.А. Доступность правосудия в свете тенденций конституционализма в цифровой период: новые вызовы или новые возможности?	54
Олейник В.И. Права человека и верховенство закона в Казахстане	60
Брянцева О.В. Доступность электронного правосудия в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья	67
Поворова Е.А. Судебная власть в медийном пространстве	74
Бурбаев Т.К. Этические проблемы информационного общества	78
Жакаева Л.С. Доступность правосудия: вопросы применения искусственного интеллекта	83

Холодионова Ю.В. Онлайн - или офлайн-правосудие: время выбора пришло! (о возможностях использования дистанционных технологий разрешения трудовых споров в судах России)	87
III. Вопросы обеспечения прав личности в административном судопроизводстве в условиях цифровизации	92
Порохов Е.В. Права человека как конституционные ценности налогового права и административного судопроизводства по налоговым делам в условиях цифровизации	92
Герасимова Н.Н. Электронные доказательства в административном судопроизводстве	99
Шавцова А.В., Сеницына А.М. Перспективы учреждения конституционной жалобы в Республике Беларусь	104
Теплякова О.А. Обеспечение права на образование в условиях цифровизации в рамках административного судопроизводства	110
Мусин К.К., Ералиев Д.Е. Жария-құқықтық даулар бойынша сот медиациясының ерекшелігі	114
Нұрышева Т.С., Мырзалипов Б.М. Қазақстан Республикасы Конституциясына сәйкес азаматтың саяси құқықтары мен бостандықтарын іске асыру және әкімшілік жауаптылықтың кейбір мәселелері	124
IV. Особенности гражданского судопроизводства в электронном формате: теоретические и практические аспекты	136
Байтилесов Н.Т. Искусственный интеллект и роботизация в гражданском процессе: проблемы и основные перспективы	136
Исаенкова О.В. Роль видеоконференцсвязи в повышении доступности правосудия по гражданским делам	139
Багыллы С.Т. Основные направления реализации электронного формата судопроизводства при рассмотрении гражданских дел в Российской Федерации	144
Князькин С.И. Трансформация цивилистического процесса под влиянием информационных технологий	151
Борисова В.Ф. Трансформация института судебных доказательств в условиях цифровизации правосудия по гражданским делам	156
Сухова Н.В. Вызовы гражданской и административной юстиции в условиях пандемии: российский и зарубежный опыт	163
Чикирева И.П. Защита трудовых прав дистанционных работников при привлечении к дисциплинарной ответственности	169
Егембердиев Е.О. Рассмотрение и разрешение гражданских дел в электронном формате: опыт зарубежных стран и Казахстана	174

V. Цифровизация уголовного судопроизводства в контексте соблюдения прав человека	182
Асхауер К., Эльсберген Х. Видеозапись допроса как способ защиты потерпевших	182
Ахпанов А.Н. Институт финансового расследования: проблемы и перспективы развития	189
Абдулвалиев А.Ф. Проблемы обеспечения доступа к правосудию по уголовным делам в труднодоступных регионах	194
Наумович Т.В. Правовые основы противодействия домашнему насилию в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства на примере законодательства Республики Казахстан и Республики Беларусь	201
Мусенова Э.Е. Қылмыстық процесте азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғауды қамтамасыз етудегі прокурордың рөлі	206
Кулбаева М.М. О соотношении судебного контроля и прокурорского надзора при санкционировании следственным судьей процессуальных решений органов досудебного расследования	210
Резолюция	217

Ғылыми басылым
Научное издание
Scientific publication

**АҚПАРАТТЫҚ ҚОҒАМДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ ЖӘНЕ
СОТ БИЛІГІ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ЖӘНЕ ЗАҢНАМА
МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Адам құқықтары жөніндегі
III Еуразиялық форумның материалдар жинағы
(2021 ж. 10 желтоқсан, Нұр-Сұлтан қ.)

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В
ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ,
ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Сборник материалов
III Евразийского форума по правам человека
(10 декабря 2021 г., г. Нур-Султан)

**HUMAN RIGHTS AND JUDICIAL POWER IN THE
INFORMATION SOCIETY: ISSUES OF THEORY, PRACTICE
AND LEGISLATION**

Collection of materials of the
III Eurasian Forum on Human Rights
(December 10, 2021, Nur-Sultan)

З.Х. Баймолдинаның редакциясымен.
2022 жылғы 30 қаңтарда баспасөзге қол қойылды.
"Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі
Академиясы" РММ баспасы, 010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Бейбітшілік көшесі,
46.

Электронды басылым

Под редакцией З.Х. Баймолдиной.
Подписано к печати 30 января 2022 г.
Издательство РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики
Казахстан», 010000 г. Нур-Султан, ул. Бейбитшилик, 46.
Электронное издание

Edited by Z.H. Baymoldina.
Signed to the press on January 30, 2022.
Publishing house of RGA "Academy of Justice under the Supreme Court of the
Republic of Kazakhstan", 010000 Nur-Sultan, Beibitshilik str., 46.
Electronic edition